

ISSN (ONLINE): 2312-2757

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Язык

и Текст

**Language
and Text**

INTERNATIONAL
ELECTRONIC JOURNAL

№3 (7) 2020

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

Оглавление № 3 Том 7 2020

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Некоторые лексические сравнения языков Древней Анатолии и Левантии <i>Тардиво Дж., Китселис Ф.</i>	4-27
Влияние иврита и самоидентификация в иудео-грузинском языке и в Кавказской «Горе языков» <i>Нешер С.</i>	28-35
Концепт «приветствие» в русской и английской блогосферах <i>Громова Е.Д.</i>	36-43

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ

И. С. Тургенев о языке русского народа, о его исторической и генетической памяти <i>Антипенко Л.Г.</i>	44-50
--	-------

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

К вопросу о приемах развития смыслового восприятия переводчика <i>Енбаева Л.В.</i>	51-63
Определение природы имиджа в философии древних мыслителей как элемент культуры в контексте историко-теоретического анализа <i>Нарзикулова Ф.Б.</i>	64-69
Исследование содержания и структуры иноязычной коммуникативной компетенции <i>Шишигина Я.А.</i>	70-78

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

К вопросу о маркировании рода в английском языке <i>Яровикова Ю.В.</i>	79-88
--	-------

ПСИХОЛИНГВИСТИКА, СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА

Письменные источники из древнеалбано-грузинских коммуникаций (Сагдухт - принцесса Рани и царица Картли) <i>Челидзе В.</i>	89-99
Устаревшая лексика в рутульском языке <i>Махмудова С.М.</i>	100-106

Context № 3

Volume 7 2020

GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LANGUAGE

Some lexical Comparison in the Ancient Anatolia and Levantine Area <i>Tardivo Giampaolo, Kitselis Philippos</i>	4-27
Hebrew Influences and Self-Identity in the Judeo-Georgian Language and in the Caucasus “Mountain of Tongues” <i>Sarah Neshet</i>	28-35
The Concept of "Greeting" in the Russian and English Blogosphere <i>Ekaterina D. Gromova</i>	36-43

WORLD LITERATURE. TEXTOLOGY

I. S. Turgenev about the Language of the Russian People, about Its Historical and Genetic Memory <i>Antipenko G. Leonid</i>	44-50
---	-------

LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL BASIS OF STUDYING LANGUAGES AND CULTURES

Some Techniques for Translator’s Text Processing Skills Development <i>Lyudmila V. Enbaeva</i>	51-63
Determination of the Nature of the Image in the Philosophy of Ancient Thinkers as an Element of Culture in the Context of Historical and Theoretical Analysis <i>Firuz B. Narzikulova</i>	64-69
Research of The Content and Structure of Foreign Language Communicative Competence <i>Yana A. Shishigina</i>	70-78

PROBLEMS OF MODERN LINGUISTICS

On Gender Marking in the English Language <i>Yulia V. Yarovikova</i>	79-88
--	-------

PSYCHOLINGUISTICS, SOCIOLINGUISTICS, ETHNOLINGUISTICS

Written Sources from Ancient Albanian-Georgian Communications (Sagdukht - Princess Rani and Queen of Kartli) <i>Vladimir Chelidze</i>	89-99
Outdated Vocabulary in the Rutul Language <i>Svetlana M. Mahmudova</i>	100-106

Некоторые лексические сравнения языков Древней Анатолии и Левантии

Тардиво Дж.

Падуанский университет, г. Падуя, Итальянская Республика
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9398-762X>, e-mail: gtardivo@googlemail.com

Китселис Ф.

Падуанский университет, г. Падуя, Итальянская Республика
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7376-689X>, e-mail: bboyflipper@googlemail.com

Экскурсия по древней Европе с точки зрения исторической лингвистики раскрывает наследие от Эгейского моря и соседней Анатолии до Северного Кавказа. Наша гипотеза связана с культурой раннего земледелия в этом регионе, в период, когда народы, проживающие здесь, говорили на неиндоевропейском языке. Основным источником информации является этимологический словарь греческого языка Бикса. В этом случае внимательно изучается список различных предметов. Открытие бронзы и ее использование имело большое значение, о чем будет рассказано в начале этой статьи. Данная статья впервые приводит интересный факт, очень глубокий по времени, так как предметом научного интереса в ней является слово линейного письма Б, обозначающее «ячмень». От слова «ячмень» анализ переходит к некоторым другим видам пищи, таким как «нут» и «суп»; Таким образом, все три элемента являются частью единой темы: еда. Тем не менее, «еда» - не единственный элемент, который следует принимать во внимание, так как семантика слова «еда» анализируется вместе с инструментами для ее приготовления. По этой причине также включено название «посуда».

Ключевые слова: Древняя Анатолия, Левантийская область, лексическое сравнение, линейное письмо Б, этимологический словарь Бикса, синхрония.

Для цитаты: Тардиво Дж., Китселис Ф. На пороге новой эры. Лексическое сравнение языков Древней Анатолии и Левантии [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2020. Том 7. № 3. С. 4–27. DOI:10.17759/langt.2020070301

Some lexical Comparison in the Ancient Anatolia and Levantine Area

Tardivo Giampaolo

Padua State University, Padua, Italy,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9398-762X> , e-mail: gtardivo@gmail.com

Kitselis Philippos

Padua State University, Padua, Italy,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7376-689X>, e-mail: bboyflipper@gmail.com

An excursus of ancient Europe from an historical linguistics viewpoint reveals the legacy between Ægean and the nearby Anatolia till Northern Caucasus. This hypothesis is related to the early farming culture, whom people spoken a non-Indo-European language. Main source of information is Beekes Etymological dictionary of Greek. On this occasion, word lists of various items are scrutinized. The discovery of bronze and its use it was of great importance, as it will be illustrated at the beginning of this article. Then, the article contains for the first time, a very interesting fact, very deep in time, as it involves a Linear B word for ‘barley’. From ‘barley’ word, it progresses towards some others kind of foods, such as ‘chick-peas’ and ‘soup’; in this way, all three elements are part of a single theme: food. However, ‘food’ is not the only element taken in consideration, also ‘food’ preparation required tools in order to process it. For this reason, a ‘vessel’ name is also included. Nevertheless, the ‘stone [for special purpose]’ use was never abandoned, conversely, its usage was confined to other purpose..

Keywords: Ancient Anatolia, Levantine Area, Lexical Comparison, a Linear B word, Beekes Etymological dictionary, synchronicity.

For citation: Tardivo G., Kitselis Ph. On the Edge of a New Era. Lexical Comparison in the Ancient Anatolia and Levantine Area. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2020. Vol. 7, no. 3, pp. 4–27. DOI:10.17759/langt.2020070301 (In Russ.).

Forward

An excursus of ancient Europe from an historical linguistics viewpoint reveals the legacy between Ægean and the nearby Anatolia till Northern Caucasus. This hypothesis is related to the early farming culture, whom people spoken a non-Indo-European language.

Main source of information is Beekes Etymological dictionary of Greek.

On this occasion, a word list of various items are scrutinized. The discovery of bronze and its use it was of great importance, as it will be illustrated at the beginning of this article. Then, the article contains for the first time, a very interesting fact, very deep in time, as it involves a Linear B word for ‘barley’. From ‘barley’ word, it progresses towards some others kind of foods, such as ‘chick-peas’ and ‘soup’; in this way, all three elements are part of a single theme: food. However, ‘food’ is

not the only element taken in consideration, also ‘food’ preparation required tools in order to process it. For this reason, a ‘vessel’ name is also included. Nevertheless, the ‘stone [for special purpose]’ use was never abandoned, conversely, its usage was confined to other purpose.

Throughout the article, there is the intention to forge and to assess the Rules between those words, and how it is possible that Greek substrata words shows common roots with North Caucasian languages.

Furthermore, in the Hesiodic tradition and its links to the Upper Mesopotamian (Hurrian) beliefs, has been discussed a lot in the past; see Güterbock (1948), Versnel (1987) and Campbell (2013), just to quote some of them. The origin of the pre-Olympian gods, the Titans, it draws a lot of attention, as Nilsson (1951) argued that Kronos is an agricultural god, an archaic god of harvest. Other deities, such as the Kabeiroi, have also been brought into context because their Anatolian, pre-IE origin¹. The list of examples could be extended to others, but it is not the case here.

Recent research in linguistics shows how important human contacts throughout time and place were. The idea of «restriction» or tribal way to live beared from scholars for centuries, after careful consideration, it is constantly surpassed by linguistic perspective. After the discoveries of sites in Eastern Mediterranean area, and related decipherments of Hittite and Mycenaean Greek languages, a new chapter of unsolved questions is still open. Our knowledge of the past is very far from to be complete, and Linguistics can advocate those contacts. The result gained until now by linguistic families, subdivided by groups, it is by no means insignificant or wrongly proved. Actually, it is the most accurate system to classify words, hence, to sieve and purify the lexicon from external sources. The core argument here is – in all respect – to search and reconstruct original lexemes; at the same time, dealing with better understanding how, when and where it happened. Digging in the past, especially when literary sources are very scanty, it is linguistically ground for misinterpret its original meaning. However, oral traditions and comparanda of them, it might be helpful.

Weaponry is Metal

Two metals are used as time denomination: Bronze and Iron. After stone-age, metals appear to mark a boundary between emerging powers and the rest of the world. It is well known that the technology of metal-working was the key factor, or at least, one of the main contributors to permanent settlement of people in certain area. Craftsmen kept their knowledge secret from others; their crafts created a special position within society and a high demand in production of various objects, especially weapons.

At this point, it is possible to redefine this concept. In order to understand how metal-working took part in humankind development, a journey to Anatolia and surrounding area is necessary. Metal products related to Anatolia are recorded from antiquity, actually, recent excavations enlightened and enriched this perspective.

The discovery of Bronze it was a great step, its use ranged from weapons to kitchen tools and beyond that. The first element to take in consideration is a word with specific meaning, ἔναρα ‘the weapons of a fallen opponent’. As Beekes stated, there is no etyma for this word; even previous attempt to related to Sanskrit it failed. However, looking at very rich area of metals production,

¹ See Beekes (2004) who compares Καδμῖλος/Κασμῖλος with the Hattian ḫašammil.

such as Майкор and Kura-Araxes, some hypotheses are also possible.

The article of Ruslan Seferbekov “Боги-патроны ремесел у народов Дагестана” deserve a lot of consideration; because it offers the right step for further research; one of them is the Abkhazian theonym Айнар / Ајнар ~ Аінар ‘(божество) кузнецы / smith’s god’, hence Аинаржьи / Ајнарзи ‘мастер золотых дел.; кузнец Нартов / goldsmith, Narts’ blacksmith’¹.

Assembling these two elements, a West Caucasian theonym, such as Ајнар, and ἔναρα ‘the weapons’, they could be seen as chance similarity; however, the monophthongization of ai / aі > ě is a well-known phonologic Rule.

Even the association of «blacksmith» with «weapon» is quite possible, as “producer → product”. This semantic aspect is a parallel to Ἄκακαλλίς, a theonym, originally a phytonym.

Barley, a Source of Happiness?

In 2017 Rachele Pierini wrote an article about **MA-KA** in Linear B, whose title is “An alphabetic parallel for Mycenaean *ma-ka*” is attractive. Its meaning, due to the position within inscriptions, it appears controversial. The article deserve our attention because it is a good source from attested forms. A general overview and a summary description is exposed as introduction to the theme. Several interpretations are proposed, among them “kneading”, “olives”, “wine”; which, at the end, are discarded.

Contextualise the position within tablets, Pierini’s first step was to classify the relevance of **MA- KA** and its use. The author makes it clear what kind of word is, and, frankly, the method is quite orthodox. Pinpointing the relevant part, by number:

1. [First], it is related to the religious sphere, because of the content of the tablets where it appears.
2. [Second] the syntactical analysis has highlighted the following data:
 - a. **MA-KA** is strongly linked to *HORD(EUM)*.
 - b. **MA-KA HORD(EUM)** is the first entry, occasionally preceded by temporal clauses.

MA-KA is not a recipient but rather a common Noun, and recipients are listed from line .2 onwards.

- c. allocation after **MA-KA HORD(EUM)** are much larger than those on recipients in following entries.
- d. **MA-KA** is syntactically similar to **KA-PA**.

All those parts will constitute the core of the discourse, especially when it progress in diachronic system.

It is not less relevant the fact that “From a semantic point of view, it had been highlighted that

MA-KA refers to a grain, that such a grain was for communal use, and it was possibly processed

in some manner or stored. [...] Given the meaning δεῖπνον of **DE-QO-NO**, such a parallel

¹ Касландзия, see Bibliography

between **MA-KA** and **DE-QO-NO** indicates that **MA-KA** belongs to the semantic area of food, and that one can specify this as ritual food because of the religious content of tablets where **MA-KA** appears. Finally, the Linear B spelling points to **MA-KA** being related to a root like **mak-* or **mag-*.¹ Furthermore, Pierini goes ahead with late sources, such as Hesychius of Alexandria; a very useful lexicographer. However, modern Scholars tend to ignore him. From Hesychius (μ 103 L.) we know that:

μακαρία · βρῶμα ἐκ ζωμοῦ καὶ ἀλφίτων, basically ‘a soup (or sauce) with flour’.

Other sources (see Pierini’s article) are not different from Hesychius’ description. So, to summarize all three Greek writers, briefly Pierini wrote:

“...that alphabetic Greek μακαρία refers to a ritual food made of cereal flour and distributed to people involved in a ritual.”

At this point, the author sharpening – in order to avoid confusion between – those two words; thus, a morphological analysis and establishing suffixal form with:

“These strong similarities allow for a semantic comparison between ritual food **MA-KA** and μακαρία, making it highly likely to consider μάκαρ as the alphabetic interpretation of **MA-KA** and, in turn, μακαρία as a derivative of it.”

According to *LSJ*, μάκαρ ‘blessed, happy (as epithet of the gods)’; in this way, it looks disconnected from **MA-KA**.

Despite the attempt to make a secure etymology, those words are classified as part of the sub-strata lexicon; simply because within Indo-European languages, there is no data available; once again, an isolated word in the Aegean area. There are two strong factors in favour of sub-strata origin:

1. It is a cereal, where’s Indo-European languages – in some cases – lack of a proper terminology.
2. Its phonological structure.

Further, even μάκαρ is a lexeme alien to the Indo-European linguistic family.

Besides Pierini’s explanation, as already stated for Indo-European, the word **MA-KA** has anything to do with Russian (a Slavic language) ‘мука / flour’. Nevertheless, Pierini’s questions lead to С. М. Хайдаков/ S. M. Khaidakov’s¹ article “Полеводческие и животноводческие термины в Дагестанских и Нахских языках, восходящих к эпохе энеолита / Field and livestock terminology in Nakh-Daghestanian languages from Neolithic Era”. Such article shows what kind of words are safely backdating to early historical time; among them: ‘ячмень / barley’, as Khaidakov wrote:

“Название древнейшей сельскохозяйственной культуры ‘ячмень’ бесспорно восходит к общенахско-дагестанскому хронологическому уровню./ The word for «barley» can be safely backdated to the ancient time of the common Nakh-Daghestanian lexicon.”

In his list, Khaidakov includes 13 languages; much more the same number of Johanna Nichols’ list; except for some languages. Both them are below of Nikolaev & Starostin’s list (with 16). There is no general agreement about their relationship; simply because similar words, also in

¹ Khaidakov, p. 109.

meaning, appears crosswise in the area. For this reason, Nikolaev & Starostin split up ‘barley’ in two separate roots: **mu:qV* ‘barley’ proper, and **wVlq’V*: ‘a kind of cereal; flour made of it’. However, there is no general consensus for Proto North-Caucasian reconstruction carried out by Nikolaev & Starostin. In any form, the core is Linear B **MA-KA** et sim., in order to reconstruct a possible common origin, various perspective will be illustrated.

Table 1

The following scheme is far away from to be assertive; it actually is an attempt to conciliate various forms:

Akhwakh	<i>muq^h:á</i>	голозерный ячмень / naked barley
Chechen and Ingush	<i>muq</i>	ячмень / barley
Tindi	<i>múja</i>	
Tsezi and Hinuq	<i>maqʁ χ(a)</i>	
Inkhokvarian	<i>maqɑ</i>	
Khwarshi	<i>maqɑ</i>	
Dargwa (Kubachi)	<i>muq^hɑ</i>	
Archi	<i>maχá</i>	
Tabasaran	<i>muh, muhú, muhár</i>	
Agul	<i>muχ</i>	
Budukh	<i>mux</i>	
Lezgian	<i>muχ, məχ</i>	
Kryz	<i>míχ</i>	
Khinalug	<i>maqá</i>	
Bezhta	<i>miq’oʔ</i>	пшеница / wheat
Hunzib	<i>múχe</i>	злак(и). зерно, урожай / cereal, grain

NOTES:

- Nakh group: Chechen, Ingush and Akkin also *me:qaf*, Kistian dialect *me:kif*, Cheberloi dialect *maqif*, and Itumen dialect *maqef* ‘ib.’.
- Andi group: For Akhwakh: 3rd cl., (Tsegob.) *muʔa*, (Ratlub.) *muq^h:á*. For Tindi 2nd cl.
- Tsezic group: Tsezi and Hinuq 3rd cl., Hunzib 4th cl.
- Lak-Darg. group: Darghin varieties: Akusha, Urakh, Muir, Tsudakhar *muq^hi*, Kajtagh *miq^hæ*, Sirhan *miq^{wh}i*.
- Lezghian group: Archi translation is partly problematic, as Chumakina et al. translate as рожь / rye; 3rd cl.; meanwhile Kibrik&Kodzasov translate as «barley». For Budukh e Khinalug 3rd cl.

External to the scheme, the Andi compound form *muq̄:ga* ‘смешанное зерно / mixed grain’. The first things which apparently contradict the intention, is the vowel variation *-a-* (*-e-*) / *-i-* / *-u-*; such feature is pretty common within Nakh-Daghestanian languages, especially between dialects of the same language. Also, the presence of a uvular is unproblematic, as “*The difference between velar and uvular consonants is that with velar consonants the tongue body is raised, whereas with uvular consonants it is not*”¹. Such picture could be Regular; although it is not the same as Khaidakov’s exposure; which include Hunzib *oh*, Bezhta *og* ‘barley’, Avar *hoq^h*; *oq^h*: ‘ib.’, Lak *qa* ‘ib.’, on top of Lezgi (proper), Tabasaran, Agul, Budukh, Archi, Kryz, Dargin and Chechen (as above).

Even more audacious is Nichols’² configuration, with a Nakh-Daghestanian protoform in **(m)uq-*, **(m)aq-* [‘barley’]; and the languages included are: Chechen-Ingush, Avar, Tsez, Khwarshi, Lak, Dargi, Lezgi, Tabasaran, Agul, Kryz, Archi, Khinalug (as above), plus Udi with *mu* ‘barley’; last one deserve a bit of attention, as W. Schulze³ wrote “Nikolaev & Starostin relate the term to (see **wVlq’V*: ‘a kind of cereal; flour made of it’). Rather doubtful. Both stem and oblique inflection.”

Last one is Nikolaev&Starostin edition, freely available on-line (website: starling.rinet.ru). Furthermore, G. A Klimov⁴ in his dictionary of Kartvelian linguistic family, he presented a form in **maxa* - ‘sort of wheat’: Georgian მახა [maxa] ‘sort of wheat’; Lazi *moxa*.

The agricultural term represented in Georgian dialects (Lečx., Rač’a). There are no traces of it in Megrelian. The Laz correspondence was noted in Marr (1910: 168). A possibility of reconstructing form **maqa-* cannot be ruled out, especially if we take into account material parallelism in Nakh-Daghestanian languages (cf. Chechen and Ingush *muq*, Tsezi *maqa*, Darg. *muqa* alongside Archi *maxa*). The word seems to reflect an old cultural property.

At this point, there is a clear-cut about Nakh-Daghestanian languages, their well-preserved lexical item could be strong enough to be compared with **MA-KA**. Second part to taken into consideration is the suffixal form in **-ap**, and in all respect, there are few other words with this ending, such as δάμαρ, εἶθαρ, ἴκταρ, καλαμίνδαρ, νῶκαρ, παλλιχίαρ, σκίναρ, σῦφαρ and ὕφεαρ. Even in this case, Nakh-Daghestanian languages offers a possible solution. In the present paper, a general overview allows to conceptualize a derivative form. As С. М. Темирбулатова / S. M. Temirbulatova⁵ wrote for Dargin:

От существительных множественного числа именительного падежа, при помощи суффикса **-ap** образуются конкретные прилагательные. При этом конечный гласный **-и** существительного замещается гласным **-а** суффикса **-ap**:

1. илби – илб-**ap** «глаза – глазастый»
2. цилби – цилб-**ap** «зубы – зубастый»
3. кИпри – кИпр-**ap** «листья – лиственный»
4. кьялуппи – кьялупп-**ap** «ветви – ветвистый»

¹ Odden, p. 143.

² Nichols, p. 256-257.

³ Schulze, p. 300.

⁴ Klimov, pp. 117-118.

⁵ Темирбулатова, p. 77.

5. унцІби – унцІб-ар «клинья – с клиньями».

[Eng.: The suffix **-ar** is used as plural formative; also, the adjective manner of a Noun. So, the final vowel will be truncated and replaced by **-ar**:

1. *ilbi* ~ *ilb-ar* «eye ~ with big eyes»
2. *Asilbi* ~ *Asilb-ar* «tooth ~ toothy»
3. *k'ipri* ~ *k'ipr-ar* «leaf ~ full of leaves»
4. *q'æluppi* ~ *q'ælupp-ar* «branch ~ branch-like»
5. *untʃ s'bi* ~ *untʃ sb-ar* «wedges ~ in wedges»]

This aspect is not a prerogative of a single language, it actually is quite widespread, including its functionality, like in Tabasaran (Lezg. group), as Сулейманов, Н. Д. / N. D. Sulejmanov¹ wrote:

хураг «кушанье» / *hurag* «dish»,
хураг-ар «кушанья» / *hurag-ar* «dishes» [PLUR.],
хураг-ар «кухня» / *hurag-ar* «kitchen»

Within Pre-Greek, the suffix **-ar** waiting for an explanation; and this is an attempt to make akin both parts, Aegean with Greek (actually Pre-Greek) and Daghestani.

After this excursus with Daghestanian language, Linear **MA-KA** *HORDEUM* relationship to μάκαρ will be strengthened by suffixal use of **-ar** / **-ar** [-ar] in diachronic way; as seen in the description, it is multifunctional. One question may arise, why «barley» was so relevant in ancient time? What reason pushed those people specifically to this cereal? Explanation is quite plain, like wheat and rye, barley was one of the most consumed cereal in the Middle East, as “Domesticated barley is abundant at Near Eastern archaeological sites from 9500 C years ago and the crop spread to Europe, Egypt, and south Asia from about 8000 C years ago, with the other Neolithic crops of the Fertile Crescent”². Throughout time, barley crop slowly declined for human consumption; meanwhile it increased as fodder.

To figure out its relevance, another Pre-Greek (or Greek substrata) word might be helpful: οὐλαί. According to Beekes, ‘(underground) barley corns, roasted and sprinkled between the horns of the sacrificial animal’ (Ionic since γ 441); Latin *mola salsa*. Nevertheless, its variation with ὀλαί (Attic), ὀλοαί (Arcadian Π^a). Cf. ὄλπα · χόνδρου τις ἔψησις. ἔδεμά τι ‘cooking of groats, a dish’. ἡ ὄλβος ‘wealth, blessed state’ (Hesychius).

To go further, for ὄλβος ‘wealth, blessed state, prosperity, happiness’, Beekes’ comment is:

¶ If the gloss is cognate [to ὄλπα], it must be Pre-Greek, which is certainly a good possibility.

Such definition, open a question on Urartian³ *ma-ku-ri* ‘милостивый, милостиво / gracious(ly)’; which it could be related to μάκαρ, μακαρία. However, based on Urartian inscriptions, there is not enough data to demonstrate a secure connection with Linear B **MA-KA**. Once again, ‘barley’ was at the centre of religious performance, and the description “it is related to the religious sphere” should be taken faithful and correct.

To resume the process as a whole, Pierini’s article opened a new path in historical linguistics, thus, good agreement with Khaidakov’s previous observation of ‘barley’, a very old lexical item in

¹ Сулейманов, Н. Д.; p. 82

² Prance&Nesbitt 2005, p. 49

³ Мещанинов / Meščaninov, pp. 192-193

Nakh-Daghestanian languages; in spite of Kartvelian scanty record.

Furthermore, the suffixal form is diachronically elaborate, and, as result, it reinforces main concept of «barley → religious sphere» granted in οὐλαί. The comparison between two sides of Anatolia (Aegean in the west, and Caucasus in the north-east), starting with ancient inscriptions, it will be an opportunity to safely reconstruct linguistic family-tree.

Why Chick-Peas Are Salty?

It is well known that plant denominations are quite colourful. It may vary from one place to another, not only between languages, also among dialects of the same language. In many cases, the same name might be referred to different or similar plants. For this reason, in order to avoid confusion between plants varieties, the Swedish botanist Carl Linnaeus (1707-1778) decided to use Latin or a Latinized form for plants (and animals) description and classification.

This is also the case of γάλινθοι ‘chick-peas, *Cicer arietinum*’¹. Its Latin name is quite clear, *Cicer* as generic phytonym, and *arietinum* < *aries* ‘ram’, simply because they resembling ‘ram’s head’.

However, the Pre-Greek form contain a more specific detail, and it is utterly different from fanciful Latin denomination. The first element to taken into consideration is vegetable characteristics, as Theophrastus (*Historia Plantarum*, VIII, 6, 13) pointed up:

“More abundant rain is beneficial to all crops when they come into leaf and formed the flower; however it is harmful to wheats and barleys and other cereals when they are actually in flower; for it destroys the flower. But to pulses it is harmless, except to chick-peas; for these, if the salt is washed off them, perish from rot or from being eaten by caterpillars. However, the black and the red chick-pea are stronger than the white, and it is beneficial, they say, to sow this crop late in moist soil.”

This peculiar description is observed by Costas A. Thanos in his article (*Aristotle and Theophrastus on plant-animal interactions*; at p. 6.):

“In the case of chick pea, Theophrastus argues that it is a particular saltiness in the seed coat that prevents infestation (*Causis Plantarum* – VI, 10.6)²”.

There are no doubts that ‘salt’ play an important role for chick-pea seeds; and the description made by Theophrastus is very helpful. Other element to analyze is its phonological variation: γέλινθοι, γάλιθοι on top of the more standard form in γάλινθοι. At this point, to quote Beekes is the right path:

¶ Pre-Greek (note the suffix -ινθος with a variant without prenasalization, as well the interchange α / ε).

Hence, based on description, a synchronical reconstruction in *γάλ(i)- / *γέλ(i)- is more likely. Briefly, three main elements corroborated this view:

1. Latin name is different from Greek name.
2. The ‘saltiness’ is a relevant detail.
3. Phonologic variations within Pre-Greek.

¹ турецкий горох.

² Aristotle and Theophrastus on plant-animal interactions; p. 6.

The name itself shown a very strong legacy with Nakh-Daghestanian languages, particularly with Lezghian group; as their word for ‘salt’, once compared to Ægean word, it shows a common origin.

Table 2

As usual, a scheme is illustrated here:

Tabasaran	<i>q'il</i>	2 nd class	СОЛЬ / salt
Agul	<i>q'el, q'il</i>	-	
Lezghian	<i>q'el, q'äl</i>	-	
Rutul	<i>q'ely</i>	3 rd class	
Tsakhur	<i>q'ew</i>	3 rd class	
Kryz	<i>q'ël</i>	4 th class	
Budukh	<i>q'el</i>	3 rd class	
Khinalug	<i>q'ä</i>	4 th class	
Udi [?]	<i>el</i>	-	
Pre-Greek	γάλινθοί, γάλ(ι)-, γέλ(ι)-		

In Rutul **ERG.** *q'il-i-r*, in Kryz **GEN.** *q'il*.
 In Tabasaran, a derivative form is *q'eldq z:*, *q'ildq z:ú*, *q'ildq z:ár* ‘селитра / saltpeter’.
 For Udi form, Schulze’s comment: “The underlying Proto-Lezghian form is **q^ʕel* (or **qäl*).
 Though initial **q^ʕ*- can be dropped in Udi, we cannot exclude the possibility that the Udi term *el*
 does not stem from Proto-Lezgian, but is a loan from Old Armenian *al* ‘salt’.”¹

Regarding some phonological aspects, the comparison shows some minor problems to fix. All Lezghian languages shows a glottalized voiceless Uvular plosive, whilst Pre-Greek has a simple γ - (gamma) [+ voiced + velar + plosive]; which it seems inappropriate for the case. However, all authors whom investigate and describe Pre-Greek lexemes, they came at the same conclusions: poor graphic system [Greek alphabet] for a rich phoneme inventory [Pre-Greek]. From this descriptive analysis, it is remarkable that Lezghian languages are more conservative with q' -; thus, a passage in $q' > *G$ is plausible. Based on this reconstructive phonologic attempt, it is possible now to restore Pre-Greek original pronunciation in $\gamma\acute{\alpha}\lambda\iota$ - < **gál(i)*- < **q'ál(i)*-.

The German ethnographer Roderic von Erckert, despite his effort on the subject, in his book about Caucasian languages, the part dealing with lexical record, at n. 291 (Salz / Salt / Sel), it is proven totally wrong, on the following ground: first, the Greek word for ‘salt’ is ἄλς, which is fully Indo-European, and part of word-list with σ - > h - > \emptyset - Rule. Then, it is impossible to demonstrate a passage $h > q'$. The same aspect is repeated between Khinalug *q'ä* and Armenian ա[ա] ‘salt’.

The dissertation on chick-pea unveil its name; and it is supported from Theophrastus’

¹ Schulze, p. 274.

description. The fact that γάλινθοι bear its name from ‘salt’, it put together Lezghian original and conservative meaning with Pre-Greek derivative form. Even the phonologic feature is not an obstacle to reconstruction. Furthermore, it corrects the previous assumption made by German ethnographer v. Erckert.

From Field to Table

To continue on the same field, more words appears to be on both sides of the Anatolian plateau; that’s include special food preparation, such as μυττωτός ‘dish, kind of paste’, whom ingredients are ‘cheese, honey, garlic, etc...’ (Hipponax, Ananius., comedy, Theophrastus). Then, a slight sound variation in -σσ- (Hippocrates, περὶ τόπων τῶν καταάνθρωπον 47), -σ- (Callimachus, *fragmenta* 282). According to Beekes:

For the realia, cf. on μῦμα. A formation in -ωτός, probably denominal (cf. Chantraine 1933; 305f., Schwyzer: 503). In view of the variation -ττ- / -σσ- / -σ-, the word is Pre-Greek.

A very explicative statement come from Ramazanov’s Agul-Russian dictionary, the description of *mut’úla*, *mut’úlaj* ‘растопленный внутренний жир, замерзший налет на жирном мясном супе / melted inner fat, coagulate fat on meat soup’ is self-evident. Besides, the Pre-Greek alternation with -σσ- / -σ-, it leads to another Agul lexeme, as Ramazanov describe: *mus:uaf* ‘(толокняная каша) традиционное горское блюдо на основе жидко сваренной мучной болтушки, далее замешиваемой с толокном, подвояемой, с маслом, урбечем¹ и медом / (porridge) traditional dish of mountaineer, made out of cooked flour mixed with butter, nut-butter and honey’; basically < *mus:ú* (Burshagh), *musú* (Richag, Fitigh), *mus:í* (Burkihan) ‘толокно, у Агулов традиционно мололи толокно из жареного в [хьаре] ячменя / traditional porridge of roasted wheat and barley’, especially in the case of *mus:ú t’ifí* [‘knead the dough’] ‘одно из традиционных блюд горцев Дагестана, ели вместо хлеба / typical food of Daghestanian highlander, ate instead bread’. Yet, it is not completely clear if this is the case of sound variation (-ττ- / -σσ- / -σ-), or two different kinds of food; as the Pre-Greek description is a bit vague. In light of this comparison, the second option is more likely.

Remnants of an Era

Even when metals begun to be part of civilization progress, stones were in use anyway. The “stone” lexicon was never forgot throughout the time. This is the case of γυλλός [meaning unclear] ‘block of stone’ (Milete VI-V^a), carried in a procession for Apollo (Nisson, *Greek Religion* 1,189); κύβος, ἢ τετράγωνος λίθος ‘cube or cubic stone (Hesychius); γυλλοί · στολομοί ‘equipment, apparel’ (Hesychius; Latte corrupt). According to Beekes:

¶ No etymology. Lewy KZ 55 (1928): 72f. connects the word with Hebrew *gōlēl* “Rollstein”.

¹ “a thick liquid mass obtained from roasted toasted or simply dried seeds of flax, hemp, sunflower, pumpkin, apricot kernels or nuts. In the traditional cuisine of the peoples of Daghestan, it is used to make a sweet dish of the same name (with honey and butter), as a nutriment for maintaining strength, in the treatment of diseases”.

Such assumption is – obviously – rejected by Beekes, by phonology and semantic grounds.

For the connection between the deity and the ‘stone’, there is a story that “...*Though purified of his guilt, he was haunted by Procris’s ghost and, fearing to bring misfortune on his companions, went one day to Cape Leucas, where he had built a temple to Apollo of the White Rock, and plunged into the sea from the cliff top. As he fell he called aloud on the name of Pterelas; for it was under this name that Procris had been most dear to him.*”¹.

Table 3

Then, a comparison with Lezghian group reveal its nature and relationship.

Lezghian	<i>q^w’al</i>		обрыв, круча / precipice, steep
Tabasaran	<i>q’al</i>		обрыв, пропасть / cliff, abyss
Rutul	<i>q’ul, q’ala</i>		скала, доска / rock, board
Tsakhur	<i>q^w’ul^j</i>	4 th class	скала, скалистый склон / rock, rocky slope
Budukh	<i>q’ol</i>	3 rd class	скала, утес / rock, cliff
Archi	<i>q^w’il</i>	4 th class	выступ на склоне горы / jut (on the hill)
Pre-Greek	γαλλός		
Partly relevant, from Starostin’s edition is: - OBL. base * <i>q^w’ila-</i> (cf. Lezghian <i>q^w’ala-</i> , Tabasaran <i>q^w’áli-</i> , Rutul <i>q’ulá-</i> , Tsakhur <i>q’ule</i>).			

Two phonologic elements show agreement with other lexemes. The presence of -wV- > Labial vowel(s), as already seen in “Labialization in Aegean and Nakh-Daghestanian languages” (Tardivo, 2020/1); and then, the same phonologic process of γάλινθοῖ.

Table 4

In both cases, γ- of Aegean match q- / q’- of Daghestanian languages; as shown here:

	Tabasaran	Rutul	Tsakhur	Budukh
γάλινθοῖ, γάλ(ι)-, γέλ(ι)-	<i>q’il</i>	<i>q’ely</i>	<i>q’ew</i>	<i>q’el</i>
γαλλός	<i>q’al</i>	<i>q’ul, q’ala</i>	<i>q^w’ul^j</i>	<i>q’ol</i>
γ-	<i>q-</i>	<i>q-</i>	<i>q-</i>	<i>q-</i>

The assumption of “...*q’-*; thus, a passage in *q’ > *G ...*” exposed in this article should be seen as a principle for phonologic Rule, also known as regular sound change. Such feature is not restricted to a single group of languages in comparison to Pre-Greek; it also include others, like

¹ Robert Graves, n 89.

Nakh group. A good example is γαυλός ‘milk-pail, water-bucket, beehive’ (Odyssey), with different accent γαῦλος. Its etyma is doubtful, with some reference to Semitic languages, as Beekes stated:

A connection with γωλεός and γύαλον and, outside Greek, Old High German *kiol*, Old Norse *kjóll* ‘ship’ has been considered. Alternatively, γαυλός could be borrowed from Semitic, cf. Hebrew *gullā* ‘vase for oil’. Specifically Phoenician origin cannot be proven with the gloss γαυλοί · καὶ ταὶ Φοινικικαὶ πλοῖα γαῦλοὶ καλοῦντοὶ ‘also Phoenician ships are called γαῦλοὶ’ (Hesychius); see E. Masson 1967: 39ff. Latin *gaulus* is borrowed from Greek.

Briefly, neither Indo-European nor Semitic are conclusively convincing. The Nakh group offers a more striking solution with Chechen *q’ylg* (Cheberloi *q’olig*, *q’v:lgef*; Itumen *q’vj*), and Ingush *q’ulg* (Kistian *q’vjg*) ‘маслобойка / churn’. Several phonologic elements appears, the persistent relationship between consonants, where Pre-Greek shows γ- directly related to north Caucasian *q- / q’-*; then, the diphthong -αῦ- fits -v:- lengths of the Cheberloi dialect (of the Chechen language). The -g ending appears quite regularly in Nakh words, as Starostin wrote, it is a diminutive. Even from a Semantic perspective, it appears more reliable, as ‘milk-pail → churn’. Once again, the Greek graphic system is close enough to those languages located in the bridge between Asia and Europe.

The forefather of this kind of studies was Paul Kretschmer. His first step was “to sieve” Greek words of Indo-European origin from Greek as a whole. Since then, this kind of studies still are quite debated. The key-point is centered in Rule violation, for this reasons, there is strong disagreement between Scholars. The Neo-grammarians motto is based on “Regular sound change, exceptionless”.

Even in this occasion, unetymologized Greek words are potentially related to North Caucasian languages. What it emerge from this research, despite the opposition of sound classification (voiced ~ voiceless ~ aspirated vs. plain ~ palatalized ~ labialized), it is a complying system in accordance to Neo-grammarians method; which is universally accepted. It is possible now to trace it back the phonologic Rule of a voiceless uvular plosive, with further development as voiced uvular plosive (*q / q’ > *G*).

This Rule will be added to others. Such Rules are fully applicable to ἀγήρατος ‘stone used to polish women’s shoes’ (Galenus), according to Beekes:

A connection with the word for ‘age’ does not seem appropriate. Szemerényi *Gnomon* 43 (1971): 641-75 proposes ἀγήρατος ‘very lovely’, which is not much better.

Conversely, the Nakh group show good agreement with, starting with Chechen *qε:т, qε:ra* (6th class) ‘камень / stone’, hence, Ingush and Bats with *qera* (6th class) ‘камень для метания / throwing stone’. Analyzing the last word, the process fulfill the Neo-grammarians expectations:

1. The aphaeresis of *â- > Ø-*.
2. The consonant */-γ-/* is linear to other words shown here
3. The middle vowel length is also reflected in Chechen. At this point, a resume of all cases is due:

Table 5

Analyzing the last word, the process fulfill the Neo-grammarians expectations:

Pre-Greek	Lezghian	Nakh
γάλινθοὶ, γάλ(ι)-, γέλ(ι)-	<i>q / q’ > *G</i>	
γαλλός	<i>q / q’ > *G</i>	

γαῦλος		$q > *g$
ἀγήρατος		$q > *g$

One more dish made of cereals: κόλλυβα.

In the rich lexicon of Greek language, an etymologized word appears: κόλλυβα. It is a ceremonial cake that is being eaten in Greece, Romania and others Eastern Orthodox countries, in commemoration of the dead. Its preparation consists of boiled wheat, with pomegranate, coriander, raisins, nuts and icing sugar bounded together. Its origin goes back to the pre-Christian era, and it was called πανσπερμία ‘mixture of all seeds’ in antiquity. On the final day of the Anthesteria, this mixture, was offered to Hermes Chthonios. The rite was said to have been established following the great flood¹, a story adopted by Turkish folks²; when a few survivors gathered together and ate whatever food was available. Theopompos³ tells us it was intended propitiate Hermes on behalf of the dead. According to Johnston (1999), the idea behind it was to win Hermes favour and thereby guarantee his solicitude for the dead, for whom he acted as a guide back and forth between the worlds of the living and the dead.

Greek etymological dictionaries associate this word to κόλλυβος ‘coin of little value’ or κόλλαβος ‘small wheaten cakes’⁴ or ‘desert made of nuts and fruits/seeds’⁵. The etymology appears uncertain, although, there is a proposal to connect to Hebrew *hālṗ* ‘exchange’. Such a proposal has been rejected by Beekes (2010), who classified it as a Pre-Greek lexeme. Based on the fact that κόλλυβα is a wheat, product; its meaning could be:

1. A word for ‘wheat’ or similar cereal, or
2. A root for cereal-based product (such as bread, porridge).

The fact that κόλλυβο means both ‘wheat’ and ‘coin’ may raise some questions. Coinage was first introduced in Lydia the 1st millennium BCE. Earlier than that, agricultural societies used barter payments involving cereals and their products, e.g.: beer, which leads to a regular semantic cprocess: cereal → payment → coin

¹ Scholia Aristoph. Acharnians 1076: Χύτροι, ἑορτῆ παρ Ἀθηναίοις γινομένη τῷ Διονύσῳ· ἄγεται δει παρὰ ταύτην τῆ ν αἰτίαν, ἣν καὶ Θεόπομπος ἐκτίθει γράφων οὕτω· «Διασωθέντας οὖν τοὺς ἀνθρώπους, ἧπερ ἐθάρρησαν ἡμέρα, τῷ ταύτης ὀνόματι προσαγορευῆσαι καὶ τῆ ν ἑορτῆ ν ἅπασαν· ἐπεὶ θύειν αὐτοῖς ἔθος ἔχουσι τῶν μὲν Ὀλυμπίων θεῶν οὐδενὶ τοῖ παράπαν, Ἑρμῆ δει Χθονίῳ· καὶ τῆς χύτρας, ἣν ἔψουσι πάντες οἱ καταὶ τῆ ν πόλιν, οὐδεὶς γεύεται τῶν ἱερέων· τοῦτο δει ποιοῦσι τῆ ἡμέρα, καὶ τοὺς τότε παραγενομένους ὑπεὶ τῶν ἀποθανόντων ἰλάσασθαι τοῖ ν Ἑρμῆν.» Ἦγοντο δει ἄγωνες αὐτόθι οἱ Χύτρινοι καλούμενοι, καθά φησι Φιλόχορος ἐν τῆ ἔκτη τῶν Ἀτθίδων.

² There’s a Turkish desert called Aşure, known also as Noah’s pudding. The story and the product are the same, but adjusted to the Abrahamic tradition.

³ Hist. FGrH 115 F 347a, 347b

⁴ See the scholia on κόλλαβος in Aristoph. Frogs 507 and Peace 1196

⁵ Hesch. <κόλλυβα>· τρωγάλια

Рис. 1. Cuneiform tablet dated around 2350 BCE, stating that adult workers should be paid 30 or 40 pints of barley per month.

In the surrounding area, words with *κολλ- used for wheat, barley, oats etc, are also manifest in some others languages. The main semantic concept is ‘cereal’. Starting from ‘wheat’, the same word might be in use for some others cereals. The rich varieties of languages in the Caucasus mountains are very useful in the context. The Lezgetic subgroup of languages is part of the North-East Caucasian linguistic family.

Table 6

The word for ‘wheat’ is listed in the table below.

Lezghian	<i>qyl</i>	-	пшеница / wheat (<i>Triticum vulgare</i>)
Rutul	<i>vil</i>	3 rd class	
Kryz and Budukh	<i>gul</i>	4 th class	
Archi	<i>q^hoq^hól</i>	3 rd class	
According to Starostin: “The Archi form is reduplicated.”. In any form, it is doubtful.			

The Anatolian languages are divided into two groups: Indo-European and non-Indo-European. Among non-IE there’s Hattic, and then, Hurrian language. None of them have a specific word for

‘wheat’¹. The most interesting word related to ‘grain’, comes from Lycian language, and it’s *qele*. Hence, *Qele* was also the ‘grain god’ of the Lycians, and it seems to be of pre-IE origin. The Hittite *ḫal-ki-iš* ‘barley, grain’, and the Luwian *ḫu-ul-li-ti-iš* ‘kind of bread’, derive from the Proto-Anatolian **Holgg i* ‘barley, grain’, which is a loan from a non-IE language. A Phrygian attested form from inscriptions is *ακκαλος*² ‘a kind of bread’. According to Petrantoni (2019), it could be of Semitic origin³.

Within Pre-Greek, *κόλλυβα* is not the only word having this root; the list includes *κόλλαβος* ‘a type of cake or roll’, also *κόλλιξ* ‘a roll or loaf of coarse bread’, and *κολλύρα* ‘round bread’. The word *ἄκολος* ‘small bread, morsel’⁴ can be added with caution to the list and get paired with Phrygian *ακκαλος/ακαλα*. All these lemmas have been discussed in detail by Tardivo (2020/1).

Table 7

To briefly resume all those parts, a second scheme is shown here:

Lycian	<i>qele</i>	зерно / grain
Luwian	<i>ḫu-ul-li-ti-iš</i>	хлеб / a kind of bread
Hittite	<i>ḫal-ki-iš</i>	barley, grain
Lezghian	<i>qyl</i>	пшеница / wheat (<i>Triticum vulgare</i>)
Pre-Greek	<i>κόλλυβα</i>	хлеб / a kind of bread or cereal product
	<i>κόλλαβος</i>	
	<i>κόλλιξ / κόλλικας</i>	
	<i>κολλύρα</i> ⁵	
	<i>κολλούρας</i>	

The material from each region, it allows the reconstruction of the protoform in **k^wVI-*. As shown in article “Labialization in Aegean and Nakh-Daghestanian languages” (Tardivo 2020/1), the following Rule is observed:

Labialized consonant + vowel > Consonant + labial vowel.

¹ They have other words like grain e.g. *kait*, *kade*.

² MAMA VII: 313, 454, 495

³ Neo-Assyrian *akalu* ‘bread, food, small measure’, *akālu* ‘to eat’

⁴ Eust. p. 1817.46–9 = ii.141.37–42 ἄκολος, μικροὶς ψωμοῖς μηκέτι κολουέσθαι δυνάμενος καὶ εἰς μικρὰ τέμνεσθαι

⁵ In modern Greek, *κουλούρι/κουλούρα* can mean except from round/roll bread, anything round, even zero. This is rather a fossilized derivation, since *κολλύρα* et sim are round breads or pastry rolls

Рис. 2. Geographic distribution of the root $*k^wVl-$

However, in the search for common roots it progresses with another word.

Table 8

While the root $*k^wVl-$ seems to be straightforward, other groups are also fruitful, such Avar-Andic group, another branch of the North-East Caucasian language family.

Andi	$q^{\text{C}} \chi:ir$	4 th class	пшеница / wheat
Akwakh	$q^{\text{C}} \chi:iru$	3 rd class	яровая пшеница / spring wheat
Chamalal	$q'e:w$	3 rd class	
Tindi	$q:'eru$	3 rd class	
Karata	$q'eru$	3 rd class	
Bagulal	$q'er^w, q'érut$	3 rd class	
Godoberi	$q'erú$	3 rd class	
- In Chamalal (Gigatl) also $q'erú$ 'ib.'			
- In Karata (Tokita) also $q'eri$ 'ib.'			

The Armenian word *gari* 'barley' is often regarded of IE-origin, and it is connected to Greek κριθή 'barley corns, barley'; with a reconstructed root in $g^hriV-/*g^hri\bar{d}h-$. However, this form shows some problematic features. The Armenian word has many dialectal variations¹ and from this standpoint, an IE origin will be challenging. Conversely, the root $*k^wVr-$ is more common

within Avar-Andic group, and less likely close to IE $*g^hriom$. This is the reason why Martirosyan (2019) considers a Mediterranean (substrate) origin, while J^J ahukyan (1987) suggests an Aegean origin.

A less known word found in modern Greek is κουρκούτι² 'crushed or milled wheat' < medieval

¹ Few examples are: $g'ori, k'yü ri, k'y\bar{o} \bar{o}re$

² Also Pontic-Greek κόρκωτο

Greek κορκότον, already attested in the Scholia of Plutus¹ by Aristophanes. It could be the result of reduplication of **k^wVr-*. Such word is manifest in Armenian with կորկոտ(korkot) ‘groats of wheat or barley’, and then, in Eastern Georgian კორკოტი(korkoti), which is another name for წყაღი(Tsandili) or კოლი(kolio), the ritual dish prepared to commemorate the deceased².

Fig. 2. Geographic distribution of the root **k^wVr-*

Overall, the final solution for **k^wVr-* (et sim.) still is problematic. The existence of Iranian words such as Avestan *x^varəθa-* ‘food’, Middle Persian *xwar-* ‘to drink, eat, enjoy (food), consume’, Khotanese Śaka *hvar-* ‘to consume’, Middle Sogddian *xwr-* ‘to eat, consume’ < PIIr. **huar* ‘to consume, eat’ and even Azeri *xörək* ‘food, dish’, pose a challenge for a safe reconstruction. While the Armenian lexeme cannot be of Iranian origin, everything else is very risky. Despite

**huar* lacks of reliable Indo-European cognates, it will be very wise for **k^wVr-* to search for more supportive evidence; in other words, to leave the door open.

Conclusions

The article is a further attempt to trace it back Greek words of substrata origin. The search affect different items, mainly Cereals and food in general. The mountains of Caucasus, also known as ‘mountain of tongues’ seems a fertile linguistic ground for comparison. Besides, the relevance goes beyond the chance similarity, as Regular sound change (or Rules) appears to be linear between those languages; and this list could be a trialblaze for further research.

However, some doubts are also expressed; in any form, it does not diminish the linguistic opportunity that two sides of the Anatolian plateau offering in term of comparison. The Anatolian plateau – whatever attested forms are available – also took part to the investigation.

Overall, the perspective is also supported from ancient literary sources, from Hesiod to Theophrastus; which are a relief for search in Linguistics.

Nevertheless, the definition of «Mediterranean languages» after two centuries of endless refrains, it should be abandoned, as language contacts are more likely. Based on the fact that Bronze (later on replaced by Iron) was a key-factor in ancient time, a new Era led human being to reach great

¹ See scholion 673: δεῖ τὴν σερμίδαλιν . . . ἀθάρας : Ἦγουν κουργκούτης . ἀθάρα λέγεται ἢ ἰδιωτικῶς λεγομένη κουργκούτη : ἤγαγε δεῖ αὐτὴν

² Practically it is the Georgian კოლი, also made with wheat

distances.

This opportunity created more cross-linguistic interactions; far beyond our level of knowledge.

Литература

1. Алироев И.Ю. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики Чеченского и Ингушского языков и диалектов. 1975. М.: Чечено-ингушское книжное издательство, 386 с.
2. Ганиева Ф.А. Хиналугского-Русский словарь. 2001. М.: ДНЦ РАН, 495 с.
3. Гасанова С.М., Ибрахимов Г.Х., Магомедова П.Т., Мейланова У.А., Талибов Б.Б. Сравнительно историческая лексика Дагестанских языков. 1971. М.: Наука, 293 с.
4. Исаков И.А., Халилов М.Ш. Гинухско-Русский словарь. 2005. М.: ДНЦ РАН, 616 с.
5. Исаков И.А., Халилов М.Ш. Гунзибско-Русский словарь. 2001. М.: Наука, 288 с.
6. Исмаилова Э.И. Русско-Рутульский словарь. 2011. М.: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 201 с.
7. Касландзия В.А. Абхазско-Русский словарь. 2005. С.: Олма-пресс, 720 с.
8. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловяникова И.П., Самедов Д.С. Арчинский язык: тексты и словари. 1977. М.: Изд-во Московского университета, 310 с.
9. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков: Глагол. 1988. М.: Изд-во МГУ, 228 с.
10. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков: Имя. Фонетика. 1990. М.: Изд-во МГУ, 366 с.
11. Магомедова П.Т. Тиндинско-Русский словарь. 2003. М.: ДНЦ РАН, 618 с.
12. Магомедова П.Т. Абдулаева И.А. Ахвахско-Русский словарь. 2007. М.: Изд-во ДНЦ РАН, 727 с.
13. Махмудова С.М. Закон экономии подлежащего в нарративном дискурсе [Электронный ресурс] Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2012. № 3. С.18-20. URL: <http://www.vestnik.dgu.ru/Stat/18-20.pdf> (дата обращения 02.09.2020).
14. Мейланова У.А. Будухско-Русский словарь. 1984. М.: Наука, 253 с.
15. Мещанинов И.И. Аннотированный словарь Урартского (Биайнского) языка. 1978. Л.: Наука, 388 с.
16. Мусаев С.М. Лексика Даргинского языка (Сравнительно-исторический анализ). 1978. М.: Изд-во ДГУ, 107 с.
17. Рамазанов М.Р. Агульско-Русский словарь. 2010. М.: Лотос, 712 с.
18. Сефербеков Р.И. Боги-патроны ремесел у народов Дагестана [Электронный ресурс] // Вестник Дагестанского государственного университета. 2013. № 4. С. 61-66. URL: <http://vestnik.dgu.ru/Stat/v2013-4-10.pdf> (дата обращения: 18.09.2020).
19. Сулейманов Н.Д. Морфемная структура имен в группе лезгинских языков (вопросы исторической деривации) // Морфемный строй дагестанских языков: сб. статей. / Под ред. З.Г. Абдуллаев. 1988. М.: Дагестанский Филиал АН СССР Ордена Почета Институт Истории, Языка и Литературы им. Г. ЦАДАСЫ, С. 80-87.
20. Талибов Б. Гаджиев М. Лезгинско-Русский словарь. 1966. М.: Советская энциклопедия, 603 с.
21. Тардиво Дж. ЛабIALIZация в эгейских и нахско-дагестанских языках [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2020. Том 7. № 1. С. 109–120. DOI:10.17759/langt.2020070111

Тардиво Дж., Китселис Ф.
На пороге новой эры. Лексическое сравнение языков
Древней Анатолии и Левантии
Язык и текст. 2020. Том 7. № 3. С. 4–27.

Tardivo G., Kitselis Ph.
On the Edge of a New Era. Lexical Comparison in the
Ancient Anatolia and Levantine Area
Language and Text. 2020. Vol. 7, no. 3, pp. 4–27.

22. Темирбулатова С.М. Иманная морфемика Хайдаского диалекта Даргинского языка // Морфемный строй дагестанских языков: сб. статей. / Под ред. З.Г. Абдуллаев. 1988. М.: Дагестанский Филиал АН СССР Ордена Почета Институт Истории, Языка и Литературы им. Г. ЦАДАСЫ, С. 73-79.
23. Хайдаков С.М. Полеводческие и животноводческие термины в дагестанских и нахских языках, восходящие к эпохе энеолита // Материалы первой сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков. 1969. М., С. 27-33.
24. Халилов М.Ш. Цезско-Русский словарь. 1999. М.: Академия, 454 с.
25. Ханмагомедов Г.К., Шалбузов К.Т. Табасаранско-Русский словарь. 2001. М.: Наука, 477 с.
26. Чумакина М.Э. Corbett G.G., Brown D., Kuilliam H. Словарь Арчинского языка. 2007. М.: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 211 с.
27. Beekes R.S.P. Etymological Dictionary of Greek, Leiden Indo-European etymological dictionary series: in 10 vol. Vol.1. 2010. L.-B.: BRILL, 1808 p.
28. Beekes R.S.P. The origin of the Kabeiroi [Elektronnyi resurs] // Mnemosyne. 2004. Vol. 57. Issue 4. P. 465-477. DOI: <https://doi.org/10.1163/1568525042226101>
29. Cheung J. Etymological Dictionary of the Iranian Verb. 2007. L. and B.: Brill, 600 p.
30. Camagni F. The Greeks Had a Word for It. An Outline of the Attestation, Distribution and Variability of Non-Indo-European Vocabulary in Ancient Greek, from Homer to Byzantium. 2018. U.K.: The University of Manchester, 354 p.
31. Campbell D.R. On the Theogonies of Hesiod and the Hurrians: An Exploration of the Dual Natures of Teššub and Kumarbi in: R. Creation and Chaos: A reconsideration of Hermann Gunkel's Chaos Kampf Hypothesis. 2013. I.: Winona Lake, P. 26-43.
32. Graves R. The Greek myths. 1955. E.: Penguin Books, 410 p.
33. Güterbock H.G. The Hittite version of the Hurrian Kumarbi myths: oriental forerunners of Hesiod [Elektronnyi resurs] // American Journal of Archaeology. 1948. Vol. 52. No. 1. P. 123-134. DOI: 10.2307/500560
34. Jahukyan G. Hayoc 'lezvi patmutyun: naxagcayin žamanakašrjan [History of the Armenian language: the preliterate period]. 1987. Y.: Academy press. P. 311-321
35. Johnston S.I. Restless Dead: Encounters Between the Living and the Dead in Ancient Greece. 1999. O.: University of California Press, 352 p
36. Klimov G.A. Etymological dictionary of the Kartvelian languages. 1998. B.-N.Y.: Mouton de Gruyter, 504 p.
37. Martirosyan H. Etymological dictionary of the Armenian inherited lexicon. 2009. L. and B.: Brill, 988 p.
38. Nichols J. The Nakh-Daghestanian consonants correspondences // Current trends in Caucasian, East European and Inner Asian linguistics. 2003. A.-Ph.: John Benjamins Publishing Company. P. 207-264. DOI: <https://doi.org/10.1075/cilt.246.14nic>
39. Nikolayev S.L., Starostin S.A. A North Caucasian etymological dictionary. 1994. M.: Asterisk, 1406 p.
40. Nilsson M.P. The Sickie of Kronos [Elektronnyi resurs] // Annual of the British School at Athens. 1951. № 46. P. 122 - 124. URL: https://archive.org/stream/in.gov.ignca.3835/3835_djvu.txt
41. Odden D. Introducing phonology. 2005. C.: Cambridge University Press, 348 p.
42. Petrantoni G. On the Semitic origin of Greek ἄκολος // Semitica et Classica. 2019. Vol. 12.

Тардиво Дж., Китселис Ф.
На пороге новой эры. Лексическое сравнение языков
Древней Анатолии и Левантии
Язык и текст. 2020. Том 7. № 3. С. 4–27.

Tardivo G., Kitselis Ph.
On the Edge of a New Era. Lexical Comparison in the
Ancient Anatolia and Levantine Area
Language and Text. 2020. Vol. 7, no. 3, pp. 4–27.

P. 227 - 228. DOI: <https://doi.org/10.1484/J.SEC.5.119660>

43. Pierini R. An alphabetic parallel for Mycenaean ma-ka // *Kadmos*. 2017. Vol. 56. P. 89-106. DOI: 10.1515/kadmos-2017-0004

44. Prance G., Nesbitt M. The cultural history of plants. 2005. N.Y.: Routledge, 460 p.

45. Schulze W. The Udi Gospels: Languages of the world. 2001. M.: University of Munich, 350 p.

46. Thanos C.A. Aristotle and Theophrastus on plant-animal interactions // Plant-animal interactions in Mediterranean-type ecosystems. 1994. Vol 31. P. 3-11. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-011-0908-6_1

47. Hort A. Theophrastus: Enquiry into Plants. 1916. L. and N.Y.: William Heinemann and G.P. Putnam's Sons, 475 p.

48. Einarson B. Theophrastus. De Causis Plantarum, 1976. C., MA: Harvard University Press, 361 p.

49. Van Dongen E.W.M. Studying external stimuli to the development of the ancient Aegean The 'Kingship in Heaven'. Theme from Kumarbi to Kronos via Anatolia. Dr. Sci. diss. London, 2010. 326 p.

50. Versnel H.S. Greek Myth and Ritual: the case of Kronos // Interpretations of Greek Mythology. 1987. N.Y.: Routledge, P. 121-152.

References

1. Aliroev I.Yu. Sravnitel'no-sopostavitel'nyi slovar' otraslevoi leksiki Chechenskogo i Ingushskogo yazykov i dialektov. 1975. Makhachkala: Checheno-ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 386 p. (In Russ.).

2. Ganieva F.A. Khinalugskogo-Russkii slovar'. 2001. Makhachkala: DNTs RAN, 495 p. (In Russ.).

3. Gasanova S.M, Ibrakhimov G.Kh., Magomedova P.T., Meilanova U.A., Talibov B.B. Sravnitel'no istoricheskaya leksika Dagestanskikh yazykov. 1971. Moscow: Nauka, 293 p. (In Russ.).

4. Isakov I.A., Khalilov M.Sh. Ginukhsko-Russkii slovar'. 2005. Makhachkala: DNTs RAN, 616 p. (In Russ.).

5. Isakov I.A., Khalilov M.Sh. Gunzibsko-Russkii slovar'. 2001. Moscow: Nauka, 288 p. (In Russ.).

6. Ismailova E.I. Russko-Rutul'skii slovar'. 2011. Makhachkala: IYaLI DNTs RAN, 201 p. (In Russ.).

7. Kaslandziya V.A. Abkhazsko-Russkii slovar'. 2005. Sukhum: Olma-press, 720 p. (In Russ.).

8. Kibrik A.E., Kodzasov C.B, Olovyannikova I.P., Samedov D.S. Archinskii yazyk: teksty i slovari. 1977. Moscow: Publ. Moskvskogo universiteta, 310 p. (In Russ.).

9. Kibrik A.E., Kodzasov C.B. Sopostavitel'noe izuchenie dagestanskikh yazykov: Glagol. 1988. Moscow: Publ. MGU, 228 p. (In Russ.).

10. Kibrik A.E., Kodzasov C.B. Sopostavitel'noe izuchenie dagestanskikh yazykov: Imya. Fonetika. 1990. Moscow: Publ. MGU, 366 p. (In Russ.).

11. Magomedova P.T. Tindinsko-Russkii slovar'. 2003. Makhachkala: DNTs RAN, 618 p. (In Russ.).

12. Magomedova P.T. Abdulaeva I.A. Akhvakhsko-Russkii slovar'. 2007. Makhachkala: Publ. DNTs RAN, 727 p. (In Russ.).

13. Makhmudova S.M. Zakon ekonomii podlezhashchego v narrativnom diskurse [The law of economy of the subject in narrative discourse]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki = Bulletin of the Dagestan State University. Series 2: Humanities*, 2012, no. 3, pp. 18-20. Available at: <http://www.vestnik.dgu.ru/Stat/18-20.pdf> (Accessed 02.09.2020). (In Russ.).
14. Meilanova U.A. *Budukhsko-Russkii slovar'*. 1984. Moscow: Nauka, 253 p. (In Russ.).
15. Meshchaninov I.I. *Annotirovannyi slovar' Urart'skogo (Biainskogo) yazyka*. 1978. Leningrad: Nauka, 388 p. (In Russ.).
16. Musaev S.M. *Leksika Darginskogo yazyka (Srvnitel'no-istoricheskii analiz)*. 1978. Makhachkala: Publ. DGU, 107 p. (In Russ.).
17. Ramazanov M.R. *Agul'sko-Russkii slovar'*. 2010. Makhachkala: Lotos, 712 p. (In Russ.).
18. Seferbekov R.I. Bogi-patrony remesel u narodov Dagestana. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 4, pp. 61-66. Available at: <http://vestnik.dgu.ru/Stat/v2013-4-10.pdf> (Accessed: 18.09.2020). (In Russ.).
19. Suleimanov N.D. Morfemnaya struktura imen v gruppe lezginskikh yazykov (voprosy istoricheskoi derivatsii). Morfemnyi stroi dagestanskikh yazykov. Z.G. Abdullaev (eds.). 1988. Makhachkala: Dagestanskii Filial AN SSSR Ordena Pocheta Institut Istorii, Yazyka i Literatury im. G. TsADASY, pp. 80-87. (In Russ.).
20. Talibov B. Gadzhiev M. *Lezgin'sko-Russkii slovar'*. 1966. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 603 p. (In Russ.).
21. Tardivo Dzh. Labializatsiya v egeiskikh i nakhsko-dagestanskikh yazykakh [Labialization in Aegean and Nakh-Daghestanian Languages]. *Yazyk i tekst. = Language and Text*, 2020. Vol. 7, no. 1, pp. 109–120. DOI:10.17759/langt.2020070111
22. Temirbulatova S.M. Imannaya morfemika Khaidaskogo dialekta Darginskogo yazyka. *Morfemnyi stroi dagestanskikh yazykov*. Z.G. Abdullaev (eds.). 1988. Makhachkala: Dagestanskii Filial AN SSSR Ordena Pocheta Institut Istorii, Yazyka i Literatury im. G. TsADASY, pp. 73-79.
23. Khaidakov S.M. Polevodcheskie i zhivotnovodcheskie terminy v dagestanskikh i nakhskikh yazykakh, voskhodyashchie k epokhe eneolita. *Materialy pervoi sessii po sravnitel'no-istoricheskomu izucheniyu iberiisko-kavkazskikh yazykov*. 1969. Makhachkala, pp. 27-33.
24. Khalilov M.Sh. *Tsezsko-Russkii slovar'*. 1999. Moscow: Akademiya, 454 p.
25. Khanmagomedov G.K., Shalbusov K.T. *Tabasaransko-Russkii slovar'*. 2001. Moscow: Nauka, 477 p.
26. Chumakina M.E. Corbett G.G., Brown D., Kuilliam H. *Slovar' Archinskogo yazyka*. 2007. Makhachkala: IYaLI DNTs RAN, 211 p.
27. Beekes R.S.P. *Etymological Dictionary of Greek*, Leiden Indo-European etymological dictionary series: in 10 vol. Vol.1. 2010. Leiden-Boston: BRILL, 1808 p.
28. Beekes R.S.P. The origin of the Kabeiroi. *Mnemosyne*, 2004. Vol. 57. Issue 4. pp. 465-477. DOI: <https://doi.org/10.1163/1568525042226101>
29. Cheung J. *Etymological Dictionary of the Iranian Verb*. 2007. Leiden and Boston: Brill, 600 p.
30. Camagni F. *The Greeks Had a Word for It. An Outline of the Attestation, Distribution and Variability of Non-Indo-European Vocabulary in Ancient Greek, from Homer to Byzantium*. 2018. United Kingdom: The University of Manchester, 354 p.

31. Campbell D.R. On the Theogonies of Hesiod and the Hurrians: An Exploration of the Dual Natures of Teššub and Kumarbi in: R. Creation and Chaos: A reconsideration of Hermann Gunkel's Chaos Kampf Hypothesis. 2013. Indiana: Winona Lake, pp. 26-43.
32. Graves R. The Greek myths. 1955. Edinburgh: Penguin Books, 410 p.
33. Güterbock H.G. The Hittite version of the Hurrian Kumarbi myths: oriental forerunners of Hesiod. *American Journal of Archaeology*, 1948. Vol. 52, no. 1, pp. 123-134. DOI: 10.2307/500560
34. Jahukyan G. Hayoc 'lezvi patmutyun: naxagcayin žamanakaštjan [History of the Armenian language: the preliterate period]. 1987. Yerevan: Academy press. pp. 311-321
35. Johnston S.I. Restless Dead: Encounters Between the Living and the Dead in Ancient Greece. 1999. Ohio: University of California Press, 352 p.
36. Klimov G.A. Etymological dictionary of the Kartvelian languages. 1998. Berlin-New York: Mouton de Gruyter, 504 p.
37. Martirosyan H. Etymological dictionary of the Armenian inherited lexicon. 2009. Leiden and Boston: Brill, 988 p.
38. Nichols J. The Nakh-Daghestanian consonants correspondences. *Current trends in Caucasian, East European and Inner Asian linguistics*, 2003. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. pp. 207-264. DOI: <https://doi.org/10.1075/cilt.246.14nic>
39. Nikolayev S.L., Starostin S.A. A North Caucasian etymological dictionary. 1994. Moscow: Asterisk, 1406 p.
40. Nilsson M.P. The Sickie of Kronos. *Annual of the British School at Athens*, 1951. No. 46, pp. 122 - 124. Available at: https://archive.org/stream/in.gov.ignca.3835/3835_djvu.txt (Accessed: 18.09.2020).
41. Odden D. Introducing phonology. 2005. Cambridge: Cambridge University Press, 348 p.
42. Petrantoni G. On the Semitic origin of Greek ἄκολος. *Semitica et Classica*, 2019. Vol. 12, pp. 227 - 228. DOI: <https://doi.org/10.1484/J.SEC.5.119660>
43. Pierini R. An alphabetic parallel for Mycenaean ma-ka. *Kadmos*, 2017. Vol. 56, pp. 89-106. DOI: 10.1515/kadmos-2017-0004
44. Prance G., Nesbitt M. The cultural history of plants. 2005. New York: Routledge, 460 p.
45. Schulze W. The Udi Gospels: Languages of the world. 2001. München: University of Munich, 350 p.
46. Thanos C.A. Aristotle and Theophrastus on plant-animal interactions. *Plant-animal interactions in Mediterranean-type ecosystems*, 1994. Vol. 31, pp. 3-11. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-011-0908-6_1
47. Hort A. Theophrastus: Enquiry into Plants. 1916. London and New York: William Heinemann and G.P. Putnam's Sons, 475 p.
48. Einarson B. Theophrastus. De Causis Plantarum, 1976. Cambridge, MA: Harvard University Press, 361 p.
49. Van Dongen E.W.M. Studying external stimuli to the development of the ancient Aegean The 'Kingship in Heaven'. Theme from Kumarbi to Kronos via Anatolia. Dr. Sci. diss. London, 2010. 326 p.
50. Versnel H.S. Greek Myth and Ritual: the case of Kronos. *Interpretations of Greek Mythology*, 1987. New York: Routledge, pp. 121-152.

Тардиво Дж., Китселис Ф.
На пороге новой эры. Лексическое сравнение языков
Древней Анатолии и Левантии
Язык и текст. 2020. Том 7. № 3. С. 4–27.

Tardivo G., Kitselis Ph.
On the Edge of a New Era. Lexical Comparison in the
Ancient Anatolia and Levantine Area
Language and Text. 2020. Vol. 7, no. 3, pp. 4–27.

Информация об авторах

Джампаоло Тардиво, Преподаватель лингвистики, Падуанский университет, Италия, ORCID:
<https://orcid.org/0000-0002-9398-762X>, e-mail: gtardivo@gmail.com

Филиппос Китселис, Преподаватель лингвистики, Падуанский университет, Италия, ORCID:
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7376-689X>, e-mail: bboyflipper@gmail.com

Information about the authors

Tardivo Giampaolo, Professor of linguistics, Padua State University, Italy, ORCID:
<https://orcid.org/0000-0002-9398-762X>, e-mail: gtardivo@gmail.com;

Philippos Kitselis, Professor of Linguistics, Padua State University, Italy, ORCID:
<https://orcid.org/0000-0002-7376-689X>, e-mail: bboyflipper@gmail.com

Получена 01.09.2020

Принята в печать 15.09.2020

Received 01.09.2020

Accepted 01.09.2020

Влияние иврита и самоидентификация в иудео-грузинском языке и в Кавказской «Горе языков»

Нешер С.

Научно-исследовательский отдел Центра грузинского искусства в Израиле, Израиль,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8317-0261>, e-mail: sarah19931998job@gmail.com

Кавказский регион называют «Горой языков». Историки, начиная с Геродота 2500 лет назад и до настоящего времени, дают разное количество языков, например греческий географ и историк Страбон (64 г. до н.э. - 21 г. н.э.) утверждал, что более 70 племен говорят на разных языках, Плиний писал, что римляне использовали 130 переводчиков при торговле. В настоящее время на Кавказе говорят более чем на 50 языках (Catford 1977: 283). Иврит является древним языком для всех двенадцати колен Израиля, также после раздела Земли Израиля в 927 г. до н.э. на Северное царство Израиль с десятью коленами и Южное царство, Иудею, с двумя коленами. Ассирийские цари изгнали израильтян, например, Салманасар в 722 г. до н. э. Эти десять племен вскоре утратили свой язык и идентичность. Южные племена, Иудеи, были изгнаны вавилонским царем Навуходоносором между 606-586 гг. до н. э., когда был разрушен Храм в Иерусалиме (586 г. до н. Э.).

Ключевые слова: Влияние иврита, иудео-грузинский язык, гора языков, Кавказ.

Для цитаты: *Нешер С.* Влияние иврита и самоидентификация в иудео-грузинском языке и в Кавказской «Горе языков» [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2020. Том 7. № 3. С. 28–35. DOI:10.17759/langt.2020070302

Hebrew Influences and Self-Identity in the Judeo-Georgian Language and in the Caucasus “Mountain of Tongues”

Sarah Nesher

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8317-0261>, e-mail: sarah19931998job@gmail.com

The Caucasus region has been called the “Mountain of Tongues”. History writers from Herodotus, 2,500 years ago, until present time have given different numbers of languages, e.g. the Greek geographer and historian Strabo (64 BCE- 21 CE) claimed more than 70 tribes speaking different languages, Pliny stated that the Romans used 130 interpreters when trading. At present more than 50 languages are spoken in the Caucasus (Catford 1977: 283). Hebrew is the ancient original language for all the twelve tribes of Israel, also after the division of the Land of Israel in 927 BCE into the Northern Kingdom, Israel, with ten of the tribes and the Southern Kingdom, Juda,

with two tribes. The Israelites got exiled by the Assyrian Kings, e.g. Shalmaneser in 722 BCE. These ten tribes soon lost their language and identity. The southern tribes, Juda, got exiled by the Babylonian Nebuchadnezzar, between 606-586 BCE, who destroyed the Temple in Jerusalem (586 BCE).

Keywords: Hebrew Influences, Judeo-Georgian Language, Mountain of Tongues, the Caucasus.

For citation: Nesher S. Hebrew Influences and Self-Identity in the Judeo-Georgian Language and in the Caucasus “Mountain of Tongues”. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2020. Vol. 7, no. 3, pp. 28–35. DOI:10.17759/langt.2020070302 (In Russ.).

The Caucasus region has been called the “Mountain of Tongues”. History writers from Herodotus, 2,500 years ago, until present time have given different numbers of languages, e.g. the Greek geographer and historian Strabo (64 BCE- 21 CE) claimed more than 70 tribes speaking different languages, Pliny stated that the Romans used 130 interpreters when trading. At present more than 50 languages are spoken in the Caucasus (Catford 1977: 283).

Hebrew is the ancient original language for all the twelve tribes of Israel, also after the division of the Land of Israel in 927 BCE into the Northern Kingdom, Israel, with ten of the tribes and the Southern Kingdom, Juda, with two tribes. The Israelites got exiled by the Assyrian Kings, e.g. Shalmaneser in 722 BCE. These ten tribes soon lost their language and identity. The southern tribes, Juda, got exiled by the Babylonian Nebuchadnezzar, between 606-586 BCE, who destroyed the Temple in Jerusalem (586 BCE). Nevertheless, the Judeans (Jews) did keep the hope of return to Zion and kept their language, faith and identity. Having to learn Chaldean, Akkadian, Aramaic and soon other local languages in the 127 nations in the Babylonian Empire, they continued speaking and writing also in Hebrew for generations to come. Aramaic, as a common language also for the unlearned “Amcha”- Jews in the diaspora became the lingua franca. Rabbis among the exiled Jews, who also translated the Tanach (the Bible), called the Targum (= the Translation). The remaining (around 10%) Israelites and Jews still living in Israel, continued to use the Hebrew language as their language the “local” dialect in the Land of Israel.

Nonetheless, Hebrew continued to be the prayer language for all Jews in the world and is now fully revived in Israel. In the diaspora, Jews spoke the local languages, but among themselves these languages became mixed with Hebrew expressions. According to Kahn & Rubin (2015), these “Jewish languages”, e.g. Judezmo, Ladino, Judeo-Arabic, and later Yiddish etc., all with the presence of Hebrew lexical elements and morphological and syntactic characteristics differing from the local non-Jewish language (Kahn & Rubin 2015: 3-4).

The Georgian Jews and the Judeo-Georgian language

The official Georgian Jews once numbered more than 100,000, but today the number is estimated to be 13,000 remaining in Georgia (Sloame 2020). The earliest history of the Georgian Jews is uncertain, but the Bible gives a clue by telling that Israelite tribes passed and even stayed in the Caucasian border areas of the Assyrian Empire, especially in the area of the Medes, where many stayed after being exiled by the Assyrian Kings, (e.g. Shalmaneser in 722 BCE). The Georgian historian Leonti Mroveli says and other researchers, that the first Jews only came to Georgia after the Babylonian exile of Judea, by King Nebuchadnezzar (Lerner 2004: 60, Krikheli 2017: 288, Sloame 2020).

The earliest archaeological evidence of Jewish life that has been found near the ancient capital city, Mtskheta. Tombstones from the 3rd – 5th centuries CE bear inscriptions both in Hebrew and in Aramaic (Ben Oren 2017, Lerner 2017). New Jewish refugees arrived in waves due to persecutions. In Georgia Jews became serfs and became often traders, craftsmen and peasants. When Georgia became a Christian nation (officially in 326 CE), the Georgian Jews were not forced to convert to Christianity opposite to the case in the Roman Catholic world. Many Jews converted voluntarily and were called *huria-kopili* – “a former Jew” (Mamistvalishvili, 2014:132-133). Even in Georgia, most of the converted Jews knew their Jewish roots. The common Georgian family name *Ebreilidze* (Jewish son), indicates that Georgians with this name are likely to have Jewish origin (Ben Oren 2003, Sloame 2020). The officially Jews were called *Uria* or *Huria* in Georgian, but in the 19th century the term was replaced by *Ebraeli*, as the term *Uria* became pejorative for Jews. The Jews refer to themselves also as *Israelebi* (Ben Oren 2015, Mamistvalishvili 2014:38, Sloame 2020). According to Ben-Oren & Moskovich (1982:19), the Georgian Jews refer to their speech as normal Georgian, while Enoch (2015) says that Jews refers to their speech as *čveneburul-i* from the Georgian word *čvenebur-i*, meaning ‘ours’, ‘our own’ (Enoch 2015:180) and that is a way for the Georgian Jews to express their “self-identity”, depending on if they will stress their belonging to the Georgian society or emphasizing their Jewish identity.

Ch. Rabin claims that the definition of a Jewish language is “one which is used in diglossia with Hebrew” (Moskovich & Ben-Oren 1982:19). Hebrew has been the written prayer language (high variety) for the Jews living in Georgia. In particular Jewish traders developed the dialect, *Qivruli* (vernacular, low variety) consisting of many Hebrew words and many call it a Georgian dialect, and is also considered to be the Judeo-Georgian language (Ben Oren 2003, Sloame 2020). Not many publications exist in Judeo-Georgian. Mainly the older Jewish generations are keen on maintaining Jewish languages (Haarmann 1986:79).

The Judeo-Georgian language is a typical Jewish language, yet rather similar to the standard Georgian speech despite of numerous Hebrew and Aramaic elements. Although, the syntax in Georgian and in Hebrew largely differs and Hebrew pattern of morphology and syntax are rare in Judeo-Georgian. One can find Hebrew words mainly within religion and in Bible translation, in vocabulary of everyday life and in the jargon. The jargon of Jewish traders includes much Hebrew vocabulary and became unintelligible to Georgians. There are even components and archaic from Old Georgian, which are preserved only in Judeo-Georgian speech (Ben-Oren & Moskovich 1982:19, 23, Enoch 2015:190). Yet, other elements in modern Georgian are used with a different meaning in Judeo-Georgian. Moreover, a need to express a Jewish way of life, religion, tradition and identity has created another additional Judeo-Georgian vocabulary. For example, the verb *gaḳašreba* means ‘to make kosher, ritually pure’ and is derived from the Hebrew word *כָּשֶׁר* *ḳašer* (Ben-Oren & Moskovich 1982:22-23, 1987: 104, 107).

Finally, new lexical items have been created mainly by adding Georgian prefixes and suffixes to Hebrew words, like Hebrew loanwords ending with the Georgian noun marker *-i* are; *ḳaleb-i*, ‘dog’, derived from the Hebrew noun *כֶּלֶב* *ḳelev* (Enoch 2013: 407), *gadol-i* ‘big’ from *גָּדוֹל* *gadol*, *ḥatan-i* ‘bridegroom’ (*חָתָן* *ḥatan*) and *ḳaṭani* ‘small’ (*קָטָן* *ḳaṭan*). There are examples of Hebrew words, which have undergone semantic changes, e.g. the Hebrew *סֵפֶר* *sefer* means ‘book’ but in Judeo-Georgian also ‘document’, ‘ticket’ ‘passport’. (Ben Oren & Moskovich 1982: 22, 1987: 113). In Hebrew *זָקֵן* *zaqen* means ‘old-aged’, but in in the speech of Georgian Jews *zaqeni* means ‘bad’ (Enoch 2015:189).

Judeo-Tat language of the Mountain Jews

The mountain Jews are called “горские евреев” *gorskie evreev* in Russian, mainly residing in Daghestan and also in Azerbaijan. They call themselves “*džuhur*” meaning ‘Jew’ in Judeo-Tat. (Danila, 2014:171, Shalem 2018: 313). The Judeo-tat language (*Juhuri*) is considered to be an Iranian language derived from New Persian with influences of Azeri Turkic languages. The name of the language Judeo-Tat, indicates the relationship with the Tat language, spoken in the same region by the Muslim group Tat of Iranian origin (Shapira 2006: 586, Shalem 2018: 313). In a similar way as with the Judeo-Georgian language, the Judeo-Tat coexisted with Hebrew in a diglossic system. The Mountain Jews also used a secret code-language to prevent others, “gentiles” from understanding conversations between Jews. Hebrew and also Aramaic are used as sources for the vocabulary, however according to Shalem, the number of Hebrew loanwords are not numerous, while function words (pronouns, morphology, syntax) came from the vernacular language (Shalem 2018: 326-327)

As examples, some words related to everyday life are *şulhan* derived from the Hebrew שולחן *şulhan* meaning ‘small table’ and *hovir* הבר *havir* means ‘friend’. The Judeo-Tat word *poşut* means ‘simple’ and the Hebrew word פשוט *paşuṭ* has the same meaning. The word *hoçmo* from Hebrew חכמה *hoçmā* means ‘mind’, ‘wisdom’, but could even be used in the meaning of a ‘fool’, an ‘idiot’. *Giro* ‘money’ is taken from Biblical Hebrew גרה *gerāh* meaning ‘20th part of a shekel’. Related to ethnicity the Judeo-Tat word *şoril* is used when speaking about an ‘Christian’, derived from the Biblical ערל *şārel* ‘uncircumcised’ (Shalem 2018:328, 342).

Israelites and Jews in other parts of the Caucasus

Through history, in the Caucasus Jews have been forcibly converted to both Christianity and later to Islam. In 737 CE the Muslim hero Abu Salim began to convert Jews with force to Islam, something that Jews experienced different years to come (Avichail 2012:187). Several scholars (Kasdai, Altschuler and others) believe many of the Caucasian peoples Ossetians, Chechens, Mingrelians, Lezgins and others are descendants from the Israelite ten tribes from the time of the first exile. Today, according to Avichail many of these descendants do not keep any traditions from their Israeli origin (Avichail 2012:188). In Armenia, the vast majority in earlier times were Israelites. Although all of them, escaping from persecution and forced assimilation, migrated northwards to Georgia, the North Caucasus, Dagestan, and southwards and south-east to Persia and Azerbaijan (David 1989:67)

Traces of Hebrew loanwords in other East-Caucasian languages

Certainly, a written language tradition helps to preserve a language. Early Bible translations also serve as ancient witnesses to otherwise lost forms of languages. In early Soviet years, new alphabets were created for many indigenous Caucasian languages who lacked written forms following the Soviet “nativization” policy of ethnic groups. Several of the Daghestanian languages are endangered and some of them did not have any written tradition until the 1990s (e.g. Andi, Bezhta), when efforts were made to create alphabets and translate some parts of the Bible (Ataev 2015: 212). The East-Caucasian or Nakh-Daghestanian language family is indigenous in the mountain regions of the Caucasus. Nichols among others, argues that the many loanwords from ancient Mesopotamia entered early into these languages (Nichols 1997). Many loanwords have entered e.g. from Arabic (through Islam), Turkic languages and Persian, and the neighboring languages Georgian and Ossetic have also influenced on the North Caucasian languages (Gamkrelidze & Gudova 2016).

An example of possible Hebrew influence in East-Caucasian languages

One interesting area of possible Hebrew influence is related to domestic animals. The Hebrew word צֶנֶז *zon* includes small domestic animals “small cattle” e.g. ‘sheep’, ‘goat’, ‘ram’, ‘deer’ etc. This word is common in the Bible when speaking about sacrifices: “And if his offering be of the flocks [*zon*], namely, of the sheep, or of the goats, for a burnt sacrifice; he shall bring it a male without blemish.” (Leviticus 1:10) Klein suggests that this Hebrew word *zon* might derive from the base צָצַ *yeze* ‘to go out’, and the literally meaning is then ‘the animals going out’ (Klein 1987: 539). In the East-Caucasian languages Schulze suggests eight types of terms meaning ‘goat’, of which here only follows three of these types. The type ca-n is found in the Tsezic branch of the East-Daghestanian languages; in Bezhta can, Hinukh can, Hunzib can, Khvarshi can, while in Tsez (Dido) can-ilu means ‘female kid’. The type čan-ya is found in Tsez (Dido) Schulze (2014: 260). In these languages, there are also other different types of vocabulary meaning ‘sheep’ and in Lak č’an means ‘sheep’, ‘ewe’ (Schulze 2014: 258), which is similar to the Hebrew *zon*. Schulze claims that terms in the group where the Lak term č’an is found, cannot be derived from an underlying, common form. Nonetheless, Schulze concludes that all the terms in the group determining ‘goat’ go back to a common Proto East Caucasian word form (Schulze 2014: 259-260). According to my own observations, all these terms pointing to the original Hebrew word *zon* meaning both ‘sheep’ and ‘goat’. Even Arabic adopted a form originated from the Hebrew root *zon*. In many Semitic languages sound changes has occurred of *z*, *s*, *š* into e.g. *d*, *z* and *t*, why *dān*, in Arabic means ‘sheep’. Interestingly, in the East-Caucasian languages, there are several other terms related to animals like sheep, goat etc. indicating Hebrew origin.

Written sources (in this case the Bible), national identity, common history, all are important factors when keeping the identity and the language. In opposite, when an ethnic group (here the Israelites) loses their language due to assimilation, other political systems, cultures or languages the own language and identity disappears.

The question arises how did these most likely Hebrew loanwords enter into these Caucasian languages? One is curious to find Paleo-Hebrew inscriptions in archeological sites or in grottos giving certain proof of Israelite and especially Judean presence in the Caucasus. Another way to proof early presence could be by DNA-screening, other ways are research of historical tales and traditions and not least research within the linguistics.

Литература

1. *Давид И.* История евреев на Кавказе. 1989. Т.-А.: Кавказиони, 700 с.
2. *Данилова С.* Горские евреи // Евреи: бухарские, горские, грузинские в водовороте истории. 2014. Н.-Й.: Kaykov Media. С. 168-284.
3. *Крихели С.* Грузинские евреи // Евреи: бухарские, горские, грузинские в водовороте истории. 2017. Н.-Й.: Kaykov Media. С. 285-486.
4. *Aleksidze Z.* Udi language Comparing ancient Albanian with Contemporary Udi // Azerbaijan International. 2003. № 11.3. P. 42 URL: http://azer.com/aiweb/categories/magazine/ai113_folder/113_articles/113_zaza_aleksidze_udi.htm 1 (дата обращения: 18.09.2020).
5. *Ataev B.M.* Preserving the languages of Dagestan // Language vitality through Bible Translation. Berkeley insights in linguistics and semiotics. 2005. N.Y.: Peter Lang Inc. P. 207-216.
6. *Avichail E.* The Tribes of Israel: The Lost and The Dispersed. 2012. E., I.: Amishav. 236 p

Нешер С.
Влияние иврита и самоидентификация в иудео-
грузинском языке и в Кавказской «Горе языков»
Язык и текст. 2020. Том 7. № 3. С. 28–35.

Nesher S.
Hebrew Influences and Self-Identity in the Judeo-
Georgian Language and in the Caucasus “Mountain of
Tongues”
Language and Text. 2020. Vol. 7, no. 3, pp. 28–35.

7. *Ben Oren G.* The history of the Jews in Georgia // World Congress of Georgian Jews. 2003. URL: <http://www.georgianjews.org/stat.php?id=239> (дата обращения: 18.09.2020).
8. *Ben-Oren G., Moskovich W.* Characteristics of the spoken language of the Jews of Georgia. 1987. P. 95-119. URL: [http://www.ybz.org.il/_Uploads/dbsAttachedFiles/Article_31.5\(1\).pdf](http://www.ybz.org.il/_Uploads/dbsAttachedFiles/Article_31.5(1).pdf) (дата обращения: 18.09.2020).
9. *Ben-Oren G., Moskovich W.* The Hebrew-Aramaic and Georgian Components in the Spoken Language of Georgian Jews // Proceedings of the eighth World Congress of Jewish Studies. 1982. Hebrew University. Division D. J.: World Union of Jewish Studies. P. 19-36.
10. *Catford J.C.* Mountain of Tongues: The Languages of the Caucasus // Annual Review of Anthropology. 1977. Vol. 6. P. 283-314. DOI: 10.1146/annurev.an.06.100177.001435
11. *Enoch R. Kahn R., Aaron D.L., Aaron D.R.* Jewish Georgian // Handbook of Jewish languages. 2015. L.: Brill. 760 p.
12. *Enoch R.* פסח של להגדה גרוזיה יהודי של המסורתי התרגום [The Passover Haggadah in Jewish Georgian: A critical Edition]. 2014. J.: Magnes. 106 p. (In Hebrew).
13. *Enoch R., Khan G., Bolozky S.* Judeo-Georgian, Hebrew Component in // Encyclopedia of Hebrew Language and Linguistics. 2013. Vol. 2. L.: Brill. P. 410-413.
14. *Gamkredidze T.V., Gudava T.E.* Caucasian languages // Encyclopedia Britannica. 2016. URL: <https://www.britannica.com/topic/Caucasian-languages/Nakho-Dagestani-languages> (дата обращения: 20.09.2020).
15. Georgian language // Encyclopedia Britannica. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.britannica.com/topic/Georgian-language> (дата обращения: 20.09.2020).
16. *Grenoble L.* Language Policy in the Soviet Union. 2003. D., B.: Kluwer Academic Publisher. 237 p. DOI: 10.1007/0-306-48083-2
17. *Haarmann H.* Language in Ethnicity: A View of Basic Ecological Relations. 1986. B.: De Gruyter. 287 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0047404500013725>
18. *Jaimoukha A.* The Chechens: A Handbook. 2005. L.-N.Y.: Routledge Curzon, 336 p.
19. *Kahn L., Rubin A.* Introduction // Handbook of Jewish languages. 2015. L.: Brill. P. 1-7.
20. *Klein E.* A Comprehensive Etymological Dictionary of the Hebrew language for readers of English. The University of Haifa. 1987. J.: Carta. 740 p.
21. *Lerner K.B.* The Jewish Community of Tbilisi. Beit Hatfutsot. The museum of the Jewish people. 2017. URL: <https://www.bh.org.il/jewish-community-tbilisi/> (дата обращения: 20.09.2020).
22. *Lerner K.B.* The Wellspring of Georgian Historiography: The Early Medieval Historical Chronicle, the Conversion of K'Art'li and the Life of St. Nino. 2004. L., E.: Bennett and Bloom. 237 p.
23. *Mamistvalishvili E.* The History of Georgian Jews. 2014. T.: Georgian Academic Book. 340 p.
24. *Mroveli L.* The lives of the Georgian Kings // Kartlis Tskhovreba [A History of Georgia]. 2014. T.: Artanuji Publ. P. 13-76.
25. *Schulze W.* Generic Terms for Domestic Animals in East Caucasian // Iran & the Caucasus. 2014. Vol. 18. № 3. P. 213-274. DOI: 10.1163/1573384X-20140303
26. *Shalem V.* Judeo-Tat/Juhuri // Languages in Jewish Communities, Past and Present. 2018. B./B.: Walter de Gruyter. P. 313 – 356.
27. *Shapira Dan Y.* Judeo-Tat (Zuhun Tati: Zuhun Juhuri) // Encyclopedia Judaica. 2nd ed. 2008.

Нешер С.
Влияние иврита и самоидентификация в иудео-
грузинском языке и в Кавказской «Горе языков»
Язык и текст. 2020. Том 7. № 3. С. 28–35.

Nesher S.
Hebrew Influences and Self-Identity in the Judeo-
Georgian Language and in the Caucasus “Mountain of
Tongues”
Language and Text. 2020. Vol. 7, no. 3, pp. 28–35.

USA: Macmillan Reference. 17000 p.

28. Sloame J. Georgia Virtual Jewish History Tour // Jewish Virtual Library. 2020. URL: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/georgia-virtual-jewish-history-tour> (дата обращения: 20.09.2020).

29. Tetradsze M. Lecture: “Language “Power and Identity in the South Caucasus”. 2016. Т.: IBSU.

30. The Bible. King James Version. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.kingjamesbibleonline.org/>(дата обращения: 20.09.2020).

References

1. David I. Istoriya evreev na Kavkaze. 1989. Tel'-Aviv: Kavkasioni, 700 p. (In Russ.).
2. Danilova S. Gorskije evrei. Evrei: bukharskie, gorskie, gruzinskie v vodovorote istorii. 2014. New York: Kaykov Media. pp. 168-284. (In Russ.).
3. Krikheli S. Gruzinskie evrei. Evrei: bukharskie, gorskie, gruzinskie v vodovorote istorii. 2017. New York: Kaykov Media. pp. 285-486. (In Russ.).
4. Aleksidze Z. Udi language Comparing ancient Albanian with Contemporary Udi. *Azerbaijan International*, 2003, no. 11.3, pp. 42 Available at: http://azer.com/aiweb/categories/magazine/ai113_folder/113_articles/113_zaza_aleksidze_udi.html (Accessed: 18.09.2020).
5. Ataev B.M. Preserving the languages of Dagestan. *Language vitality through Bible Translation. Berkeley insights in linguistics and semiotics*, 2005. New York: Peter Lang Inc. pp. 207-216.
6. Avichail E. The Tribes of Israel: The Lost and The Dispersed. 2012. Efrat, Israel: Amishav. 236 p.
7. Ben Oren G. The history of the Jews in Georgia. *World Congress of Georgian Jews*, 2003. Available at: <http://www.georgianjews.org/stat.php?id=239> (Accessed: 18.09.2020).
8. Ben-Oren G., Moskovich W. Characteristics of the spoken language of the Jews of Georgia. 1987. pp. 95-119. Available at: [http://www.ybz.org.il/_Uploads/dbsAttachedFiles/Article_31.5\(1\).pdf](http://www.ybz.org.il/_Uploads/dbsAttachedFiles/Article_31.5(1).pdf) (Accessed: 18.09.2020).
9. Ben-Oren G., Moskovich W. The Hebrew-Aramaic and Georgian Components in the Spoken Language of Georgian Jews. *Proceedings of the eighth World Congress of Jewish Studies*, 1982. Hebrew University. Division D. Jerusalem: World Union of Jewish Studies. pp. 19-36.
10. Catford J.C. Mountain of Tongues: The Languages of the Caucasus. *Annual Review of Anthropology*, 1977. Vol. 6, pp. 283-314. DOI: 10.1146/annurev.an.06.100177.001435
11. Enoch R. Kahn R., Aaron D.L., Aaron D.R. Jewish Georgian. *Handbook of Jewish languages*, 2015. Leiden: Brill. 760 p.
12. Enoch R. פסח של להגדה גרוזיה יהודי של המסורת התרגום [The Passover Haggadah in Jewish Georgian: A critical Edition]. 2014. Jerusalem: Magnes. 106 p. (In Hebrew).
13. Enoch R., Khan G., Bolozky S. Judeo-Georgian, Hebrew Component in. *Encyclopedia of Hebrew Language and Linguistics*, 2013. Vol. 2. Leiden: Brill. pp. 410-413.
14. Gamkredidze T.V., Gudava T.E. Caucasian languages. *Encyclopedia Britannica*, 2016. Available at: <https://www.britannica.com/topic/Caucasian-languages/Nakho-Dagestian-languages> (Accessed: 20.09.2020).
15. Georgian language. *Encyclopedia Britannica*. [Elektronnyi resurs]. Available at:

Нешер С.
Влияние иврита и самоидентификация в иудео-
грузинском языке и в Кавказской «Горе языков»
Язык и текст. 2020. Том 7. № 3. С. 28–35.

Nesher S.
Hebrew Influences and Self-Identity in the Judeo-
Georgian Language and in the Caucasus “Mountain of
Tongues”
Language and Text. 2020. Vol. 7, no. 3, pp. 28–35.

<https://www.britannica.com/topic/Georgian-language> (Accessed: 20.09.2020).

16. Grenoble L. Language Policy in the Soviet Union. 2003. Dordrecht, Boston: Kluwer Academic Publisher. 237 p. DOI: 10.1007/0-306-48083-2
17. Haarmann H. Language in Ethnicity: A View of Basic Ecological Relations. 1986. Berlin: De Gruyter. 287 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0047404500013725>
18. Jaimoukha A. The Chechens: A Handbook. 2005. London-New York: Routledge Curzon, 336 p.
19. Kahn L., Rubin A. Introduction. *Handbook of Jewish languages*. 2015. Leiden: Brill. pp. 1-7.
20. Klein E. A Comprehensive Etymological Dictionary of the Hebrew language for readers of English. The University of Haifa. 1987. Jerusalem: Carta. 740 p.
21. Lerner K.B. The Jewish Community of Tbilisi. Beit Hatfutsot. The museum of the Jewish people. 2017. Available at: <https://www.bh.org.il/jewish-community-tbilisi/> (Accessed: 20.09.2020).
22. Lerner K.B. The Wellspring of Georgian Historiography: The Early Medieval Historical Chronicle, the Conversion of K'Art'li and the Life of St. Nino. 2004. London, England: Bennett and Bloom. 237 p.
23. Mamistvalishvili E. The History of Georgian Jews. 2014. Tbilisi: Georgian Academic Book. 340 p.
24. Mroveli L. The lives of the Georgian Kings. *Kartlis Tskhovreba [A History of Georgia]*, 2014. Tbilisi: Artanuji Publ. pp. 13-76.
25. Schulze W. Generic Terms for Domestic Animals in East Caucasian. *Iran & the Caucasus*, 2014. Vol. 18, no. 3, pp. 213-274. DOI: 10.1163/1573384X-20140303
26. Shalem V. Judeo-Tat/Juhuri. *Languages in Jewish Communities, Past and Present*, 2018. Boston/Berlin: Walter de Gruyter. pp. 313 – 356.
27. Shapira Dan Y. Judeo-Tat (Zuhun Tati: Zuhun Juhuri). *Encyclopedia Judaica*, 2nd ed. 2008. USA: Macmillan Reference. 17000 p.
28. Sloame J. Georgia Virtual Jewish History Tour. *Jewish Virtual Library*, 2020. Available at: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/georgia-virtual-jewish-history-tour> (Accessed: 20.09.2020).
29. Tetradze M. Lecture: “Language “Power and Identity in the South Caucasus”. 2016. Tbilisi: IBSU.
30. The Bible. King James Version. [Elektronnyi resurs]. Available at: <https://www.kingjamesbibleonline.org/>(Accessed: 20.09.2020).

Информация об авторах

Нешер Сара, Израиль, <https://orcid.org/0000-0002-8317-0261>, e-mail: sarah19931998job@gmail.com

Information about the authors

Sarah Nesher, Izrael, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8317-0261>, e-mail: sarah19931998job@gmail.com

Получена 01.09.2020

Received 01.09.2020

Принята в печать 15.09.2020

Accepted 15.09.2020

Концепт «приветствие» в русской и английской блогосферах

Громова Е.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3408-5650>, e-mail: gromovakate97@mail.ru

В статье рассматривается концепция «приветствие» в контексте развития и популяризации Интернет-общения. Установлено, что в сетевом общении приветствие является одной из самых важных универсалий нетикета - речевого сетевого этикета, являясь пригласительной в разговор конструкцией, с помощью которой устанавливается контакт с собеседником, определяя отношения и роли собеседников. Показана важность приветственных формул как обязательного компонента успешной веб-коммуникации. Определено, что выбор и использование тех или иных приветственных конструкций варьируется не только от коммуникативной ситуации, но и в виду причастности веб-собеседников к определенной культуре. Так, проведен анализ Интернет-публикаций в блогосфере с целью выделения часто используемых формул приветствия в английском и русском веб-языке. Были выделены часто используемые нейтральные и положительные приветственные конструкции русского и английского Интернет-общения.

Ключевые слова: формулы приветствия, Интернет-коммуникации, нетикет, блогосфера.

Для цитаты: Громова Е.Д. Концепт «приветствие» в русской и английской блогосферах [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2020. Том 7. № 3. С. 36–43. DOI:10.17759/langt.2020070303

The Concept of "Greeting" in the Russian and English Blogsphere

Ekaterina D. Gromova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3408-5650>, e-mail: gromovakate97@mail.ru

The article deals with the concept of "greeting" in the context of the development and popularization of Internet communication. In network communication, greeting was determined as one of the most important universals of netiquette, being an invitational structure to a conversation, which is used to establish contact with the

interlocutor, defining the relationships and roles of the interlocutors. The importance of greeting formulas as a mandatory component of successful web communication is shown. It is determined that the choice and use of certain greeting structures varies not only due to the communication situation, but also due to the involvement of web interlocutors in a particular culture. As an example, the analysis of Internet publications in the blogosphere was carried out in order to highlight the frequently used greeting formulas in English and Russian web-language. The most used neutral and positive greeting constructions of Russian and English Internet communication were identified.

Keywords: greeting formulas, Internet communication, netiquette, blogosphere.

For citation: Gromova E.D. The concept of "greeting" in the Russian and English blogosphere. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2020. Vol. 7, no. 3, pp. 36–43. DOI:10.17759/langt.20200700303 (In Russ.).

С появлением сети Интернета ни одну нашу деятельность невозможно представить без использования данного ресурса для всевозможных целей и задач. Так, в первую очередь Интернет выступает в качестве безмерного виртуального информационного пространства, в просторах которого хранится, казалось бы, абсолютно вся информация, умещающая безмерные данные о всем приобретенном человеческом опыте. Но сегодня Интернет приобретает иную степень вовлеченности в нашу повседневную жизнь: мы активно используем веб-сеть, находя там целый спектр возможностей для социального взаимодействия с людьми из самых дальних частей мира. Многочасовые обсуждения на форумах, непрерывные беседы в социальных сетях и мессенджерах, просмотры сетевых видеороликов, обмен важной документацией по электронной почте, видеоконференции с людьми из разных точек мира – все это неотъемлемая часть нашего общения друг с другом сегодня [5]. Едва ли можно представить хоть бы один день нашей жизни без веб-сети, поэтому многие смело заявляют, что с появлением веб-пространства появилась новая эра, разделив всю историю человека до и после открытия Интернета [16].

С преобразованием нашего стиля жизни из-за Интернета меняется и стиль общения друг с другом. Общение в виртуальном пространстве стремительно входит в нашу жизнь, заменяя реальную коммуникацию. Становится попросту привычным ежеминутно набирать короткие сообщения своим друзьям в мессенджерах или каждый вечер звонить по видеосвязи своему родственнику, живущему на другом конце страны. Привычный речевой акт приобретает иные пространственно-временные рамки – то, что было сказано или написано один раз, остается в веб-сети навсегда. Вместе с этим Интернет-коммуникация дополняет новые аспекты привычного нам общения: так, помимо возможности общаться через экран с людьми из самых разных частей света, мы обесцениваем непосредственный контакт с собеседником, игнорируя важность невербальных средств общения и эмоциональной компоненты дискурса [9].

Эти изменения в первую очередь находят свое отражение в нашем языке. Многие языковеды отмечают, что с появлением Интернета письменный язык человека приобрел тенденцию упрощаться: так, все выражения эмоций и мыслей Интернет-пользователя сводятся к использованию им графических знаков – так называемых эмоджи-смайликов.

Тем не менее на просторах веб-пространства можно найти целый ряд опровержений данному тезису [3]. Язык веб-сетей действительно иной и отличен от повседневного, но также содержит универсальные коммуникационные установки и формулы общения, отраженные в письменном или устном речевом акте Интернет-пользователя. Как и в реальном общении, от участника Интернет-беседы ожидается соблюдение конкретных правил речевого поведения – так называемого нетикета [14].

В качестве одной из самых важных универсалий речевого этикета, в том числе и в веб-паутине, выступает формула приветствия, с помощью которой устанавливается контакт с собеседником, являясь своего рода пригласительной в разговор конструкцией, определяющей отношения и роли собеседников [1]. Отсутствие данного компонента в разговоре влечет к негативному оттенку беседы, а возможно даже к ее скорому завершению. Владение приветственными формулами общения и их активное использование – показатель уважения к оппоненту и желания вести диалог с ним [12]. При этом стоит понимать, что использование той или иной приветственной конструкции напрямую зависит не только от личных предпочтений говорящего, но и от множества иных факторов – уровень близости собеседников, их социальные роли и статусы, временный аспект (когда осуществляется разговор), физиологические особенности беседующих, степени занятости каждого из них [4]. Поэтому предполагается, что вежливый собеседник должен использовать не шаблонное ответное приветствие, а определенную этикетную приветственную конструкцию, соответствующую вышеупомянутым факторам.

Также стоит заметить, что формула приветствия в контексте коммуникации универсальна и обязательна, но выбор тех или иных приветственных конструкций отличен в той или иной культурах. Так, в контексте сетевой коммуникации среди русскоговорящих и англоговорящих пользователей отмечаются не только общие, но и отличные приветственные изыскания [8]. Анализу этих сходств и отличий посвящена данная статья, направленная на изучение этимологических сходств и различий в приветствиях в русском и английском языках Интернет-общения.

Для анализа приветственных конструкций в веб-пространстве русскоговорящих и англоговорящих пользователей были взяты 30 Интернет-публикаций в блогосфере. Заметим, что блогосферу характеризуют как инфо-пространство, представляющее собой все разнообразие Интернет-публикаций - блогов, которые приравниваются к онлайн-журналам или личным дневникам, содержащим в себе текстовый материал с графическими изображениями или мультимедиа в пределах разнообразных тем. Отметим, что выбор материала обусловлен тем, что среди многочисленных жанров сетевого дискурса именно блоги максимально схожи по стилю речи с нашим повседневным языком, обладая высоким уровнем разговорности, подразумевающей под собой неофициальность и диалогичность, краткость и экспрессивность ввиду спонтанности речи.

Проведенный нами анализ блогов позволил выделить в русском и в английском языках следующие группы приветствий:

1. Стилистически нейтральные приветствия. Такими высказываниями оперируют собеседники, не имеющие близкородственные отношения. Данные формулы выступают в качестве универсальных, которые всегда можно использовать в любой ситуации и при любом характере отношений между собеседниками.

В русских блогах нами были отмечены такие нейтральные формулы приветствия, как «Здравствуй!», «Здравствуйте!», «Доброе утро!», «Добрый день!», «Добрый вечер!», «Доброго времени суток!». Примечательно, что в английских блогах были найдены точные эквиваленты к некоторым из этих высказываний: “Hello” («Здравствуй!»/ «Здравствуйте!»), “Good morning!” («Доброе утро!»), “Good afternoon!” («Добрый день!»), “Good evening!” («Добрый вечер!»).

Также стоит выделить формулу «Приветствую», коррелирующую с “Greetings!” английского языка. Данные конструкции несут чрезвычайно формальный характер и поэтому используются исключительно в официальной обстановке, когда речь идет о каких-либо серьезных вещах – о науке, о бизнесе и так далее.

2. Стилистически-повышенные – положительные приветствия. К такой группе приветственных формул относятся те выражения, которые говорящий использует скорее в неформальной обстановке, обращаясь к уже знакомому приятелю. Среди данных высказываний часто встречаются сленговые фразы, так, даже в русских высказываниях часто находились приветствия, происходящие из английского сленга.

В русскоязычной блогосфере были обнаружены следующие приветствия, настраивающие

собеседников на приятную и положительную беседу: «Привет», «Приветик!», «Здорово!», «Привки!», «Как оно ничего?». Английское происхождение имеют такие часто употребляемые Интернет-пользователями приветствия, как: «Хай» и его прототип «Хаяюшки», пришедших из так же положительного английского приветствия “Hi”; «Всем пис» от английского слова “Peace”, в свое время используемое хиппи-культурой как приветствие и знак мира и добра; «Респект» соответствует английскому “respect”, которое в свою очередь не используется как приветствие в английской веб-культуре.

В англоязычной блогосфере часто встречаются “Hi” («Привет»), “Hi there” («Эй, ты там, привет!»), “Hey” («Привет»), “What’s up?” («Как дела?»), “How it’s going?” («Как жизнь?»), “Well, hello” («О, привет»), “Hello there” («Привет тебе»), “Look who it is here” («Смотрите-ка, кто здесь»), “Watcha” («Как сам?»), “Sup?” («Как дела?»). Также встречается “Yo”, оно имеет чрезвычайно неформальный характер и используется как “Hi”, но в обстановке, где все люди имеют достаточно близкие и приятельские отношения.

Приветствия блогах используются повсеместно, предполагая собой обязательный компонент общения с читателем, зрителем или слушателем. При этом ввиду того, что блоггеры пытаются расположить к себе свою аудиторию, они используют чаще разговорные формы приветствия с положительной коннотацией нежели нейтральной, тем самым стараясь наладить со своей публикой приятельски-дружеские отношения, общаясь на «Ты» со своим подопечным [11]. Для сравнения продемонстрируем это в графиках:

Рис. 1. Приветствие в русских и английских блогах.

Из графиков видно, что в Интернет-среде англоговорящих блог-пользователей использование положительных приветствий значительно больше, чем в русской блогосфере. Таким образом, можно сделать вывод о том, что англоговорящее веб-пространство менее формально, направлено на более близкий контакт с другими веб-пользователями.

Исходя из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что приветствие является обязательным условием начала и ведения успешной беседы. Использование тех или иных приветственных конструкций варьируется не только в связи с коммуникативной ситуацией, но и в виду причастности собеседников к той или иной культуре. В частности, в Интернет-дискурсе собеседники выбирают те или иные приветствия, отталкиваясь от характера отношений друг с другом. В зависимости от того, насколько близко друг друга знают пользователи, они пользуются либо нейтральными, либо положительными приветствиями. Большой пласт найденных нами русских положительных приветствий заимствован из английских слов, коррелирующих по смыслу.

Сравнительный анализ русской и английской блогосферы также показал, что преимущественно Интернет-пользователи предпочитают употреблять положительные формулы приветствия, пытаясь создать эффект непринуждённой беседы со своим другом.

Литература

1. Авдеева И.А. Особенности виртуальной коммуникации и организации виртуальных сообществ в пространстве глобальной сети [Электронный ресурс] // Философия и общество. 2016. № 4 (81). С. 20-33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-virtualnoy-kommunikatsii-i-organizatsii-virtualnyh-soobschestv-v-prostranstve-globalnoy-seti> (дата обращения 12.09.2020).
2. Бовшик А.С. Проблема исправления ошибок в устной речи обучающихся в условиях реализации принципов теории свободного воспитания. // Материалы XIV международной научной конференции «Высшее образование для XXI века: Проблемы воспитания» (г. Москва, 14-16 декабря 2017 г.). Москва: ФГБОУ ВО МГУ, 2017. С. 519-522.
3. Голошубина О.К. Нормы речевого этикета в интернет-коммуникации (на примере речевого жанра «разговор в мессенджере») [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2014. № 8 (67). С. 944-947. URL: <https://moluch.ru/archive/67/11391/> (дата обращения 12.09.2020).
4. Громова Е.Д. Методические приемы использования возможностей блогосферы для развития продуктивных навыков и повышения языковой грамотности на уроках английского языка в старшей средней школе: диплом. р. Москва, 2019. 70 с.
5. Дергачева И.В. Типология Синодиков в русской письменности XV-XVII веков // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. 1990. Москва, С. 246-270.
6. Зенкевич И.В., Михайлова А.Е. Учебный процесс в современном ВУЗе: массовая культура и критическое мышление [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2014. Том 1. № 3. URL: <https://psyjournals.ru/langpsy/2014/n3/72256.shtml> (дата обращения: 12.09.2020)
7. Зенкевич И.В. Сербская романтическая поэма первой половины XIX века [Электронный ресурс] // Проблемы филологии: язык и литература. 2010. № 2. С. 27-32 URL: https://psyjournals.ru/files/33072/philology_2010_2_Zenkevich.pdf (дата обращения: 12.09.2020)
8. Карабань Н.А., Дикарева А.В. Сетикет, или правила речевого поведения в сети Интернет [Электронный ресурс] // Филология: научные исследования. 2018. № 1. С. 31-37 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/setiket-ili-pravila-rechevogo-povedeniya-v-seti-internet> (дата обращения 12.09.2020).
9. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию: учеб. пособие. 2007. Москва: Гнозис, 368 с.
10. Ляшенко Д.И. Виртуальная языковая личность: к определению термина // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: сб. ст. по мат. LI междунар. студ. науч.-практ. конф. 2017. № 3(51). С. 92-97.
11. Махмудова С.М. Закон экономии подлежащего в нарративном дискурсе [Электронный ресурс] // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2012. № 3. С.18-20. URL: <http://www.vestnik.dgu.ru/Stat/18-20.pdf> (дата обращения 02.09.2020).
12. Мосейко А.А. Особенности и отличия интернет-этикета от традиционного речевого этикета [Электронный ресурс] // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. №5 (138). С. 153-157. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-otlichiya-internet-etiketa-ot-traditsionnogo-rechevogo-etiketa> (дата обращения 12.09.2020).
13. Трёмбицкая О.А. Этикет в Англии и других странах [Электронный ресурс] // Business Travel. 2007. № 6. URL: <http://www.adelanta.info/news/england6/index2007/08/09/163.html> (дата обращения 12.09.2020).

Громова Е.Д.
Концепт «приветствие» в русской и английской
блогосферах
Язык и текст. 2020. Том 7. № 3. С. 36–43.

Gromova E.D.
The concept of "greeting" in the Russian and English
blogosphere
Language and Text. 2020. Vol. 7, no. 3, pp. 36–43.

14. Черемисин А.Г., Багдасарова Д.Г. Сущность и компоненты Интернет-культуры и медиаграмотность современного преподавателя [Электронный ресурс] // Вестник Донецкого педагогического института. 2017. № 4. С. 126-134. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-komponenty-internet-kultury-i-mediagramotnost-sovremennogo-prepodavatelya> (дата обращения 12.09.2020).
15. Aranda J. Netiquette and Online Communication [Electronnyi resurs] // Journal of Instruction Delivery Systems. 2007. № 4(21). P. 11–14. URL: <https://studyres.com/doc/15782713/netiquette-and-online-communication> (дата обращения 12.09.2020).
16. Bartl R. Impact of Netiquette on Email communication [Electronnyi resurs] // Journal of Applied Leadership and Management. Hochschule Kempten: University of Applied Sciences, Professional School of Business & Technology, Kempten. 2017. Vol. 5. P. 35-61. DOI: 10.13140/RG.2.2.34178.27842 (дата обращения 12.09.2020).
17. Crystal D. Language and the Internet. 2nd edition. 2006. Cambridge: Cambridge University Press, P. 272.
18. Kozík T., Slivová J. Netiquette in Electronic Communication [Electronnyi resurs] // International Journal of Engineering Pedagogy. 2014. № 4(3). P. 67. DOI: 10.3991/ijep.v4i3.3570 (дата обращения 12.09.2020).
19. Nia F., Marandi S. Digital literacy and netiquette: Awareness and perception in EFL learning context [Electronnyi resurs]. 2014. P. 77-82. DOI: 10.14705/rpnet.2014.000198 (дата обращения 12.09.2020).
20. Rheingold H. Net Smart: How to Thrive Online. 2014. Cambridge: MIT Press Ltd, P. 336.
21. Statista. Number of social media users worldwide from 2010 to 2021 (in billions) [Electronnyi resurs]. 2019. URL: <http://www.statista.com/statistics/278414/number-of-worldwide-social-network-users/> (дата обращения: 12.09.20).

References

1. Avdeeva I.A. Osobennosti virtual'noi kommunikatsii i organizatsii virtual'nykh soobshchestv v prostranstve global'noi seti [Features of virtual communication and organization of virtual communities in the global network space]. *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and society*, 2016, no. 4 (81), pp. 20-33. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-virtualnoy-kommunikatsii-i-organizatsii-virtualnyh-soobshchestv-v-prostranstve-globalnoy-seti> (Accessed 12.09.2020).
2. Bovshik A.S. Problema ispravleniya oshibok v ustnoi rechi obuchayushchikhsya v usloviyakh realizatsii printsipov teorii svobodnogo vospitaniya. *Materialy XIV mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Vysshee obrazovanie dlya XXI veka: Problemy vospitaniya"* (g. Moskva, 14-16 dekabrya 2017 g.). Moskva: Publ. FGBOU VO MGU, 2017. pp. 519-522. (In Russ.).
3. Goloshubina O.K. Normy rechevogo etiketa v internet-kommunikatsii (na primere rechevogo zhanra «razgovor v messendzhere») [Norms of speech etiquette in Internet communication (on the example of the speech genre conversation in «messenger»)]. *Molodoi uchenyi = Young scientist*, 2014, no. 8 (67), pp. 944-947. Available at: <https://moluch.ru/archive/67/11391/> (Accessed 12.09.2020).
4. Gromova E.D. Metodicheskie priemy ispol'zovaniya vozmozhnostei blogosfery dlya razvitiya produktivnykh navykov i povysheniya yazykovoi gramotnosti na urokakh angliiskogo yazyka v starshei srednei shkole: dipl. r. Moscow, 2019. 70 p.
5. Dergacheva I.V. Tipologiya Sinodikov v russkoi pis'mennosti XV-XVII vekov. *Metodicheskie rekomendatsii po opisaniyu slavyano-russkikh rukopisnykh knig*, 1990. Moscow, pp. 246-270. (In Russ.).

6. Zenkevich I.V., Mikhailova A.E. Uchebnyi protsess v sovremennom VUZe: massovaya kul'tura i kriticheskoe myshlenie [The educational process in the modern University: mass culture and critical thinking]. *Yazyk i tekst. = Language and Text*, 2014. Vol. 1, no. 3, pp. 1-6. Available at: <https://psyjournals.ru/langpsy/2014/n3/72256.shtml> (Accessed: 12.09.2020) (In Russ.)
7. Zenkevich I.V. Serbskaya romanticheskaya poema pervoi poloviny XIX veka [Serbian Romantic Poem of the First Half of XIX Century]. *Yazyk i tekst. = Language and Text*, 2010, no. 2, pp. 27-32. Available at: https://psyjournals.ru/files/33072/philology_2010_2_Zenkevich.pdf (Accessed: 12.09.2020). (In Russ.)
8. Karaban' N.A., Dikareva A.V. Setiket, ili pravila rechevogo povedeniya v seti Internet [Setice, or the rules of speech behavior in the Internet]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya = Philology: scientific research*, 2018, no. 1, pp. 31-37 Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/setiket-ili-pravila-rechevogo-povedeniya-v-seti-internet> (Accessed 12.09.2020).
9. Leontovich O.A. Vvedenie v mezhkul'turnuyu kommunikatsiyu: ucheb. posobie. 2007. Moscow: Gnozis, 368 p.
10. Lyashenko D.I. Virtual'naya yazykovaya lichnost': k opredeleniyu termina. *Nauchnoe soobshchestvo studentov XXI stoletiya. Gumanitarnye nauki: sb. st. po mat. LI mezhdunar. stud. nauch. -prakt. konf*, 2017, no. 3(51), pp. 92-97.
11. Makhmudova S.M. Zakon ekonomii podlezhazhchego v narrativnom diskurse [The law of economy of the subject in narrative discourse]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki = Bulletin of the Dagestan State University. Series 2: Humanities*, 2012, no. 3, pp. 18-20. Available at: <http://www.vestnik.dgu.ru/Stat/18-20.pdf> (Accessed 02.09.2020). (In Russ.).
12. Moseiko A.A. Osobennosti i otlichiya internet-etiketa ot traditsionnogo rechevogo etiketa [Features and differences between Internet etiquette and traditional speech etiquette]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Proceedings of the Volgograd state pedagogical University*, 2019, no. 5 (138), pp. 153-157. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-otlichiya-internet-etiketa-ot-traditsionnogo-rechevogo-etiketa> (Accessed 12.09.2020).
13. Trembitskaya O.A. Etiket v Anglii i drugikh stranakh [Etiquette in England and other countries]. *Business Travel*, 2007, no. 6, Available at: <http://www.adelanta.info/news/england6/index2007/08/09/163.html> (Accessed 12.09.2020).
14. Cheremisin A.G., Bagdasarova D.G. Sushchnost' i komponenty Internet-kul'tury i mediagramotnost' sovremennogo prepodavatelya [The essence and components of Internet culture and media literacy of a modern teacher]. *Vestnik Donetskogo pedagogicheskogo instituta = Bulletin of the Donetsk pedagogical Institute*, 2017, no. 4, pp. 126-134. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-komponenty-internet-kul'tury-i-mediagramotnost-sovremennogo-prepodavatelya> (Accessed 12.09.2020).
15. Aranda J. Netiquette and Online Communication. *Journal of Instruction Delivery Systems*, 2007, no. 4(21). pp. 11–14. Available at: <https://studyres.com/doc/15782713/netiquette-and-online-communication> (Accessed 12.09.2020).
16. Bartl R. Impact of Netiquette on Email communication. *Journal of Applied Leadership and Management. Hochschule Kempten: University of Applied Sciences, Professional School of Business & Technology, Kempten*, 2017. Vol. 5, pp. 35-61. DOI: 10.13140/RG.2.2.34178.27842 (Accessed 12.09.2020).
17. Crystal D. Language and the Internet. 2nd edition. 2006. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 272.

Громова Е.Д.
Концепт «приветствие» в русской и английской
блогосферах
Язык и текст. 2020. Том 7. № 3. С. 36–43.

Gromova E.D.
The concept of "greeting" in the Russian and English
blogosphere
Language and Text. 2020. Vol. 7, no. 3, pp. 36–43.

18. Kozík T., Slivová J. Netiquette in Electronic Communication. *International Journal of Engineering Pedagogy*, 2014, no. 4(3), pp. 67. DOI: 10.3991/ijep.v4i3.3570 (Accessed 12.09.2020).
19. Nia F., Marandi S. Digital literacy and netiquette: Awareness and perception in EFL learning context, 2014. pp. 77-82. DOI: 10.14705/rpnet.2014.000198 (Accessed 12.09.2020).
20. Rheingold H. Net Smart: How to Thrive Online. 2014. Cambridge: MIT Press Ltd, P. 336.
21. Statista. Number of social media users worldwide from 2010 to 2021 (in billions) [Electronnyi resurs]. 2019. URL: <http://www.statista.com/statistics/278414/number-of-worldwide-social-network-users/> (Accessed: 12.09.20).

Информация об авторах

Громова Екатерина Дмитриевна, студентка 2 курса магистратуры института «Иностранные языки, современные коммуникации и управление», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3408-5650>, e-mail: gromovakate97@mail.ru

Information about the authors

Ekaterina D. Gromova, 2nd year master's student of the Institute «Foreign languages, modern communications and management», Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3408-5650>, e-mail: gromovakate97@mail.ru

Получена 01.09.2020
Принята в печать 15.09.2020

Received 01.09.2020
Accepted 15.09.2020

И. С. Тургенев о языке русского народа, о его исторической и генетической памяти

Антипенко Л.Г.

Институт философии Российской академии наук (ИФ РАН), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5752-5654>, e-mail: chistrod@yandex.ru

В контексте художественных произведений И. С. Тургенева и его эпистолярного наследия красной нитью проходит вопрос о сохранении исторической памяти русского народа, о связи её с национальным языком и с тем, что теперь принято называть этническим генофондом. В этом непосредственно убеждает нас специально выделенный им цикл Стихотворений в прозе, особенно такие из них, как «Молитва», «Русский язык», «Сфинкс». Способность писателя к созерцанию исторического времени, способность погружаться в глубины исторического бытия народной стихии позволила ему соотнести начало русской цивилизации с той удалённой от нас эпохой, которой принадлежит строительство на территории Египта трёх первых, самых внушительных, пирамид и изваяние Сфинкса.

Ключевые слова: язык, историческая и генетическая память народа, цивилизация, цивилизационная ценность.

Для цитаты: Антипенко Л.Г. И. С. Тургенев о языке русского народа, о его исторической и генетической памяти [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2020. Том 7. № 3. С. 44–50. DOI:10.17759/langt.2020070304

I. S. Turgenev about the Language of the Russian People, about Its Historical and Genetic Memory

Antipenko G. Leonid

RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5752-5654>, e-mail: chistrod@yandex.ru

In the context of the art's works of I. S. Turgenev and his epistolary heritage, the issue of preserving the historical memory of the Russian people, its connection with the national language and what is now called ethnic gene pool is a common thread. This is directly convincing to us by the specially allocated series of poems in prose, especially such ones as «Prayer», «Russian Language», «Sphinx». The writer's ability to complete historical time, the ability to dive into depths of the life of national element allows him to relate the beginning of Russian civilization to that era from us, which belonged to building the first, most impressive pyramids in Egypt,

the Sphinx statue.

Keywords: language, historical and genetic memory of the people, civilization, civilizational value.

For citation: Antipenko L.G. I. S. Turgenev about the Language of the Russian People, about Its Historical and Genetic Memory. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2020. Vol. 7, no. 3, pp. 44–50. DOI:10.17759/langt.2020070304 (In Russ.).

Введение

Изучение биографических материалов, относящихся к жизнедеятельности Ивана Сергеевича Тургенева, убеждает нас в том, что он обладал многогранным творческим потенциалом, открывающим путь не только к литературно-художественному творчеству, но и к историко-философским методам постижения социальной жизни людей. В данной работе мы рассмотрим одну связанную с именем писателя тему, которая обозначена в заглавии. Полагаю, что освещение этой темы может оказаться наиболее продуктивным, если в оценке масштабов исторического развития народной стихии исходить из трёхстороннего критерия ценности: этническая ценность народной стихии, цивилизационная ценность и, наконец, сверхцивилизационная ценность. О сверхцивилизации есть смысл говорить в том случае, когда цивилизация не замыкает себя в условиях земного существования, но устремляется за его пределы, в космос, на просторы Вселенной.

И. С. Тургенев в своих суждениях о русском народе, о значении в его жизни дарованного ему языка достаточно близко подошёл к пониманию того предела, где цивилизация и совершает переход к сверхцивилизации. Особенно это заметно на примере его стихотворений в прозе, таких, как скажем, Молитва, Русский язык, Сфинкс. В них просвечивает историческое задание русскому народу, но это задание определяется не религиозной формой общественного сознания, а исторической и генетической памятью народной стихии. Мне придётся дословно процитировать эти стихотворения, чтобы легче было судить о правдоподобности моих, представленных в данном плане, наблюдений и выводов.

Вот как звучит тургеневский призыв к оценке молитвы и веры в стихотворении «Молитва»: «Молиться всемирному духу, высшему существу, кантовскому, гегелевскому, очищенному, безобразному богу – невозможно и немислимо.

Но может ли даже личный, живой, образный бог сделать, чтобы дважды два – не было четыре?

Всякий верующий обязан ответить: может – и обязан убедить себя в этом.

Но если разум его восстанет против такой бессмыслицы?

Тут Шекспир придёт ему на помощь: «Есть многое на свете, друг Горацио, [что и не снилось нашим мудрецам]».

А если ему станут возражать во имя истины, – стоит повторить знаменитый вопрос: «Что есть истина?» [1; 172].

Тургенев ставит здесь проблему соотношения (научной) истины и веры. Он сопоставляет множество загадочных (неизученных) явлений, которым располагает необъятный космос, с человеческой личностью, с человеком, обладающим духовным, идеально-смысловым,

началом. Проблема находит выражение в вопросе Понтия Пилата, обращённого к Иисусу Христу, когда его привели во дворец губернатора: «Что такое истина?». Для верующего ортодокса в этом вопросе никакой проблемы нет, как нет и её решения, ибо истину он заранее находит в своей вере, и ему незачем стремиться к научным поискам, выходящим за рамки его вероисповедания. Верующий ортодокс смыкается с материалистом в том плане, что как для одного, так и для другого вера и научная истина не совместимы между собой. Иначе для них и быть не может, ибо для материалиста не существует идеально-смысловой области действительности, а для верующего ортодокса истину можно найти только в потустороннем мире.

На этом идейном фоне предстаёт в особом свете содержание и смысл стихотворения «Русский язык». Читаем: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу» [1; 172]. (Июнь, 1882). Обращаю внимание на последнее предложение стихотворения. На первый взгляд, кажется, что ту же мысль можно было бы выразить несколько иначе, проще: «Но нельзя не верить в то, что такой язык дан великому народу!?!». Однако, по Тургеневу, на веру, скорее, можно принимать отрицание того, что такой язык был дан великому народу. А вера с положительной стороны требует обоснованного выбора в антиномической постановке проблемы, выбора из того, что есть «да» и что есть «нет».

Тургенев склонялся к той естественной постановке вопроса, согласно которой народ, этнос возникает вместе со своим языком, отчего слова язык и народ в традиционном понимании выступают как синонимы. Но он не останавливается на данной констатации. Он предвидит наличие связи между национальным языком и душевно-телесным обликом человека, определяемым, как теперь установлено, генетической структурой его организма. В этом отношении русский народ таит в себе, с его точки зрения, загадку, он подобен Сфинксу, вечно возвышающемуся над песчаной пустыней в Египте. «Да я узнаю, – читаем мы в стихотворении «Сфинкс», эти черты (Сфинкса. – Л. А.) ... в них уже нет ничего египетского. <...>. Да это ты, Карп, Сидор, Семён, ярославский, рязанский мужичок, соотчич мой, русская косточка! Давно ли попал ты в сфинксы? Да, и ты тоже – сфинкс.

И глаза твои – эти бесцветные, но глубокие глаза говоря тоже ... И так же безмолвны и загадочны их речи. Только где твой Эдип?

Увы! не довольно надеть мурмолку, чтобы сделаться твоим Эдипом, о всероссийский сфинкс!» [1; 157] *.

Как видно, с двух сторон должен быть найден подход к данной загадке, к её решению. С одной стороны, – предвидение устойчивой связи между этническим языком человека и его генетикой. И, с другой стороны, тут же, приоткрываемая возможность историко-временного созерцания, влекущая вглубь истории с её прошлым, которое может быть соотнесено с будущим.

Но что можно сказать о решении этих вопросов на современном уровне научного познания? Итальянский учёный Луиджи Кавалли Сфорца (Luigi Luca Cavalli-Sforza) открыл или, во всяком случае, подтвердил наличие корреляционной связи между этническими языками и генотипом людей, принадлежащих тому или иному этносу. В 2000 году вышла в свет его книга «Гены, народы и языки» («Genes, Peoples, and Languages»). Ещё раньше под

тем же названием была напечатана (на английском языке) принадлежащая ему статья [2]. В этих работах был поставлен и в значительной мере решён вопрос о связи между генами и языками. Сфорца доказывает, что сравнение типов крови есть лучшее средство определить «генетическое расстояние» и объяснить лингвистические и культурные различия между разными народами. (Генетическим расстоянием (*genetic distance*) называется мера генетического различия (дивергенции) между видами, подвидами или популяциями одного вида). Его попытка сопоставить между собой данные молекулярной генетики и лингвистики оказалась неожиданно успешной и даже, можно сказать, сенсационной в позитивном смысле этого слова. Было установлено, что родословное древо, построенное на основании генетических исследований, соответствует лингвистическому родословному древу. Геногеография совместилась, таким образом, с этнической географией. Более того, обнаруживаемые в ряде случаев (в виде исключений) нарушения установленной корреляции оказались не менее интересными для науки, чем сам феномен корреляции.

Корреляция нарушается при замещении языка или генов, что происходит при подчинении одних народов другим, при расщеплении этноса, неудачных этнических экспансиях и т.п. Однако имеется заметная разница между двумя видами замещения. Замещение языка подчиняется принципу «всё или ничего» в отношении, по крайней мере, большей части его словарного состава и фонологии и всецело – в отношении структурных правил [2; 7723]. А генное замещение, утверждает Сфорца, может протекать постепенно. Классический пример – чёрные американцы США, которые имеют заведомо более светлый цвет кожи, нежели чёрные африканцы, их предшественники. Особенно заметно это в северных штатах. Генетический анализ показывает, что афроамериканцы имеют в среднем 30% в своём геномном фонде того, что занято от европейцев. Это частичное замещение происходило на протяжении около 300 лет, и подсчитано, что если его скорость постоянна во времени, то тогда должно быть около 3% смешанных брачных объединений на одно поколение [2; 7724].

Феномен корреляции между генами и языками означает таким образом то, что обе эти реальности взаимозависимы, оказывают влияние друг на друга. Следовательно, если подвергнуть, скажем, деформации язык того или иного народа, то подобного рода лингвистическая деформация скажется на его генофонде: изменится геном каждого его представителя. Такой вывод вытекает, в частности, и из доклада акад. РАН К. Г. Скрябина, зачитанного на сессии Общего собрания РАН 12 декабря 2008 года, в котором высказано следующее суждение: «Я забыл сказать, что самое интересное то, что мы делаем сейчас с лингвистами – это попробовать сочетать генетические расстояния с языками. Оказывается, что есть полное совпадение: эволюция языков и эволюция генетических вещей полностью совпадают. И самое главное, что вы можете делать дрейв обратно: протоязык и проточеловек». Скрябин имеет в виду исследования, проводимые в Институте молекулярной генетики РАН и в Отделе молекулярной биологии при Институте атомной энергии имени И. В. Курчатова [3].

Второй аспект задачи потребует от читателя и слушателя более пристального внимания. Он связан с вышеупомянутым термином созерцание. Способность созерцания привела античного мудреца Фалеса (624–546) к открытию идеального мира геометрических соотношений между вещами. Он впервые доказал одну из основополагающих геометрических теорем, согласно которой верхний угол треугольника, вписанного в полуокружность, является прямым, независимо от того, в каком месте на дуге окружности

располагается угловая точка. Идеальная геометрическая окружность – результат созерцания человеком земной поверхности с некоторой поднебесной высоты, когда он смотрит и охватывает взором окоём, опоясанный со всех сторон линией горизонта. Эти окружности, увеличиваясь в диаметре по мере подъёма наблюдателя в высоту, наталкивают на вопрос об их предельной величине. В Земных масштабах наибольшей окружностью является окружность, совпадающая с сечением Земного шара, проведенного через его центр (центральную точку).

Но уже Фалес мог предвидеть, что в общем случае окружность не может бесконечно возрастать, что в процессе её возрастания должен быть предел, за которым начинается запредельная область действительности. В 1829 году такую возможность реализовал Н. И. Лобачевский, создавший другую, альтернативную по отношению к геометрии Евклида, неевклидову, Воображаемую, геометрию. Он показал, что имеется два способа оценивать процесс возрастания окружности. В евклидовой геометрии возрастание окружности имеет предел, но отсутствует переход в запредельную область. В пределе каждый конечный отрезок окружности превращается в отрезок прямой, совпадает с отрезком касательной к окружности (в данной точке), однако окружность остаётся замкнутой линией. В неевклидовой геометрии Лобачевского окружность на пределе размыкается и превращается в предельную кривую, которая в его сочинениях часто именуется орициклом [4; 147–148].

Геометрические метафоры важны для нас в данном случае не сами по себе. Они позволяют понять сущность созерцания времени и его (созерцания) результаты. Дело в том, что, когда в новой геометрии застывшая в своей неизменности прямая Евклида превращается в геодезическую линию в пространстве Лобачевского, она выражает собой движение в пространстве и времени. Посредством созерцания движения точки в пространстве, мы переходим к созерцанию времени.

Геодезическая линия Лобачевского состоит из двух частей, одна из которых заполняется вещественными точками, другая – точками мнимыми. Читатель, не знакомый с данной математической терминологией, может представить себе течение реки, которая постоянно то опускается вглубь земных недр, то поднимается на земную поверхность. Течение времени подпадает под этот метафорический образ в виду того, что за ним скрывается указанная здесь геометрическая закономерность.

В таком плане появляется возможность созерцать и историческое время с его атрибутами прошлого, настоящего и будущего. Фалес-созерцатель, вероятно, остановился перед выбором из двух типов геометрического созерцания – евклидова и неевклидова. Об этом можно судить по двум его высказываниям. Отвечая на вопрос о мудрости, он сказал, что мудрее всего время, ибо оно раскрывает всё. Во времени совершается переход от жизни к смерти. Однако он настаивал на том, что между жизнью и смертью разницы нет [5; 65]. В 325 г. до н.э. Евклид опубликовал свой главный труд «Элементы» и тем самым решил вопрос в пользу геометрии, носящей его имя. Это геометрическое мирозерцание господствовало в науке до 1829 года. А вот значимость нового, пришедшего ему на смену, хроногеометрического мирозерцания ещё и теперь ждёт своей должной оценки со стороны научного сообщества. Ждёт той оценки, которая прозвучала в следующих словах Д. И. Менделеева: «Геометрические знания составили основу всей точной науки, а самобытность геометрии Лобачевского – зарю самостоятельного развития наук в России. Посев научный взойдёт для жатвы народной...».

Есть линия цивилизационного развития одного народа, которого древние греки называли пеласгами, или лелегами (аистами). К нему имеют самое прямое или косвенное отношение такие античные деятели, как малоазиец Прометей (см. о нём: Геродот IV, 45), сын Прометея Девкалион, затем жители той же Малой Азии Фалес из Милета, Гераклит из Эфеса, и др. В одном ряду с ними в отношении временного мирозерцания стоят и наши современники: Н. И. Лобачевский (1792–1856), П. А. Бакунин (1820–1900), В. Н. Муравьев (1885–1932), П. С. Боранецкий (1900 – не ранее 1965) и другие. К этому ряду принадлежит И. С. Тургенев с его способностью к созерцанию исторического времени. Он смог, подчеркнём ещё раз, заглянуть вглубь истории и предыстории вплоть до той отдалённой эпохи, когда был изваян Сфинкс вместе с возведёнными с ним всем известными, поражающими воображение, пирамидами. Русскую цивилизацию уместно будет назвать сверхцивилизацией, поскольку она, в отличие от других цивилизаций, устремлена в своём развитии к освоению космического временного порядка.

Литература

1. Антипенко Л.Г. Русь изначальная. Истоки русской цивилизации. 2019. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 176 с.
2. Лэртский Д. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. М.Л. Гаспарова. 2011. М.: АСТ: Астрель, 570 с.
3. Лобачевский Н.И. Новые начала геометрии с полной теорией параллельных. 1912. Х.: М. Зильберберг и сыновья, 234 с.
4. Скрябин К.Г. Фундаментальная и прикладная биотехнология—ответ на вызов XXI в. [Электронный ресурс] URL: fs.nashaucheba.ru/docs/2151/index-3018805.html (дата обращения 28.08.2020)
5. Тургенев И.С. Собрание сочинений: в 12 томах. Т.1. 1978. М.: Наука, 480 с.
6. Тургенев И.С. Собрание сочинений: в 12 томах. Т.2. 1978. М.: Наука, 324 с.
7. Тургенев И.С. Собрание сочинений: в 12 томах. Т.3. 1979. М.: Наука, 410 с.
8. Тургенев И.С. Собрание сочинений: в 12 томах. Т.4. 1979. М.: Наука, 524 с.
9. Тургенев И.С. Собрание сочинений: в 12 томах. Т.5. 1980. М.: Наука, 463 с.
10. Тургенев И.С. Собрание сочинений: в 12 томах. Т.6. 1980. М.: Наука, 384 с.
11. Тургенев И.С. Собрание сочинений: в 12 томах. Т.7. 1981. М.: Наука, 372 с.
12. Тургенев И.С. Собрание сочинений: в 12 томах. Т.8. 1982. М.: Наука, 611 с.
13. Тургенев И.С. Собрание сочинений: в 12 томах. Т.9. 1983. М.: Наука, 598 с.
14. Тургенев И.С. Собрание сочинений: в 12 томах. Т.10. 1984. М.: Наука, 651 с.
15. Тургенев И.С. Собрание сочинений: в 12 томах. Т.11. 1985. М.: Наука, 571 с.
16. Тургенев И.С. Собрание сочинений: в 12 томах. Т.12. 1986. М.: Наука, 695 с.
17. Cavalli–Sforza, L.L. Genes, peoples, and languages. 1997. USA: Proc. Natl. Acad. Sci., P. 7719–7724.

References

1. Antipenko L.G. Rus' iznachal'naya. Istoki russkoi tsivilizatsii. 2019. Moscow: Kanon+ROOI «Reabilitatsiya», 176 p.
2. Laertskii D. O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitykh filosofov. Tr. M.L. Gasparova. 2011. Moscow: AST: Astrel', 570 p.
3. Lobachevskii N.I. Novye nachala geometrii s polnoi teoriei parallel'nykh. 1912. Khar'kov: M. Zil'berberg i synov'ya, 234 p.

4. Skryabin K.G. Fundamental'naya i prikladnaya biotekhnologiya– otvet na vyzov XXI v. [Elektronnyi resurs] Available at: fs.nashaucheba.ru/docs/2151/index-3018805.html (Accessed 28.08.2020)
5. Turgenev I.S. Sobranie sochinenii: v 12 t. T.1. 1978. Moscow: Nauka, 480 p.
6. Turgenev I.S. Sobranie sochinenii: v 12 t. T.2. 1978. Moscow: Nauka, 324 p.
7. Turgenev I.S. Sobranie sochinenii: v 12 t. T.3. 1979. Moscow: Nauka, 410 p.
8. Turgenev I.S. Sobranie sochinenii: v 12 t. T.4. 1979. Moscow: Nauka, 524 p.
9. Turgenev I.S. Sobranie sochinenii: v 12 t. T.5. 1980. Moscow: Nauka, 463 p.
10. Turgenev I.S. Sobranie sochinenii: v 12 t. T.6. 1980. Moscow: Nauka, 384 p.
11. Turgenev I.S. Sobranie sochinenii: v 12 t. T.7. 1981. Moscow: Nauka, 372 p.
12. Turgenev I.S. Sobranie sochinenii: v 12 t. T.8. 1982. Moscow: Nauka, 611 p.
13. Turgenev I.S. Sobranie sochinenii: v 12 t. T.9. 1983. Moscow: Nauka, 598 p.
14. Turgenev I.S. Sobranie sochinenii: v 12 t. T.10. 1984. Moscow: Nauka, 651 p.
15. Turgenev I.S. Sobranie sochinenii: v 12 t. T.11. 1985. Moscow: Nauka, 571 p.
16. Turgenev I.S. Sobranie sochinenii: v 12 t. T.12. 1986. Moscow: Nauka, 695 p.
18. Cavalli–Sforza L.L. Genes, peoples, and languages. 1997. USA: Proc. Natl. Acad. Sci., pp. 7719–7724.

Информация об авторах

Антипенко Леонид Григорьевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5752-5654>, e-mail: chistrod@yandex.ru

Information about the authors

Antipenko G. Leonid. senior researcher, PhD RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5752-5654>, e-mail: chistrod@yandex.ru

Получена 01.09.2020

Принята в печать 15.09.2020

Received 01.09.2020

Accepted 15.09.2020

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И
КУЛЬТУР | LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL BASIS OF STUDYING
LANGUAGES AND CULTURES

К вопросу о приемах развития смыслового восприятия переводчика

Енбаева Л.В.

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (ФГБОУ ВО ПГГПУ),
г. Пермь, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4782-3744>, e-mail: l.v.enbaeva@gmail.com

Процесс формирования профессиональных компетенций переводчика опосредован развитием когнитивных процессов. Исследование их становления в ходе выполнения профессиональной деятельности отвечает задачам изучения возможностей повышения ее эффективности. Существующее описание развития смыслового восприятия дает основу для формулировки рекомендаций и предпереводческого анализа текста, однако редко применяется для разработки комплекса упражнений. Целью данного исследования является разработка комплекса заданий, одновременно решающего задачи развития смыслового восприятия и профессиональных компетенций переводчика, связанных с восприятием и пониманием иноязычного текста. При разработке использовалась идея постмодернистского подхода в переводоведении о подвижности семантических границ текста, применялись тест Мюнстерберга и методика «Таблицы Шульте», а также трехэтапная технология работы с иноязычным текстом, используемая в коммуникативном подходе к обучению иностранным языкам. В результате получена серия упражнений для одного текста, которая включает задания на выявление коммуникативных задач, антиципацию, выявление предикативных структур и разноуровневых связей, семантического комплекса текста, анализ инвариантных и вариативных составляющих структуры текста и языкового оформления его составляющих.

Ключевые слова: смысловое восприятие, комплекс упражнений, постмодернистский подход в переводоведении, семантика текста, профессиональные компетенции переводчика.

Для цитаты: Енбаева Л.В. К вопросу о приемах развития смыслового восприятия переводчика [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2020. Том 7. № 3. С. 51–63. DOI:10.17759/langt.2020070305

Some Techniques for Translator's Text Processing Skills Development

Lyudmila V. Enbaeva

Perm State Humanitarian-Pedagogic University, Perm, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4782-3744>, e-mail: l.v.enbaeva@gmail.com

Translator's professional skills development occurs in many respects due to cognitive processes development. The study of their formation within professional tasks performance caters to the needs of its effectiveness enhancement. The existing research of human perception and text processing skills can provide a framework for translation guidelines and translation-oriented text analysis guidelines, but is rarely employed for the sake of text analysis techniques development. The aim of this study is to work out a set of techniques which simultaneously addresses text processing skills and development of translator's competencies, connected with source text comprehension. The resulting set of techniques was motivated by postmodernist approach to translation and its idea of text semantics instability. A few techniques employed the design of Münsterberg experiment on attention and Schulte tables which are used to identify the attention selectiveness, concentration and performance capacity. The succession of techniques in a set is built according to the three-step strategy of foreign language reading skills development that comprises before-reading, while-reading and after-reading phases. The paper presents an example set of tasks for one text; they include author's communicative aims identification, anticipation, predicative structures and multilevel semantic links eliciting, textual semantic field identifying, analysis of alternative and invariant structural elements as imposed by the conventions of the genre.

Keywords: text processing, set of techniques, postmodern approach to translation, text semantics, translator's professional competencies.

For citation: Enbaeva L.V. Some Techniques for Translator's Text Processing Skills Development. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2020. Vol. 7, no. 3, pp. 51–63. DOI:10.17759/langt.2020070305 (In Russ.).

Введение

Становление антропоцентрической парадигмы научного знания диктует запрос на формирование таких установок в исследовании языка, которые основаны на центральной роли его носителя. Процесс перевода предполагает прием и преобразование информации, что непосредственно связано с действием когнитивных процессов смыслового восприятия человека. Уровень развития познавательных процессов определяют успешность любой деятельности, что говорит о необходимости уделять им внимание в процессе становления профессиональных компетенций в целом и в сфере перевода в частности.

Восприятие описывается психологами как процесс целостного отражения окружающего мира с целью ориентировки в нем и как этап познавательной деятельности человека. Основными свойствами восприятия являются предметность, структурность, апперцепция, константность и избирательность [11; 13]. Смысловое восприятие имеет свои особенности. И.А.Зимняя указывает, что смысловое восприятие является процессом опознавания вербальных образов и установления смысловых связей между ними на основе понимания отражаемых предметных отношений [6] А.А. Залевская отмечает, что восприятие речи

является единым процессом взаимодействия восприятия и понимания с опорой на многогранный ... предшествующий опыт реципиента текста [5, с. 7]. Достижения психологии в области исследования восприятия используются для изучения смыслового восприятия переводчика в лингвистике и дидактике. Описываются типы восприятия, возникающие в процессе перевода как межкультурной коммуникации, восприятие связывается с извлечением содержания текста и осмысления различных видов информации, исследуется значимость для восприятия механизма вероятностного прогнозирования. [9; 14]. Настоящее исследование использует предложенную И.А.Зимней трактовку смыслового восприятия, предполагающего опознавание вербальных образов и установление смысловых связей между ними, а также соотнесенность с коммуникативной ситуацией.

Особую трактовку смысловое восприятие получает в контексте постмодернистского направления переводоведения, где подчеркивается нестатичная, подвижная природа семантики текста, что может ограничить возможности переводчика. Р.Барт использует термин *нечеткость* текста (*illisibilité*) [17]. А. Берман – термин *бесструктурная множественная логика* (*shapeless polylogic*), указывая на необходимость учета хаотичной множественности текста при переводе, в результате чего смыслопорождающая природа текста становится глобальной переводческой проблемой [18]. Л. Ветути пишет о процессах дестабилизации смысла текста, который находится под воздействием непреодолимой гетерогенности языковых и культурных ситуаций [25, с. 9 – 10]. Ж. Деррида отказывается от статичной разницы между оригиналом и переводом, оба текста зависимы от интертекстуальных связей, от культурной ситуации, читателя и друг от друга. Рассуждая о релевантном переводе, он использует метафору «выживания, сохранения жизни» (*survival*) как продолжения жизни текста в новых условиях и одновременно «жизни после смерти» [19, с. 443]. Поскольку предполагается, что текст открыто взаимодействует с окружающим семиотическим пространством, имеет подвижные семантические границы, то его анализ должен быть ориентирован на раскрытие его смыслопорождающей природы [4]. Такой подход. В данном исследовании подчеркивается, что вариативность семантики текста затрудняет процесс смыслового восприятия, предполагает высокий уровень развития смыслового восприятия переводчика, требует развития навыков выявления смыслопорождающих характеристик рассматриваемого текста, инвариантных и вариативных элементов текстов одного жанра.

Уровень развития смыслового восприятия переводчика будет определяться характеристиками его объекта и сложностью операций с ним, т.е. задачами профессиональной деятельности перевода. Т.С. Серова обращает внимание на важность объекта смыслового восприятия и рассуждает о том, что является таким объектом. Им может быть группа или блок слов, основная мысль и разноуровневые смысловые связи, целостный семантический комплекс [12]. Под семантическим комплексом понимается совокупность денотатов, связанных предметными отношениями. И.А.Зимняя утверждает, что в задачу воспринимающего речевое произведение входит раскрытие смысловых связей, обозначаемых смысловыми пунктами или, в целом, фактологической цепочкой, и выявление всей предикативной структуры [6]. Следовательно, развитие смыслового восприятия переводчика будет связано с развитием его способности выявлять указанные составляющие текста. При этом необходимо учитывать, что восприятие переводчика не ограничивается извлечением той информации, которая содержится непосредственно в тексте. Так, например, Дж. Гини описывает важность текстологических исследований для переводчика,

без которых он может быть введен в заблуждение [3]. Более сложный характер смыслового восприятия переводчика по сравнению с рядовым читателем или слушателем очевиден в формулировке текстуальной составляющей межкультурной переводческой компетенции, предложенной в общеевропейских «Требованиях к компетенции профессиональных переводчиков, специалистов в области многоязычной и мультимедийной коммуникации»). Она включает, помимо прочего, следующие аспекты:

- осознанное понимание и анализ макроструктуры документа, когерентности текста;
- выявление пресуппозиций, подтекста, аллюзий, интертекстуальных связей;
- описание и оценка проблем понимания, определение стратегий их разрешения;
- извлечение и обобщение ключевой информации;
- знание структурных и жанровых особенностей и требований к документу [16, с. 6].

Таким образом, требования к уровню сформированности смыслового восприятия переводчика высоки, их специфика опосредована сложностью объекта восприятия и профессиональными задачами специалиста, что должно учитываться в процессе его обучения. Цель исследования – разработать такой комплекс заданий, который будет решать задачи развития смыслового восприятия и профессиональных компетенций студентов профиля «Перевод и переводоведение».

Проблема развития смыслового восприятия в процессе становления переводческих компетенций

Развитие смыслового восприятия переводчика происходит естественным образом в процессе общего когнитивного развития при освоении профессиональных компетенций, а также может стать объектом целенаправленной работы. Липатова В.В., Литвинов А.В. пишут, что в системе обучения должны быть предусмотрены инструменты формирования и развития переводческих способностей, для которых требуются определенные формы занятий [8]. Дополним, что помимо особых форм учебной работы, методов и средств обучения, используются системы упражнений, направленных на различные аспекты овладения знаниями, умениями и навыками в целях приобретения универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций в соответствии с ФГОС. Разработанная федеральным учебно-методическим объединением в системе высшего образования «Языкознание и литературоведение» примерная основная образовательная программа по направлению подготовки 45.03.02 «Лингвистика», направленность (профиль) «Перевод и переводоведение» (уровень бакалавриат) указывает, что одной из общепрофессиональных компетенций является способность создавать и понимать устные и письменные тексты на изучаемом иностранном языке применительно к основным функциональным стилям в официальной и неофициальной сферах общения (ОПК-3). Она подразумевает, в частности, что переводчик адекватно интерпретирует коммуникативные цели высказывания, полно выявляет релевантную информацию, адекватно идентифицирует принадлежность высказывания к официальному, нейтральному и неофициальному регистрам общения [10]. С учетом специфики смыслового восприятия, а также требований ФГОС, представляется возможным разработать комплекс приемов для развития смыслового восприятия переводчика, которое выступает естественной составляющей общей профессиональной компетенции переводчика. Они будут направлены на совершенствование способности выявлять коммуникативные цели текста и его составляющих, прогнозировать

содержание, выявлять ключевые слова, определять разноуровневые смысловые связи, целостный семантический комплекс текста в соотнесенности с жанровыми характеристиками, выявлять инвариантные и вариативные компоненты текстов рассматриваемого жанра.

Комплекс приемов

Под приемом обучения понимаются действия и операции, цель которых заключается в передаче и получении знаний, формировании навыков и умений, стимулировании учебной деятельности. Различное сочетание переменных позволяет создавать варианты упражнений и заданий на основе одного приема [7]. Предлагаемый комплекс приемов (А) ставит цель развивать смысловое восприятие текста как составляющую общей профессиональной компетенции бакалавра направления «Перевод и переводоведение». Методологическая основа комплекса включает: 1) тест Мюнстерберга [23, с. 54], методики «Таблицы Шульте» [2, с. 112], которые применяются для определения избирательности и концентрации внимания, динамики работоспособности восприятия; 2) идея постмодернистского подхода в переводоведении о подвижности семантических границ текста и необходимости навыков раскрытия его смыслопорождающей природы при анализе; 3) технология работы с иноязычным текстом, включающая предтекстовый, текстовый и послетекстовый этапы, используемая в коммуникативном подходе к обучению иностранным языкам [24, с. 187].

На основе приемов разработаны примерные задания (Б) для текста Affidavit (аффидевит, письменные показания под присягой) из пособия Career Paths: Law [20, с. 46]. Выбор текста продиктован тем, что форма документа имеет стандартные и вариативные части, коммуникативные цели авторов обладают комплексным характером, структура смысловых связей и семантический комплекс текста соотносятся с жанром. Перевод потребует умения и навыков понимать коммуникативные задачи, различать вариативные и инвариантные элементы текста, устанавливать различные семантические связи, семантический комплекс текста в соотнесенности с жанром.

А. Приемы

Приемы объединены в три группы в соответствии с последовательностью работы над иноязычным текстом. Приемы для предтекстового этапа направлены на совершенствование способности выявлять коммуникативные цели авторов, прогнозировать содержание, выявлять ключевые слова, а также на развитие избирательности внимания.

- 1) **«Общие задачи»** – прием, направленный на установление автора (авторов) и реципиента (реципиентов) текста, выявление коммуникативных задач и намерений на уровне текста. Операции: соотнесение, группировка коммуникативных ролей и задач. Материал: характеристики авторов и реципиентов, коммуникативные задачи, жанр текста, описание коммуникативной задачи. Ожидаемый результат – понимание коммуникативной ситуации, ролей и намерений коммуникантов.
- 2) **«Выделение ключевых слов»** – прием, развивающий навыки поиска ключевых слов и избирательность внимания, основан на тесте Мюнстерберга [23, с. 54]. Операции: поиск и соотнесение слов. Материал: ключевые слова или термины, произвольным образом размещенные среди случайной последовательности букв. Ожидаемый результат – перечень ключевых слов и фраз, который способствует антиципации содержания текста и анализа его семантического комплекса.

Приемы для текстового этапа связаны с задачами совершенствования способности определять предикативные структуры, разноуровневые смысловые связи, целостный семантический комплекс текста с учетом жанровой специфики.

- 1) **«Предикативная линия»** – прием, ориентированный на совершенствование навыков выявления предикативных структур. Операции: группировка и/или соотнесение слов, формирующих группу подлежащего и группу сказуемого. Материал: слова и словосочетания, формирующие подлежащее и сказуемое. Ожидаемый результат – понимание ключевых предикативных структур.
- 2) **«Структурирование концепт-карты»** – прием, выполняющий задачу совершенствования навыков анализа семантического комплекса текста, а также развивающий концентрацию и объем внимания. В основе приема – таблицы Шульте [2, с. 112]. Операции: группировка и установление последовательности концептов или ключевых терминов текста. Материал: ключевые слова или термины, в произвольном порядке занесенные в таблицы; количество таблиц варьируется; количество слов в таблице возрастает. Ожидаемый результат – концепт-карта, структурированная в соответствии с жанром текста.

Приемы для послетекстового этапа направлены на выявление коммуникативных задач отдельных частей текста, анализ вариантов их языкового оформления.

- 1) **«Идентификация задач»** – прием, реализующий задачу совершенствования навыка определения коммуникативной задачи на уровне высказывания, сверхфразового единства или структурного элемента текста документа. Операции: установление последовательности и соотнесение коммуникативных задач и элементов текста. Материал: предъявленные в произвольном порядке коммуникативные задачи и наименования компонентов текста. Ожидаемый результат – понимание коммуникативных задач ключевых составляющих текста и порядка их реализации.
- 2) **«Вариант – инвариант»** – прием, совершенствующий навыки распознавания инвариантных и вариативных компонентов текстов рассматриваемого жанра. Операции: группировка и соотнесение инвариантных и варьируемых компонентов текста. Материал: наименования инвариантных частей текста и примеры различным образом сформулированных предложений, используемых в пределах данных частей. Ожидаемый результат – понимание смыслопорождающего потенциала текста и оснований разграничения инвариантных и вариативных составляющих текста.

Б. Примерные задания для одного текста, разработанные на основе предложенных приемов.

Предтекстовый этап

- 1) Сгруппируйте документы по автору: а) witness, law maker, employer and/or employee; б) bill, law amendment, employment contract, affidavit, employee's report of injury
- 2) Соотнесите название документа и цель: а) affidavit, memo, contract; б) to inform, to state an agreement, to give a formal statement
- 3) В случайном наборе букв есть термины, найдите и подчеркните их (Табл.1). Какие из них можно объединить в словосочетания? Переведите найденные слова и полученные словосочетания.

Таблица 1

Задание на выделение ключевых слов

Демонстрируемый учащимся фрагмент	ghjklundersignedqwertyuiopofficerzxcvbnmlkjhgfdasacommisionedasdfghj rtyuiopasdfgtestimonyzxcvbnmperjuryasdfghjklstatementqwertyuiopfactq swornasdfghjklpoiuytrewqaffiantzxcvbnmnotaryqwertyuioplkjhgfdspublic
Фрагмент с выделенными терминами (ключ 1)	ghjkl undersigned qwertyuiop officer zxcvbnmlkjhgfdas acommisioned asdfghj rtyuiopasdfg testimony zxcvbnm perjury asdfghjkl statement qwertyuiop factq sworn asdfghjklpoiuytrewq affiant zxcvbnm notary qwertyuiopl kjhgfdspublic
Словосочетания (ключ 2)	undersigned officer, officer commissioned, sworn statement, notary public

Текстовый этап

- 1) Соотнесите участников коммуникации и действия, переведите полученные структуры: а) witness, notary public, four movers; б) is commissioned, has sworn, gave the testimony, saw four movers, dropped a grand piano, attest, sign.
- 2) Определите возможный порядок реквизитов аффидевита, выполните перевод (Табл.2)

Таблица 2

Задание на структурирование концепт-карты

а)

identification number	document title	notary block
affiant block	stamp/seal	signature block

б)

case caption	date of notarization	notary’s signature
affiant’s signature	identification number	commission expiry date
document title	affiant’s statement	jurat

в)

affiant statement	signature of notary public	jurat
case caption	court details	identification number
facts of the case	signature of affiant	expiry date
document title	stamp/seal	date of notarization

Послетекстовый этап

- 1) Соотнесите реквизиты документа case caption, affiant statement, jurat с коммуникативными задачами:
 - a. to state the name of the person giving the evidence and provide a notary’s certificate evidencing the administration of an oath or affirmation;
 - b. to give the official title of the case, case number, court details;
 - c. to give a written statement of facts under an oath, basing upon either the

personal knowledge of the affiant, his or her information and belief.

2) Определите варианты языкового оформления реквизитов case caption, affiant statement, jurat, выполните перевод:

a. Affidavit. Identification No.A-44. State of Massachusetts, County of Milkweed.

b. These are the facts. ... Under penalty of perjury I attest that this sworn statement is true.

c. Sworn and subscribed before me this 4th day of November (year)

d. State of Massachusetts, County of Milkweed, Subscribed and sworn before me this 4th day of November 2020 by...

e. Jurisdiction of Massachusetts County of Milkweed Precinct 111 Date received 4.11.20. Affidavit Form No.A-44

f. I hereby declare under penalties of perjury that... Signature... Date 4.11.20.

g. Subscribed and sworn before me this 4th day of November 2020 of Massachusetts, County of Milkweed. My commission expires 4.11.21 Notary public signature. Notary Public name.

Результаты и обсуждение

Для оценки предварительных результатов использования разработанных заданий для студентов профиля «Перевод и переводоведение» был составлен опросник, который включал оценку практической ценности заданий, понятности формулировок заданий, сложности заданий, временных затрат и общую оценку результатов обучения по теме. Проведенный опрос выявил, что студенты видят практическую ценность заданий, их актуальность для совершенствования переводческих компетенций в сфере юридического перевода. Им, за некоторым исключением, понятны формулировки заданий. Опрошенные студенты положительно оценили результат обучения, связав его с тем, что готовы осуществить перевод текста рассматриваемого жанра. Оценки сложности заданий и временных затрат варьируются. Среди предложений по улучшению упражнений можно отметить запрос на увеличение примеров текстов рассматриваемого жанра, заданий на их перевод в заключительной части темы.

Сопоставляя предложенный комплекс приемов, сравним подходы к работе с текстом в зарубежных и российских учебниках. В зарубежных пособиях по юридическому английскому [20; 21] последовательно выдерживаются предтекстовый, текстовый и послетекстовый этапы обучения чтению при работе с текстами разных жанров, а также достаточно часто используются задания на установление коммуникативных задач высказываний, антиципацию, работу с ключевыми терминами, работу с вариативными компонентами документа. Редко или почти не используются задания на определение предикативных структур, разноуровневых смысловых связей, семантических комплексов, анализ вариативных и инвариантных составляющих. В пособии [22] не используется трехэтапная стратегия работы с текстом, некоторые тексты сопровождаются заданиями на определение коммуникативных задач текста, анализ коммуникативной ситуации, вопросы к

текстам. Во всех трех рассмотренных пособиях нет установки на перевод, т.к. они не ориентированы на обучение переводу. В российских пособиях по юридическому переводу предложено много заданий на усвоение юридических терминов, на перевод текстов различных жанров, но не всегда предусмотрена предварительная работа с текстом до его перевода, либо она реализована двумя типами заданий: на поиск и перевод терминологических устойчивых словосочетаний и вопросами по содержанию текста [1]. Иногда пособия содержат только тексты и глоссарии. В некоторых пособиях реализовано последовательное обучение предпереводческому анализу текста [15]. Предположительно, разработанный комплекс заданий будет последовательно направлять развитие смыслового восприятия переводчика и может стать основой для разработки учебного предпереводческого анализа на первых этапах курса по практике письменного перевода

Заключение

В статье высказано предположение о возможности интегрированного развития смыслового восприятия и переводческих компетенций в рамках серии приемов, направленных на предпереводческий анализ текста. Предложен комплекс приемов, совершенствующих способность выявлять коммуникативные цели авторов, прогнозировать содержание текста на основе ключевых терминов; способности определять предикативные структуры, разноуровневые смысловые связи, целостный семантический комплекс текста с учетом жанровой специфики; выявлять коммуникативные задачи отдельных элементов документа, анализировать инвариантные и вариативные составляющие его структуры и языкового оформления в соответствии с жанром текста. Комплекс приемов структурирован в соответствии с трехфазовой стратегией работы с текстом в рамках коммуникативного подхода к обучению иностранным языкам. Для акцента на развитии смыслового восприятия использованы тест Мюнстерберга и методика «Таблицы Шульте», которые предположительно будут способствовать совершенствованию избирательности и концентрации внимания, объема смыслового восприятия. Учитывается трактовка текста в рамках постмодернистского направления переводоведения как имеющего подвижные семантические границы, что привело к разработке приемов на анализ вариативных и инвариантных компонентов текста в соотносительности с его жанровой спецификой. Приемы были использованы для формулировки заданий к одному тексту; они были предложены студентам для оценки практической релевантности, ясности формулировок, уровня сложности, времени выполнения, общего результата работы с текстом. Предварительная оценка показала их положительный результат для подготовки к выполнению перевода текста рассматриваемого жанра, выявила некоторые недочеты в формулировках заданий и рамки временных затрат на их выполнение. Перспективу исследования составляет разработка комплекса подобных заданий для различных тематических модулей и экспериментальная оценка их эффективности. Результаты исследования могут быть также использованы при составлении учебных пособий по переводу.

Литература

1. Алимов В.В. Юридический перевод: практический курс. Английский язык: Учебное пособие. Изд.3, стереотипное. 2005. М.: КомКнига, 160 с.
2. Гини Дж. Переводчик не может не быть текстологом. По поводу переводов рассказов юного Чехова [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2017. Том 4. № 3. С. 12-19. DOI: 10.17759/langt.2017040302
3. Головин С.Ю. Словарь практического психолога. 2001. М.: АСТ, 800 с.
4. Енбаева Л.В. Постмодерн в переводоведении [Электронный ресурс] // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А.Добролюбова. 2018. № 44. С. 40-49. URL: <https://vestnik.lunn.ru/arhiv-zhurnala/2018-god/vypusk-44-4-kvartal-2018-g/44-4/> (дата обращения: 02.09.2020)
5. Залевская А.А. Введение в психолингвистику: Учеб. пособие/ А.А.Залевская. 1999. М.: РГГУ, 382 с.
6. Зимняя И. А. Лингвопсихология речевой деятельности. 2001. М.: Московский психолого-социальный институт, 432 с.
7. Калашиников А.Г. Российская педагогическая энциклопедия: в 3 т. Т.1. 1993. М.: «Большая Российская Энциклопедия». 608 с.
8. Колесникова И.Л., Долгина О.А. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков. – 2001. СПб.: Изд-во «Русско-Балтийский информационный центр “Блиц”», 224 с.
9. Липатова В.В., Литвинов А.В. Современная модель профессиональной компетенции переводчика в контексте системы подготовки переводчиков в российских языковых вузах [Электронный ресурс] // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. 2012, № 2. С. 13 - 32. URL: <http://journals.rudn.ru/linguistics/article/download/9309/8760> (дата обращения: 02.09.2020)
10. Павловская О.А., Уланович, О.И. Восприятие и понимание оригинала при переводе. Традиции и инновации в исследовании и преподавании языков // Материалы Республиканского научно-практического семинара с международным участием «Инновационные технологии в современной парадигме языкового образования», отв. ред. О.И. Уланович.– (г. Минск 26 –27 октября 2012 г.) г. Минск: БГУ, 2013. С. 117 –121
11. Примерная основная образовательная программа по направлению подготовки 45.03.02 «Лингвистика», [Электронный ресурс]. 2017. URL: <http://rusacademedu.ru/wp-content/uploads/2019/02/45.03.02-perevod-i-perevodovedenie.pdf> (дата обращения: 05.07.2020)
12. Римский С., Римская Р.Р. Альманах психологических тестов. 1995. М.: КСП+, 400 с.
13. Рыбина П.В. Юридический перевод: учебное пособие по переводу с английского языка на русский. 2018. М.: Проспект, 536 с.
14. Серова Т.С. Психология перевода как сложного вида иноязычной речевой деятельности. 2001. П.: Перм.гос.техн.ун-т., 211 с.
15. Шокатаева Р.С. Восприятие как когнитивная операция в познавательно-репродуктивной переводческой деятельности [Электронный ресурс] // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. №4 (37), С. 45-50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospriyatie-kak-kognitivnaya-operatsiya-v-poznavatelno-reproduktivnoy-perevodcheskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 05.07.2020)
16. Barthes R. L'Image. Prétexte: Roland Barthes. Colloque de Cerisy. 2003.P.: Christian Bourgeois éditeur, P. 333 – 345.
17. Berman A. Translation and the Trials of the Foreign // The Translation Studies Reader.

2000. L.: Routledge, P. 284–297.

18. *Derrida J.* What is a «Relevant» Translation // *The Translation Studies Reader*. 2004. L., N.Y.: Routledge, P. 423 – 446.
19. *Evans V., Dooley J., Smith D.J.* Career Paths – Law. Book 2. 2011. UK: Express Publishing, 40 p.
20. Competences for professional translators, experts in multilingual and multimedia communication [Elektronnyi resurs] URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/emt_competences_translators_en.pdf (дата обращения: 05.07.2020)
21. *Krois-Lindner A.* International Legal English. 2-nd Edition: A Course for Classroom or Self-study Use. 2011. C.: Cambridge University Press, 320 p.
22. *McKay, W.R., Charlton H.E.* Legal English. 2005. UK: Pearson Education Limited, 118 p.
23. *Münsterberg H.* Psychology and Industrial Efficiency. 2005. B. and N.Y.: The Riverside Press Cambridge. 184 p. URL: <https://www.sips.it/wp-content/uploads/2017/09/Psychology-and-Industrial-Efficiency-by-Hugo-M%C3%BCnsterberg.pdf> (дата обращения: 05.07.2020).
24. *Scrivener J.* Learning Teaching. 2-nd Edition: A guidebook for English language teachers. 2005. UK: McMillan Books for Teachers, 431 p.
25. *Venuti L.* The Scandals of Translation: Towards an Ethics of Difference. 2002. L.: Routledge, 210 p.

References

1. Alimov V.V. Juridicheskij perevod: prakticheskij kurs. Anglijskij jazyk: Uchebnoe posobie. Izd.3-, stereotipnoe. 2005. Moscow: KomKniga, 160 p. (In Russ.).
2. Gini Dzh. Perevodchik ne mozhet ne byt' tekstologom. Po povodu perevodov rasskazov junogo Chehova [A translator cannot help but be a text-writer. In occasion of translations of stories of young Chekhov]. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2017. Vol. 4, no. 3. pp. 12-19. DOI: 10.17759/langt.2017040302. (In Russ.).
3. Golovin S.Ju. Slovar' prakticheskogo psihologa. 2001. Moscow: AST, 800 p. (In Russ.).
4. Enbaeva L.V. Postmodern v perevodovedenii [The Postmodern in Translation Studies]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A.Dobroljubova*, 2018, no. 44, 216 p. Available at: <https://vestnik.lunn.ru/arhiv-zhurnala/2018-god/vypusk-44-4-kvartal-2018-g/44-4/> (Accessed: 02.09.2020) (In Russ.).
5. Zalevskaja A.A. Vvedenie v psiholingvistiku. 1999. Moscow: RGGU, 382 p. (In Russ.).
6. Zimnjaja I. A. Lingvopsihologija rechevoj dejatel'nosti. 2001. Moscow: Moskovskij psihologo-social'nyj institut, 432 p. (In Russ.).
7. Kalashnikov A.G. Rossijskaja pedagogicheskaja jenciklopedija. 1993. Moscow: Bol'shaja Rossijskaja Jenciklopedija: v 3 t. V.1. 608 p. (In Russ.).
8. Kolesnikova I.L., Dolgina O.A. Anglo-russkij terminologicheskij spravochnik po metodike prepodavanija inostrannyh jazykov. 2001. Saint-Petersburg: Publ. «Russko-Baltijskij informacionnyj centr “Blic”», 224 p. (In Russ.).
9. Lipatova V.V., Litvinov A.V. Sovremennaja model' professional'noj kompetencii perevodchika v kontekste sistemy podgotovki perevodchikov v rossijskih jazykovyh vuzah [The Modern Pattern of The Competence for Professional Translators in The Context of Training Translators at Linguistic Universities of Russia]. *Vestnik RUDN, serija Lingvistika*, 2012, no. 2, pp.

13 – 32. Available at: <http://journals.rudn.ru/linguistics/article/download/9309/8760> (Accessed: 02.09.2020) (In Russ.).

10. Pavlovskaja O.A., Ulanovich, O.I. Vospriyatie i ponimanie originala pri perevode. Tradicii i innovacii v issledovanii i prepodavanii jazykov: Materialy Respublikanskogo nauchno-prakticheskogo seminaru s mezhdunarodnym uchastiem «*Innovacionnye tehnologii v sovremennoj paradigme jazykovogo obrazovanija*», (g. Minsk 26 –27 oktyabtya 2012 g.) g. Minsk: Publ. centr BGU, 2013. pp. 117 – 12. (In Russ.).

11. Primernaja osnovnaja obrazovatel'naja programma po napravleniju podgotovki 45.03.02 «Lingvistika», 2017. Available at: <http://rusacademedu.ru/wp-content/uploads/2019/02/45.03.02-perevod-i-perevodovedenie.pdf> (Accessed 05.07.2020). (In Russ.).

12. Rimskij S., Rimskaja R.R. Al'manah psihologicheskikh testov. 1995. Moscow: KSP+, 400 p. (In Russ.).

13. Rybina P.V. Juridicheskij perevod: uchebnoe posobie po perevodu s anglijskogo jazyka na russkij. 2018. Moscow: Prospekt, 536 p. (In Russ.).

14. Serova T.S. Psihologija perevoda kak slozhnogo vida inojazychnoj rechevoj dejatel'nosti. 2001. Perm': Perm.gos.tehn.un-t., 211 p. (In Russ.).

15. Shokataeva R. S. Vospriyatie kak kognitivnaja operacija v poznavatel'no-reproduktivnoj perevodcheskoj dejatel'nosti [Perception as A Cognitive Operation in The Cognitive-Reproductive Translation Activity]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. 2013, no. 4 (37), pp. 45-50. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospriyatie-kak-kognitivnaya-operatsiya-v-poznavatelno-reproduktivnoy-perevodcheskoj-deyatelnosti> (Accessed 05.07.2020). (In Russ.).

16. Barthes R. L'Image. Prétexte: Roland Barthes. Colloque de Cerisy, 2003. Paris: Christian Bourgois éditeur, pp. 333 – 345.

17. Berman A. Translation and the Trials of the Foreign. *The Translation Studies Reader*, 2000. London: Routledge, pp. 284–297.

18. Derrida J. What is a «Relevant» Translation. *The Translation Studies Reader*, 2004. London, New York: Routledge, pp. 423 – 446.

19. Evans V., Dooley J., Smith D.J. Career Paths – Law. Book 2. 2011. United Kingdom: Express Publishing, 40 p.

20. Competences for professional translators, experts in multilingual and multimedia communication. Available at: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/emt_competences_translators_en.pdf (Accessed 05.07.2020). (In Russ.).

Енбаева Л.В.

К вопросу о приемах развития смыслового восприятия переводчика
Язык и текст. 2020. Том 7. № 3. С. 51–63.

Enbaeva L.V.

Some Techniques for Translator's Text Processing Skills Development
Language and Text. 2020. Vol. 7, no. 3, pp. 51–63.

21. Krois-Lindner A. International Legal English. 2-nd Edition: A Course for Classroom or Self-study Use. 2011. Cambridge: Cambridge University Press, 320 p.
22. McKay, W.R., Charlton H.E. Legal English. 2005. United Kingdom: Pearson Education Limited, 118 p.
23. Münsterberg H. Psychology and Industrial Efficiency. 2005. Boston and New York: The Riverside Press Cambridge. 184 p. Available at: <https://www.sips.it/wp-content/uploads/2017/09/Psychology-and-Industrial-Efficiency-by-Hugo-M%C3%BCnsterberg.pdf> P.54 (Accessed 05.07.2020).
24. Scrivener J. Learning Teaching. 2-nd Edition: A guidebook for English language teachers. 2005. United Kingdom: McMillan Books for Teachers, 431 p.
25. Venuti L. The Scandals of Translation: Towards an Ethics of Difference. 2002. London: Routledge, 210 p.

Информация об авторах

Енбаева Людмила Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания иностранных языков, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (ФГБОУ ВО ПГГПУ), г. Пермь, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4782-3744>, e-mail: l.v.enbaeva@gmail.com

Information about the authors

Ljudmila V. Enbaeva, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Language Teaching Methods, Perm State Humanitarian-Pedagogic University, Perm, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4782-3744>, e-mail: l.v.enbaeva@gmail.com

Получена 01.09.2020

Принята в печать 15.09.2020

Received 01.09.2020

Accepted 01.09.2020

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И
КУЛЬТУР | LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL BASIS OF STUDYING
LANGUAGES AND CULTURES

Определение природы имиджа в философии древних мыслителей как элемент культуры в контексте историко- теоретического анализа

Нарзикулова Ф.Б.

Самаркандский Республиканский Центр Повышения и Переподготовки Квалификации
Работников Народного Образования, Самарканд, Узбекистан
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0313-6461>, e-mail: firuza-narzikulova@mail.ru

В статье даны определения понятия имиджа, природы имиджа с точки зрения научного, историко-теоретического анализа, которые чаще всего встречаются в научной литературе. В статье рассматривается природа имиджа как элемента культуры в философии древних мыслителей, таких как Ибн Сина, Аль Фараби, Конфуция, их взгляды, идеи, воззрения. Научное исследование духовного мира и мыслительного процесса великих людей прошлого, внесших большой вклад в развитие цивилизации, играет большую роль в воспитании чувства гордости у будущих поколений. В произведениях выдающихся умов находят свое отражение достижения человеческой мысли определенного исторического периода, образ жизни большой группы людей того или иного времени. Существует предположение, что термин «имидж» происходит от английского языка. Он передает как минимум пять значений – образ, статуя - идол, метафора, икона, сходство. Но, учитывая факт существования этого термина еще в древние времена, невозможно с уверенностью утверждать, что «имидж» является производным от французского или английского языков, скорее всего, является заимствованным, как показывает трансформация со временем его содержания и почти одновременно позднее появление в обоих этих языках.

Ключевые слова: Имидж, образ, символы, историко-теоретический анализ, восточные мыслители, Конфуций, Ибн Сина, Аль Фараби, трактаты, учения, взгляды, нравственность, мораль, воспитание, культура.

Для цитаты: Нарзикулова Ф.Б. Определение природы имиджа в философии древних мыслителей как элемент культуры в контексте историко-теоретического анализа [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2020. Том 7. № 3. С. 64–69. DOI:10.17759/langt.2020070306

Determination of the Nature of the Image in the Philosophy of Ancient Thinkers as an Element of Culture in the Context of Historical and Theoretical Analysis

Firuza B. Narzikulova

Samarkand Republican Center for the Development and Retraining of Qualifications of Workers of Public Education, Samarkand, Uzbekistan,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0313-6461>, e-mail: firuza-narzikulova@mail.ru

The article provides definitions of the concept of image, the nature of image from the point of view of scientific, historical and theoretical analysis, which are most often found in scientific literature. The article examines the nature of image as an element of culture in the philosophy of ancient thinkers such as Ibn Sina, al-Farabi, Confucius, their views, ideas, and views. The scientific study of the spiritual world and the thought process of the great people of the past who made a great contribution to the development of civilization plays an important role in fostering a sense of pride in future generations. The works of outstanding minds reflect the achievements of human thought of a certain historical period, the way of life of a large group of people of a particular time. There is an assumption that the term "image" comes from the English language. It conveys at least five meanings-image, statue-idol, metaphor, icon, similarity. But, given the fact that this term existed in ancient times, it is impossible to say with certainty that "image" is derived from French or English, most likely, it is borrowed, as shown by the transformation over time of its content and almost simultaneously later appearance in both these languages.

Keywords: Image, image, symbols, historical and theoretical analysis, Eastern thinkers, Confucius, Ibn Sina, al Farabi, treatises, teachings, views, morality, morals, education, culture.

For citation: Narzikulova F.B. Determination of the Nature of the Image in the Philosophy of Ancient Thinkers as an Element of Culture in the Context of Historical and Theoretical Analysis. *Yazuk i tekst = Language and Text*, 2020. Vol. 7, no. 3, pp. 64–69. DOI:10.17759/langt.2020070306 (In Russ.).

Научное исследование духовного мира и мыслительного процесса великих людей прошлого, внесших большой вклад в развитие цивилизации, играет большую роль в воспитании чувства гордости у будущих поколений. В произведениях выдающихся умов находят свое отражение достижения человеческой мысли определенного исторического периода, образ жизни большой группы людей того или иного времени. Существует предположение, что термин «имидж» происходит от английского языка. Он передает как минимум пять значений – образ, статуя - идол, метафора, икона, сходство. Но, учитывая факт существования этого термина еще в древние времена, невозможно с уверенностью утверждать, что «имидж» является производным от французского или английского языков, скорее всего, является заимствованным, как показывает трансформация со временем его

содержания и почти одновременно позднее появление в обоих этих языках.

Весь период становления имиджа как социокультурного феномена можно условно разделить на «допонятийный»: античность – середина XX века, и «понятийный»: середина XX века – настоящее время, периоды. Понятие «имидж» по отношению к допонятийной эпохе весьма условно, т.к. строго говоря, в ранние исторические эпохи речь может идти только о протоформе имиджа знаково-символической природы, обладающей сходными с имиджем системными характеристиками: технологичностью, амбивалентностью и коммуникативно-управленческой сущностью, которые, однако, в протоформах выражены в меньшей степени и «набирают силу» постепенно: от эпохи – к эпохе.

При определении понятия имиджа, природы имиджа, с точки зрения научного анализа, которые чаще всего встречаются в научной литературе, психологический словарь связывает понятие «имидж» и «образ»: «Имидж - (англ. Image - образ) - сложившийся в массовом представлении и имеющий характер стереотипа, эмоционально окрашенный образ кого-либо или чего-либо ... Формирование имиджа происходит стихийно, но чаще оно является результатом работы специалистов в области политической психологии, политической рекламы; имидж отражает социальные ожидания определенной группы, поэтому его наличие в некоторых случаях обеспечивает субъекту успех в политической или деловой жизни» [5].

В свою очередь, нужно отметить, что природу имиджа, понятие имиджа и его формирование в символах и образах групповых норм, были заложены еще в античные времена: Аристотель, Сенека, Сократ, Платон и др.; во времена Средневекового Востока: Аль Фараби, Ибн Сина, Аль Бируни, Алишер Навои, Джалаладдин Руми, Махмуд Замахшари и др.; в эпоху Возрождения: Л. Валла, М. Финчио, Н. Макиавелли и др. С помощью историко-теоретического анализа можно утверждать, что они представлены в контексте вопросов: взаимодействия души и тела, во взаимодействии личности и общества, общения и нравственного самосовершенствования, красоты и гармонии. [3; 4]

Именно в античной философии формируется представление о том, что познание каждой вещи начинается с внешнего вида, ведь именно «по внешнему виду что-то называют таким-то и таким-то». Образ вещи - телесная оболочка, по мнению античных философов, не случайно, она -телесная оболочка, закодирована выражением его идеи.

Древнекитайский мыслитель Конфуций говорил, что «человек измеряется не с ног до головы, а от головы до неба». Это следует учитывать в процессе создания привлекательного образа. Образ «Благородного мужа» занимает одно из центральных мест в учении Конфуция, ему отведена роль идеального человека, примера для подражания, который, независимо от своего происхождения, культивирует моральные ценности, знает свои обязанности и действует на благо общества, которому служит. Для того, чтобы достичь идеала «Благородного мужа», необходима целостная система образования и воспитания. Природа человека в китайской традиции включает в себя как бы два уровня: врожденные качества и способность к самосовершенствованию. Человеку мало обладать некоторыми качествами, надо еще уметь их применить, сконцентрировав волю и регулируя свое поведение. [2]

Так, например, в Средние Века Ибн Сина подчеркивал в своих трудах, что нужно быть ясным умственно, чистым нравственно и опрятным физически. Как показывает проведенный нами историко-теоретический анализ психологических воззрений Ибн Сины, образ

гармонично развитой личности, где мыслитель разрабатывает средства и методы улучшения нравов, преодоления низменных моральных качеств, укрепления добронравия, исходя из гуманистической и рационалистической сущности своей философской доктрины, прослеживается во всех его учениях. [3] В учении Ибн Сины мораль тесно связана со свободой выбора человека, что предопределяет субъективные предпосылки реализации основной цели нравственного воспитания. Эту свою теорию Ибн Сина главным образом сводит к умению наставников вести диалог на эту тему, разъяснять своим ученикам, какое значение имеет свобода выбора для совершенствования и развития человека.

Неоспорим и тот факт, что на протяжении существования общества фактор имиджа оказывал значительное влияние на ход политических процессов. Именно этим обусловлен тот факт, что к проблеме образа идеального правителя, так или иначе, обращалось значительное количество мыслителей. В трудах Аристотеля, Сенеки, Аль - Фараби, Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Г. Гегеля, Ж.-Ж. Руссо и др. содержатся рассуждения о соотношении личности и власти, природы человека в политике, о том, каким должен быть гражданин, правитель, как должна выглядеть власть в глазах общества. В разные времена, в разные эпохи ученые, философы пытались создавать модели разных государств. Каждый из них выделял свои определенные типы государства, старался показать, какое государство лучше для общества, а какое совсем неприемлемо. Особое место в этом плане занимает и теория Аль-Фараби.

На сегодняшний день очень многие политики, историки, философы, государственные деятели обращаются к трактатам Аль - Фараби, потому что его идеи и взгляды дают правильное направление в процессе развития человека, построении общества, государства. Одним из главных вопросов, рассмотренных в трактатах Аль-Фараби, стал вопрос о видах государств. В «Трактате о взглядах жителей добродетельного города» он называл государство – городом. Какие виды государства выделял философ? Какое для него казалось идеальным, а какое неправильным? И как он их называл и по каким критериям разделял? «Государство есть достояние народа – говорит ученый, - связанного между собой в вопросах права и общностью интересов. Причиной для такого соединения людей является не столько их слабость, сколько, так сказать, врожденная потребность жить вместе» [1]. На наш взгляд, актуальным для анализа является его идея о разновидности городов-государств на «невежественные» и «добродетельные». В «добродетельном» городе, по представлению философа, наблюдается порядок и высокие моральные качества самих жителей. А жителей «невежественного» города философ сравнивал с животными, «желающих нанести вред и уничтожить, не извлекая для себя из этого никакой видимой пользы».

В результате проведенного нами историко-теоретического анализа [4], мы можем сделать вывод, что философ описывал сложившийся в массовом представлении и имеющий характер стереотипа во взглядах жителей образ «добродетельного города», эмоционально окрашенный образ как «добродетельных» городов, так и «невежественных». Как мы знаем из современных исследований в области имиджологии, формирование имиджа происходит стихийно, но чаще оно является результатом работы специалистов в области политической психологии, политической рекламы, а этими специалистами и были философы, прогрессивные деятели своего времени; имидж, в современном понятии, отражает социальные ожидания определенных групп, поэтому его наличие в некоторых случаях обеспечивает субъекту успех в политической или деловой жизни. Именно на основе

проведенного нами историко - теоретического анализа мы сделали вывод, что во времена Средневекового Востока были определенные представления образа образцового города, его руководителя и проживающих в нем, т.е. города в современном понимании с имиджем образца для подражания, что очень важно для проживания в обществе. Идея общественной природы человека составляет основополагающую предпосылку и в философии Ибн Сины. Он был убежден в том, что человек может обрести счастье и благополучие только в обществе, и поэтому считал общее благо более предпочтительным в сравнении с личным.

Идея Ибн Сины, так же, как и Аль-Фараби, о представлении добродетельного города и истинном правителе являются извечной мечтой народов Ближнего и Среднего Востока о «справедливом государстве» и «справедливом правителе».

Если за сущностное понимание имиджа выбрать образ, то можно проследить многозначность его трактовки относительно каждого философского течения и в зависимости от промежутка времени. Начиная от гносеологии, где образом традиционно считали отображения мира, или отражение этого мира в сознании человека, образ воспринимали как пассивную форму такого отражения. Это объяснялось тем, что в процессе восприятия он служил вспомогательным средством, благодаря которому формировалась воображение, по своей природе аналогичное реальной картине, без изменений и новых оттенков. Уже с конца XIX в. происходит определенная трансформация, благодаря которой образ становится знаком, точнее, символом, который выполняет свою функцию не автоматически, а требует объяснения и толкования.

Таким образом, можно предположить, что еще в древние времена имидж не только сформировался как социальный феномен, но и оказывался в двух формах: реальной - настоящей и фиктивной - искусственной. Он представлял собой определенный элемент культуры, ведь основывался на моральных качествах личности, был неотъемлемой частью национальных обрядов, отражал базовые общественные представления о том, как человек должен взаимодействовать с людьми, которые его окружают. Уже тогда имидж был мощной силой, которая формировала поведение индивида в различных ситуациях.

Литература

1. *Аль-Фараби*. Трактат о взглядах добродетельного города: впервые опубликован в работе: Григорян С.Н. Из истории философии Средней Азии и Ирана VII – XII вв. / Пер. с араб. Сагадеев А.В. 1960. М.: Изд-во АН СССР, 430 с.
2. *Нарзикулова Ф.Б.* Историко-теоретический анализ психологических идей Ибн Сино: дисс...докт. филол. наук. Ташкент, 2009, 280 с.
3. *Нарзикулова Ф.Б.* Психологические взгляды, идеи и мысли в трудах Ибн Сино. 2016. Самарканд: изд. СамГУ, 260 с.
4. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* Психология: словарь. 1990. М.: Политиздат, 494 с.
5. *Хин-Шун Я.* Конфуцианство, даосизм от А до Я. // Древнекитайская философия. Собрание текстов: в 2 т. Т.1. 2007. М.: Мысль, 361 с.
6. *Хин-Шун Я.* Конфуцианство, даосизм от А до Я. // Древнекитайская философия. Собрание текстов: в 2 т. Т.2. 2007. М.: Мысль, 382 с.

References

1. Al'-Farabi. Traktat o vzglyadakh dobrodetel'nogo goroda: v pervye opublikovan v rabote: Grigoryan S.N. Iz istorii filosofii Srednei Azii i Irana VII – XII vv. *Tr. arab. Sagadeev A.V.*, 1960.

Нарзикулова Ф.Б.

Определение природы имиджа в философии древних мыслителей как элемент культуры в контексте историко-теоретического анализа
Язык и текст. 2020. Том 7. № 3. С. 64–69.

Narzikulova F.B.

Determination of the Nature of the Image in the Philosophy of Ancient Thinkers as an Element of Culture in the Context of Historical and Theoretical Analysis
Language and Text. 2020. Vol. 7, no. 3, pp. 64–69.

Moscow: Publ. AN SSR, 430 p.

2. Narzikulova F.B. *Istoriko-teoreticheskii analiz psikhologicheskikh idei Ibn Sino: diss. dokt. filol. nauk.* Tashkent, 2009. 280 p.

3. Narzikulova F.B. *Psikhologicheskie vzglyady, idei i myсли v trudakh Ibn Sino.* 2016. Samarkand: Publ. SamGU, 260 p.

4. Petrovskii A.V., Yaroshevskii M.G. *Psikhologiya: slovar'.* 1990. Moscow: Politizdat, 494 p.

5. Khin-Shun Ya. *Konfutsianstvo, daosizm ot A do Ya. Drevnekitaiskaya filosofiya. Sobranie tekstov: v 2 t. T.1,* 2007. Moscow: Mysl', 361 p.

6. Khin-Shun Ya. *Konfutsianstvo, daosizm ot A do Ya. Drevnekitaiskaya filosofiya. Sobranie tekstov: v 2 t. T.2.* 2007. Moscow: Mysl', 382 p.

Информация об авторах

Нарзикулова Фируза Ботуровна, доктор философии по психологическим наукам (PhD), доцент кафедры «Педагогика, Психология и образовательные технологии» Самаркандского Республиканского Центра Повышения и Переподготовки Квалификации Работников Народного Образования, Самарканд, Узбекистан ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0313-6461>, e-mail: firuza-narzikulova@mail.ru

Information about the authors

Narzikulova B. Firuza, doctor of philosophy in psychological Sciences (PhD), associate Professor of the Department of Pedagogy, Psychology and educational technologies of the Samarkand Republican center for Advanced training and Retraining Of Public Education Workers, Samarkand, Uzbekistan, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0313-6461>, e-mail: firuza-narzikulova@mail.ru

Получена 01.09.2020

Принята в печать 15.09.2020

Received 01.09.2020

Accepted 15.09.2020

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И
КУЛЬТУР | LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL BASIS OF STUDYING
LANGUAGES AND CULTURES

Исследование содержания и структуры иноязычной коммуникативной компетенции

Шишигина Я.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5732-6349>, e-mail: yanashishigin17@gmail.com

На современном этапе обучения иностранному языку одной из наиболее значимых целей выделено совершенствование иноязычной коммуникативной компетенции, которая обеспечивает успешное общение между носителями разных языков и культур. Актуальность данной статьи связана с тем, что трактование понятия «иноязычная коммуникативная компетенция» в научной литературе характеризуется неоднозначностью, что в значительной степени усложняет теоретические обобщения в данной сфере. Кроме того, большой интерес представляют вопросы, связанные с особенностями содержания и структуры иноязычной коммуникативной компетенции. В ходе написания статьи были использованы работы отечественных и зарубежных авторов, затрагивающие вопросы содержания и структуры иноязычной коммуникативной компетенции (М.Н. Вятютнев, И.Л. Бим, В.В. Сафонова, А.Н. Щукин, Д. Хаймс, М. Кэналь, М. Свейн).

Ключевые слова: компетенция, коммуникативная компетенция, иностранный язык, иноязычная коммуникативная компетенция.

Для цитаты: Шишигина Я.А. Исследование содержания и структуры иноязычной коммуникативной компетенции [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2020. Том 7. № 3. С. 70–78. DOI:10.17759/langt.2020070307

Research of The Content and Structure of Foreign Language Communicative Competence

Yana A. Shishigina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5732-6349>, e-mail: yanashishigin17@gmail.com

At the present stage of teaching a foreign language, one of the most significant goals is the improvement of foreign language communicative competence, which ensures successful communication between speakers of different languages and cultures. The relevance of this article is the fact that the interpretation of the concept of “foreign

language communicative competence” in the scientific literature is characterized by ambiguity, which greatly complicates theoretical generalizations in this field. In addition, questions related to the peculiarities of the content and structure of foreign language communicative competence are of great interest. During the writing of this article, the works of domestic and foreign authors were used, affecting the content and structure of foreign language communicative competence (M.N. Vyatyutnev, I.L. Bim, V.V.Safonova, A.N. Schukin, D. Khimes, M. Canal, M. Swain).

Keywords: competence, communicative competence, foreign language.

For citation: Shishigina Y.A. Research of The Content and Structure of Foreign Language Communicative Competence. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2020. Vol. 7, no. 3, pp. 70–78. DOI:10.17759/langt.2020070307 (In Russ.).

История становления понятия «коммуникативная компетенция»

Разработка теоретических вопросов иноязычной коммуникативной компетенции берет своё начало в 70-х гг. XX в. и связана с именем американского исследователя Дэлла Хаймса. Под термином «коммуникативная компетенция» он понимал внутреннее знание ситуационной уместности языка, а также способности, которые дают возможность человеку быть в процессе речевой деятельности. По убеждению исследователя, знание языка тесно связано с представлением о речевых ситуациях, в которых могут использоваться определённые грамматические конструкции и лексические единицы [14]. В 80-х гг. канадские учёные М. Кэналь и М. Свейн дали определение «коммуникативной компетенции» как владение навыками, необходимыми для коммуникации, а также знание лексики и способностей применения определенной лексики с учетом социальных особенностей и социокультурных правил [12].

М.Н. Вятютнев – первый отечественный ученый, который предложил рассматривать «коммуникативную компетенцию», как способность выбора речевого поведения в совокупности с такими навыками, как способностями ориентации в различных коммуникативных ситуациях и умениями систематизировать ситуации с учётом темы, целей и задач общения [4, с.38-39].

Таким образом, в 70-80 гг. прошлого века в работах зарубежных и отечественных учёных можно выделить общую тенденцию, состоящую в том, что термин «коммуникативная компетенция» рассматривался как основополагающий для описания общения [8]. Одновременно с тем в понимании первых исследователей данное понятие подразумевает умение соотносить языковые средства с условиями и задачами общения, а также в процессе общения учитывать коммуникативную целесообразность и языковые нормы.

Определение иноязычной коммуникативной компетенции в современной методической науке

В соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом развитие иноязычной коммуникативной компетенции выделяется в качестве одной из основных целей освоения иностранного языка в школе [1; 5; 6]. В связи с важностью рассматриваемого понятия в рамках проводимого исследования большой интерес представляет толкование иноязычной коммуникативной компетенции с точки зрения образовательного процесса в современной школе.

Теоретический анализ специальной литературы позволил выявить, что в отечественной методической науке отсутствует единое определение термина «иноязычная коммуникативная компетенция». Например, А.Н. Щукин рассматривает данное понятие как способность обучающихся осуществлять речевую деятельность в соответствии с ситуацией и целью общения, используя средства иностранного языка [11, с.139].

По мнению И.Л. Бим, иноязычная коммуникативная компетенция подразумевает способность и готовность общаться с носителями иностранного языка, а также приобщение обучающихся к иноязычной культуре и осознание особенностей культуры своей страны, включая умение представлять её в ходе общения [2, с.159-160]. В свою очередь, В.В. Сафонова определяет иноязычную коммуникативную компетенцию как определенный уровень владения речевыми, языковыми и социокультурными ЗУН, которые влияют на выбор учащихся в речевом поведении в соответствии с функциональными условиями иноязычного общения [10, с.97].

Таким образом, в работах российских исследователей понятие «иноязычная коммуникативная компетенция» чаще всего трактуется как способность и готовность к общению с носителями иностранного языка, включая адекватное ситуации выражение собственных мыслей [7].

Основные подходы к определению содержания и структуры иноязычной коммуникативной компетенции

Одним из важных вопросов теории и методики преподавания иностранных языков выступает состав иноязычной коммуникативной компетенции [3]. Благодаря анализу методической литературы, мы установили, что в настоящее время исследователями выделяется два варианта компонентного состава иноязычной коммуникативной компетенции: Российский подход и Европейский подход. Сопоставление двух подходов (табл. 1) показывает, что исследователи определяют в структуре иноязычной коммуникативной компетенции различные составляющие.

Таблица 1

Анализ подходов к выделению структуры иноязычной коммуникативной компетенции

Исследователи	Структурные компоненты иноязычной коммуникативной компетенции										
	языковая	лингвистическая	прагматическая	речевая	стратегическая	социокультурная	социolingвистическая	компенсаторная	дискурсивная	учебно-	социальная
Российский подход											
В.В. Сафонова											
А.Н. Щукин											

И.Л. Бим																				
Общеввропейский подход																				
Common European Framework																				

Языковую, лингвистическую и грамматическую компетенцию филологи определяют как знание и владение правилами и единицами языка по трем уровням: фонетический, грамматический, лексический [13; 11; 10]; владение языковыми средствами и процессами воспроизведения текста [2]. Однако термин «грамматическая компетенция» не совсем точный, поскольку упускается содержательный аспект общения, который обеспечивается корректным использованием лексических единиц. В своей работе В.В. Сафонова даёт наиболее точное описание языковой компетенции, которая включает:

- овладение грамматическими, орфографическими, фонетическими и лексическими языковыми средствами с учётом ситуаций и сферы общения;
- усвоение необходимых знаний о языковых явлениях изучаемого языка;
- владение способами выражения мыслей [10, с.27].

Лингвистическая компетенция предполагает уверенное составление грамматически и синтаксически правильных конструкций, понимание смысловых отрезков в речи, представленных согласно нормам изучаемого иностранного языка. Так, данная компетенция является ключевым компонентом иноязычной компетенции, т.к. вербальная коммуникация может быть реализована только на основании знаний лексики, правил построения грамматических форм и логических структурных предложений. [11; 13].

На основании приведенных выше определений можно заключить, что термин «языковая компетенция» лучше отражает совокупность навыков, знаний и способностей, способствующих пониманию и продуцированию адекватно оформленной (грамматически, фонетически и лексически) речи. Кроме того, термин «языковая компетенция» позволяет избежать двоякого толкования, в отличие от термина «лингвистическая компетенция».

Прагматическая компетенция подразумевает умение реализовать коммуникативное намерение через выбор речевых действий в соответствии со сложившейся ситуацией [13].

Под речевой компетенцией подразумевается осознание общих и специфических правил речевого поведения в сфере социально значимого и бытового общения, а также умение оперативно применять эти правила, порождая и корректно интерпретируя иноязычную речь [10; 2].

Стратегическая компетенция подразумевает способность отбирать и применять эффективные стратегии в процессе решения разных коммуникативных задач (например, умение компенсировать недостающие знания в случае коммуникативного сбоя). Данная компетенция может рассматриваться в качестве отдельного компонента иноязычной коммуникативной компетенции либо в качестве части речевой компетенции [11].

Значимым компонентом иноязычной коммуникативной компетенции выступает социокультурная компетенция, которую исследователи понимают как знания социокультурного контекста изучаемого иностранного языка и навыки применения данных знаний в ходе общения [2]. Данная компетенция подразумевает наличие способностей сопоставлять и интерпретировать культурные особенности и адекватно взаимодействовать в ситуациях межкультурного диалога [10; 11].

Социолингвистическая компетенция включает в себя знания и умения, которые необходимы для эффективного использования языка в социальном контексте в процессе

межкультурного общения [9]:

- осознание влияния различных факторов на выбор языковых средств;
- умение использовать средства языка, соответствующие коммуникативной ситуации;
- умение использовать социолингвистические знания в процессе общения с представителями различных культур [13].

Анализ представленных выше определений социокультурной и социолингвистической компетенции показывает, что данные понятия близки. В этом случае достаточно обоснованной выглядит точка зрения В.В. Сафоновой, которая предлагает рассматривать социолингвистическую компетенции в качестве составного элемента социокультурной компетенции. Исследователь объясняет свою позицию тем, что для полноценного диалога культур требуется вся совокупность знаний, навыков и умений в данной сфере [10].

В составе иноязычной коммуникативной компетенции исследователи также выделяют:

- компенсаторную компетенцию – умение разрешать затруднительную языковую ситуацию и достигать взаимопонимания [2];
- дискурсивную компетенцию – способность применять нормы речи в ходе построения логического собственного текста, применяя правильное толкование смысла высказывания [11];
- учебно-познавательную компетенцию (умение учиться) [2];
- социальную компетенцию – готовность человека взаимодействовать с представителями другого лингвокультурного общества [11].

Таким образом, на основании проведенного выше анализа можно увидеть, что среди отечественных и зарубежных исследователей отсутствует единообразие в выделении составных компонентов иноязычной коммуникативной компетенции. В каждой из проанализированных моделей в основном выделяются от трёх до пяти ключевых компонентов [15; 16].

В настоящее время в сфере обучения иностранному языку отсутствует единое определение термина «иноязычная коммуникативная компетенция». Чаще всего данный термин понимается отечественными и зарубежными исследователями как знание, которым должен овладеть обучающийся, а также умения, которым он должен научиться пользоваться в определённой ситуации общения. Рассмотренные в данном исследовании определения позволяют сделать вывод о содержании иноязычной коммуникативной компетенции:

- теоретическую составляющую рассматриваемого понятия формируют знания о специфике функционирования языковых единиц в речи, о видах речевой деятельности и о системе языка;
- практическую составляющую компетенции формируют речевые умения в продуктивных (письмо и говорение) и рецептивных (чтение и слушание) видах речевой деятельности.

Анализ разных моделей структуры иноязычной коммуникативной компетенции показал, что на современном этапе среди исследователей отсутствует единое мнение. В рамках проводимого исследования в качестве структурных компонентов иноязычной коммуникативной компетенции выделяются следующие компетенции: языковая,

социокультурная, дискурсивная, стратегическая и социальная компетенция. Таким образом, в рамках школьного образования развитие каждой из перечисленных компетенций не является самоцелью, а выступает промежуточным звеном на пути к овладению учащимися коммуникативной компетенцией от связи факторов.

Литература

1. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования (утверждён приказом Минобрнауки России от 17.05.2012 г. № 413) [Электронный ресурс] URL: <http://минобрнауки.рф/документы/2365> (дата обращения: 10.07.2020).
2. Бим И.Л. Компетентностный подход к образованию и обучению иностранным языкам // Компетенции в образовании: опыт проектирования: Сб. научных трудов. 2007. М.: ИНЭК, С.156-163.
3. Бовшик А.С. Проблема исправления ошибок в устной речи обучающихся в условиях реализации принципов теории свободного воспитания. // Материалы XIV международной научной конференции «Высшее образование для XXI века: Проблемы воспитания» (г. Москва, 14-16 декабря 2017 г.). Москва: ФГБОУ ВО МГУ, 2017. С. 519-522.
4. Вторникова Ю.С., Скворцова С.А. Модель коммуникативной компетенции // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Педагогика, психология. 2012. № 2. С. 277–279.
5. Гусевская Н.Ю. Эволюция методов обучения иностранному языку [Электронный ресурс] // Ученые записки ЗабГУ. 2013. № 6. С. 167–171. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-metodov-obucheniya-inostrannomu-yazyku> (дата обращения: 10.07.2020).
6. Вятютнев, М.Н. Коммуникативная направленность обучения русскому языку в зарубежных школах [Электронный ресурс] // Русский язык за рубежом. 1977. № 6. С. 38-45. URL: <http://journal.pushkin.institute/archive/archive/1977/77-06/Коммуникативная%20направленность%20обучения%20русскому%20языку%20в%20зарубежных%20школах.pdf> (дата обращения: 10.07.2020).
7. Гальскова Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам. 2000. М.: Аркти-Глосса, 165 с.
8. Гез Н. И. Формирование коммуникативной компетенции как объект зарубежных методических исследований // Иностранные языки в школе. 1985. № 2. С. 17– 24.
9. Дергачева И.В. Типология Синодиков в русской письменности XV-XVII веков // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. 1990. Москва, С. 246-270.
10. Зенкевич И.В., Михайлова А.Е. Учебный процесс в современном ВУЗе: массовая культура и критическое мышление [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2014. Том 1. № 3. URL: <https://psyjournals.ru/langpsy/2014/n3/72256.shtml> (дата обращения: 12.09.2020)
11. Зенкевич И.В. Сербская романтическая поэма первой половины XIX века [Электронный ресурс] // Проблемы филологии: язык и литература. 2010. № 2. С. 27-32 URL: https://psyjournals.ru/files/33072/philology_2010_2_Zenkevich.pdf (дата обращения: 12.09.2020)
12. Красильникова Е.В. Иноязычная коммуникативная компетенция в исследованиях отечественных и зарубежных ученых [Электронный ресурс] // Педагогический вестник. Сер.: Филология. 2009. № 1(58). С. 179–184 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inoyazychnaya-kommunikativnaya-kompetentsiya-v-issledovaniyah-otechestvennyh-i-zarubezhnyh-uchenyh> (дата

обращения: 12.09.2020)

13. Махмудова С.М. Закон экономии подлежащего в нарративном дискурсе [Электронный ресурс] // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2012. № 3. С.18-20. URL: <http://www.vestnik.dgu.ru/Stat/18-20.pdf> (дата обращения 02.09.2020).
14. Минакова С.С., Николаева А.А., Савченко И.А. Особенности коммуникативных навыков агрессивных детей [Электронный ресурс] // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. № 7. С. 395-401. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kommunikativnyh-navykov-agressivnyh-detey> (дата обращения 02.09.2020).
15. Пассов Е. И. Концепция коммуникативного иноязычного образования: теория и её реализация. 2007. СПб.: Златоуст, 199 с.
16. Сафонова В.В. Коммуникативная компетенция: современные подходы к многоуровневому описанию в методических целях. 2004. М.: Еврошкола, 236 с.
17. Щукин А.Н. Обучение иностранным языкам: теория и практика. Учебное пособие для преподавателей и студентов. 2004. М.: Филоматис, 416 с.
18. Canale M., Swaine M. Theoretical bases of communicative approaches to second language teaching and testing [Electronic resource] // Applied Linguistics. 1980. № 1. P. 47-54. URL: https://www.researchgate.net/profile/Merrill_Swain/publication/31260438_Theoretical_Bases_of_Communicative_Approaches_to_Second_Language_Teaching_and_Testing/links/0c960516b1dadad753000000/Theoretical-Bases-of-Communicative-Approaches-to-Second-Language-Teaching-and-Testing.pdf (дата обращения 02.09.2020).
19. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment [Electronic resource] // Council of Europe, 2011. URL: <https://www.coe.int/en/web/language-policy/home> (access date: 05.07.2020).
20. Hymes D. On Communicative Competence. 1972. New York: Penguin, P. 269-293.
21. Modern languages: learning, teaching, assessment: a common European framework of reference. 1996. Strasbourg, 260 p.
22. Trappes-Lomax H., McGrath I. Theory in language teacher education (British Council ELT review series). 1999. Longman: Pearson Education Limited, 204 p.

References

1. Federal'nyi gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart srednego (polnogo) obshchego obrazovaniya (utverzhden prikazom Minobrnauki Rossii ot 17.05.2012 g. № 413) [Elektronnyi resurs]. URL: <http://minobrnauki.rf/dokumenty/2365> (data obrashcheniya: 10.07.2020). (In Russ.).
2. Bim I.L. Kompetentnostnyi podkhod k obrazovaniyu i obucheniyu inostrannym yazykam. *Kompetentsii v obrazovanii: opyt proektirovaniya: Sb. nauchnykh trudov*, 2007. Moscow: INEK, pp. 156-163. (In Russ.).
3. Bovshik A.S. Problema ispravleniya oshibok v ustnoi rechi obuchayushchikhsya v usloviyakh realizatsii printsipov teorii svobodnogo vospitaniya. *Materialy XIV mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Vysshee obrazovanie dlya XXI veka: Problemy vospitaniya"* (g. Moskva, 14-16 dekabrya 2017 g.). Moskva: Publ. FGBOU VO MGU, 2017. pp. 519-522. (In Russ.).
4. Vtornikova Yu.S., Skvortsova S.A. Model' kommunikativnoi kompetentsii. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pedagogika, psikhologiya*, 2012, no. 2, pp. 277–279.
5. Gusevskaya N.Yu. Evolyutsiya metodov obucheniya inostrannomu yazyku [Evolution of Methods in Foreign Language Teaching]. *Uchenye zapiski ZabGU*, 2013, no. 6, pp. 167–171.

Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-metodov-obucheniya-inostrannomu-yazyku> (Accessed: 10.07.2020). (In Russ.).

6. Vyatyutnev M.N. Kommunikativnaya napravlennoost' obucheniya russkomu yazyku v zarubezhnykh shkolakh. *Russkii yazyk za rubezhom*, 1977, no. 6, pp. 38-45. Available at: [http://journal.pushkin.institute/archive/archive/1977/77-](http://journal.pushkin.institute/archive/archive/1977/77-06/Коммуникативная%20направленность%20обучения%20русскому%20языку%20в%20зарубежных%20школах.pdf)

06/Коммуникативная%20направленность%20обучения%20русскому%20языку%20в%20зарубежных%20школах.pdf (Accessed: 10.07.2020). (In Russ.).

7. Gal'skova N.D. *Sovremennaya metodika obucheniya inostrannym yazykam*. 2000. Moscow: Arkti-Glossa, 165 p. (In Russ.).

8. Gez N.I. Formirovanie kommunikativnoi kompetentsii kak ob"ekt zarubezhnykh metodicheskikh issledovaniy. *Inostrannye yazyki v shkole*, 1985, no. 2, pp. 17– 24. (In Russ.).

9. Dergacheva I.V. Tipologiya Sinodikov v russkoi pis'mennosti XV-XVII vekov. *Metodicheskie rekomendatsii po opisaniyu slavyano-russkikh rukopisnykh knig*, 1990. Moscow, pp. 246-270. (In Russ.).

10. Zenkevich I.V., Mikhailova A.E. Uchebnyi protsess v sovremennom VUZe: massovaya kul'tura i kriticheskoe myshlenie [The educational process in the modern University: mass culture and critical thinking]. *Yazyk i tekst. = Language and Text*, 2014. Vol. 1, no. 3, pp. 1-6. Available at: <https://psyjournals.ru/langpsy/2014/n3/72256.shtml> (Accessed: 12.09.2020) (In Russ.).

11. Zenkevich I.V. Serbskaya romanticheskaya poema pervoi poloviny XIX veka [Serbian Romantic Poem of the First Half of XIX Century]. *Yazyk i tekst. = Language and Text*, 2010, no. 2, pp. 27-32. Available at: https://psyjournals.ru/files/33072/philology_2010_2_Zenkevich.pdf (Accessed: 12.09.2020). (In Russ.).

12. Krasil'nikova E.V. Inoyazychnaya kommunikativnaya kompetentsiya v issledovaniyakh otechestvennykh i zarubezhnykh uchenykh [The Foreign Communicative Competence Of Researches Of Domestic And Foreign Scientists]. *Pedagogicheskii vestnik. Ser.: Filologiya*, 2009, no. 1(58), pp. 179–184. (In Russ.).

13. Makhmudova S.M. Zakon ekonomii podlezhashchego v narrativnom diskurse [The law of economy of the subject in narrative discourse]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki = Bulletin of the Dagestan State University. Series 2: Humanities*, 2012, no. 3, pp. 18-20. Available at: <http://www.vestnik.dgu.ru/Stat/18-20.pdf> (Accessed 02.09.2020). (In Russ.).

14. Minakova S.S., Nikolaeva A.A., Savchenko I.A. Osobennosti kommunikativnykh navykov aggressivnykh detei [The Feature Of Aggressive Children's Communication Skills]. *Byulleten' nauki i praktiki = Bulletin of Science and Practice*, 2019. Vol. 5, no. 7, pp. 395-401. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kommunikativnyh-navykov-agressivnyh-detey> (Accessed 02.09.2020). (In Russ.).

15. Passov, E. I. *Kontseptsiya kommunikativnogo inoyazychnogo obrazovaniya: teoriya i ee realizatsiya*. 2007. Saint-Petersburg: Zlatoust, 199 p. (In Russ.).

16. Safonova, V.V. *Kommunikativnaya kompetentsiya: sovremennye podkhody k mnogourovnevomu opisaniyu v metodicheskikh tselyakh*. 2004. Moscow: Evroshkola, 236 p. (In Russ.).

17. Shchukin, A.N. *Obuchenie inostrannym yazykam: teoriya i praktika. Uchebnoe posobie dlya prepodavatelei i studentov*. 2004. Moscow: Filomatis, 416 p. (In Russ.).

18. Canale, M. Swaine, M. Theoretical bases of communicative approaches to second language teaching and testing // *Applied Linguistics*. 1980. № 1. P. 47-54. Available at:

Шшигина Я.А.
Исследование содержания и структуры иноязычной
коммуникативной компетенции
Язык и текст. 2020. Том 7. № 3. С. 70–78.

Shishigina Y.A.
Research of The Content and Structure of Foreign
Language Communicative Competence
Language and Text. 2020. Vol. 7, no. 3, pp. 70–78.

https://www.researchgate.net/profile/Merrill_Swain/publication/31260438_Theoretical_Bases_of_Communicative_Approaches_to_Second_Language_Teaching_and_Testing/links/0c960516b1dadad753000000/Theoretical-Bases-of-Communicative-Approaches-to-Second-Language-Teaching-and-Testing.pdf (Accessed 02.09.2020).

19. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment [Electronic resource] // Council of Europe, 2011. Available at: <https://www.coe.int/en/web/language-policy/home> (Accessed e: 05.07.2019).

20. Hymes, D. On Communicative Competence. 1972. New York: Penguin, pp. 269-293.

21. Modern languages: learning, teaching, assessment: a common European framework of reference. 1996. Strasburg, 260 p.

22. Trappes-Lomax H., McGrath I. Theory in language teacher education (British Council ELT review series). 1999. Longman: Pearson Education Limited, 204 p.

Информация об авторах

Шшигина Яна Александровна, магистрант, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5732-6349>, e-mail: yanashishigin17@gmail.com

Information about the authors

Yana A. Shishigina, master student, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5732-6349>, e-mail: yanashishigin17@gmail.com

Получена 01.09.2020
Принята в печать 15.09.2020

Received 01.09.2020
Accepted 15.09.2020

К вопросу о маркировании рода в английском языке

Яровикова Ю.В.

кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной и русской филологии (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2097-8597>, e-mail: yarovikovayuv@mgppu.ru

Статья посвящена диахроническому изучению системы средств родоуказания в английском языке. Проанализирована эволюция дифференцирующих признаков грамматической категории рода. Выявлено, что основными родоуказующими признаками именных парадигматических моделей являлись принимаемые падежные окончания, элиминация которых впоследствии привела к утрате грамматической категории рода в английском языке. Рассмотрены лингвистические и экстралингвистические предпосылки эволюции личных местоимений третьего лица как главных маркеров родовой принадлежности в современном английском языке. Освещен гендерный аспект местоименной референции. Показано, как экстралингвистические факторы, связанные с попытками устранения андроцентризма в языке, повлияли на развитие значений и форм местоимений третьего лица, а также на переосмысление функционирования местоименной системы в целом.

Ключевые слова: история английского языка, диахрония, грамматическая категория рода, маркеры родовой принадлежности, родовая дифференциация, метагендерные местоимения.

Для цитаты: Яровикова Ю.В. К вопросу о маркировании рода в английском языке [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2020. Том 7. № 3. С. 79–88. DOI:10.17759/langt.2020070308

On Gender Marking in the English Language

Yulia V. Yarovikova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2097-8597>, e-mail: yarovikovayuv@mgppu.ru

The paper is concerned with a diachronic study of gender marking in the English language. The study aims to trace the evolution of markers differentiating the grammatical category of gender. It is revealed that the decay of gender in the English language resulted from that of case inflections which used to be the distinct gender markers of Old English noun and adjective paradigms. The paper also examines linguistic and extralinguistic causes of the development of third-person pronouns which are referred to as the main gender markers in Modern English. Gender aspect

of pronominal reference is viewed from a sociocultural perspective associated with attempts to eliminate sexism in language. In this regard, it is shown to what extent this tendency has influenced the meaning, forms and functioning of English pronouns.

Keywords: history of the English language, diachrony, the grammatical category of gender, gender markers, gender differences, epicene pronouns.

For citation: Yarovikova Y.V. On Gender Marking in the English Language. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2020. Vol. 7, no. 3, pp. 79–88. DOI:10.17759/langt.2020070308 (In Russ.).

Исследовательский интерес к проблеме идентификации родовых маркеров в английском языке представляется вполне закономерным, поскольку сложившаяся система родовых противопоставлений обусловлена не только лингвистическими, внутриязыковыми факторами, но и рядом экстралингвистических предпосылок, отражающих социокультурные изменения в структуре современного общества [11; 9; 4]. Все это определяет необходимость изучения данного вопроса в диахроническом срезе.

Цель настоящего исследования – диахронический обзор системы основных средств родоуказания в английском языке, среди которых преимущественно выделяют: лексические (родоуказующие основы), морфологические (аффиксы), грамматические (местоимения). В этой связи в работе ставятся следующие задачи, прямо вытекающие из поставленной цели: 1) проследить эволюцию дифференцирующих признаков грамматической категории рода, к которым относят падежные окончания существительных и согласующихся с ними прилагательных, а также различные аффиксы, маркирующие род; 2) рассмотреть лингвистические и экстралингвистические предпосылки эволюции личных местоимений третьего лица как главных маркеров родовой принадлежности в современном английском языке.

Крупные специалисты по истории английского языка (А.И. Смирницкий, В.Д. Аракин, Б.А. Ильиш, М.М. Гухман и др.) сходятся во мнении, что родовая классификация имен существительных тесно переплетается с древним членением их по основам. В плане родоотнесенности принято различать сильномаркированные, маркированные и немаркированные основы и типы парадигм. Сильномаркированные в родовом отношении основы характеризуются более или менее четко обособленной по родовому признаку парадигматической моделью, все звенья которой или большинство их четко выявляют род [2]. В качестве примера приведем древнеанглийское существительное *wifman*. Несмотря на то, что его исконным значением было «лицо женского пола», содержащийся в его основе компонент *-man* автоматически указывал на мужской род этого существительного.

Маркированные в родовом отношении основы характеризуются тем, что родовая отнесенность выражена у них лишь в некоторых, ведущих звеньях парадигмы. «Сильными падежами» с точки зрения выявления в словоформе рода имени существительного являются именительный и винительный падежи единственного и множественного чисел. «Слабыми падежами» с точки зрения наличия родовых признаков являются родительный и дательный падежи единственного и множественного чисел, где различия между мужским и средним родом не выражены [2]. Так, в представленной ниже таблице можно проследить, что родовое различие имен существительных в древнеанглийском языке напрямую зависит от сильного склонения их основ. Как видно из приведенных парадигм, наиболее очевидным дифференцирующим признаком родовой отнесенности служит принимаемое окончание

существительного во множественном числе, склоняемого по сильному типу.

Таблица 1

Родовое различие имен существительных в древнеанглийском языке

Тип склонения		Мужской род		Женский род		Средний род	
		Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
Им., Вн.	«сильные падежи»	dæz <i>день</i>	da z as <i>дни</i>	hnutu <i>орех</i>	hnyte <i>орехи</i>	scip <i>корабль</i>	scipu <i>корабли</i>
Рд.	«слабые падежи»	dæzes	da z a	hnute	hnuta	scipes	scipa
Дт.		dæze	da z um	hnyte	hnutum	scipe	scipum

Немаркированные в родовом отношении основы и типы парадигм являются наиболее архаичными. Они характеризуются принадлежностью существительных преимущественно мужского и женского родовых классов к одному типу склонения, что свидетельствует от том, что данные основы не различались в парадигме.

Несмотря на довольно четкую родовую дифференциацию, отличавшую именную парадигму древнеанглийского языка, в ней уже обнаруживается меньшая контрастность в оформлении ее родовых типов и относительно более слабая маркированность категории рода [2]. Связано это с ослаблением и утратой падежных различий. Возникновение в древний период английского языка омонимичных падежных окончаний приводит к появлению дальнейшей тенденции в языке, направленной на общее отпадение падежных окончаний. В начале среднего периода истории английского языка появляется еще большее число омонимичных окончаний, что, по существу, означает уже полный распад не только системы деления на основы, но и системы падежей [1]. Это можно видеть в следующей таблице.

Таблица 2

Омонимия падежей в среднеанглийской системе склонения имен существительных

Падеж	Мужской род		Женский род		Средний род	
	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
Им.	name	names	care	cares	ring	ringes
Рд.	names	names	cares	cares	ringes	ringes
Дт.	name	names	care	cares	ring	ringes
Вн.	name	names	care	cares	ring	ringes

Таким образом, разрушение системы морфологических признаков основ существительных сопровождается процессом унификации падежных окончаний, дифференцирующих род, что впоследствии приводит к отмиранию грамматической категории рода.

Падение родовой дифференциации коснулось и прилагательных, поскольку грамматическую категорию рода можно определить по окончаниям согласующихся с существительными атрибутивных слов. Современный английский язык уже совершенно утратил деление прилагательных на два склонения – сильное (неопределенное) и слабое (определенное). Однако в древнеанглийском языке это разграничение играет значительную роль в плане родоотнесенности. Так, например, в сильном склонении отчетливее всего родовая дифференциация выражена у прилагательных в винительном падеже единственного числа. В слабом склонении по роду разграничены только формы именительного и винительного падежей единственного числа [2; 8]. Проследим вышесказанное на примере парадигматических отношений прилагательного glad.

Таблица 3

Родовая дифференциация в системе древнеанглийских прилагательных

Склонение	Падеж	Мужской род	Женский род	Средний род
Сильное	Им.	zlaed <i>радостный</i> <i>(вообще)</i>	zlaedu	zlaed
	Рд.	zlaedes	zlaedre	zlaedes
	Дт.	zlaedum	zlaedre	zlaedum
	Вн.	zlaed <u>ne</u>	zlaed <u>e</u>	zlaed_
Слабое	Им.	zlaed <u>a</u> <i>радостный (именно</i> <i>этот)</i>	zlaed <u>e</u>	zlaed <u>e</u>
	Рд.	zlaedan	zlaedan	zlaedan
	Дт.	zlaedan	zlaedan	zlaedan
	Вн.	zlaed <u>an</u>	zlaed <u>an</u>	zlaed <u>e</u>

Развитие омонимии падежей и редукция окончаний приводят к значительной перестройке системы склонения имен прилагательных в английском языке. Во второй половине XIII века происходит отмирание всех падежных окончаний прилагательных, а уже в XV веке прилагательные утрачивают всякую способность согласовываться с существительными, превращаясь в неизменяемую часть речи, если не считать категории степеней сравнения [1]. Утрата формальных средств обозначения рода существительного его определителями подрывает возможность использовать род как классификационный признак [7].

Обобщая вышесказанное, сошлемся на Г. Пауля, в свое время указавшего на то, что «языковым средством, по которому мы теперь узнаем грамматический род существительного, является согласование с существительным определения и сказуемого, с одной стороны, и замещающего местоимения – с другой» [6]. Следующая часть статьи,

таким образом, посвящена диахронии местоимений, являющихся главным средством указания рода в современном английском языке.

Одной из особенностей системы местоимений древнего периода английского языка считают наличие особой группы указательных местоимений, имеющих категорию рода, числа и падежа. Речь идет о местоимениях мужского рода *se* и женского рода *seo*. С течением времени их функция как указательных местоимений постепенно переходит к определенному артиклю, одновременно изменяется и их форма. Одно из первых изменений – уничтожение супплетивности, существующей в формах именительного падежа единственного числа мужского и женского рода. Это получает свое выражение в замене корня с начальным *s-* (в формах *se* и *seo*) на *ʀ-*, что дает *ʀe* и *ʀeo*. Формы *ʀe* и *ʀeo* вследствие стяжения дифтонга *eo* в *e* в XII веке совпадают. В результате определенный артикль в период XII–XIV веков превращается в неизменяемое слово *the*, которое и существует в современном английском языке [1].

Вследствие разрушения системы склонения имен существительных и дальнейшей утраты падежных окончаний у согласуемых прилагательных, местоимений и артикля, родовые различия постепенно стираются, что приводит к полному отмиранию грамматической категории рода в английском языке. Как правило, это датируется второй половиной XIV века.

«Там, где грамматический род частично утрачен, как, например, в английском языке, – пишет Г. Пауль, – он дольше всего удерживается у местоимений» [6]. В этой связи остановимся подробнее на личных местоимениях третьего лица, рассмотрим лингвистические и экстралингвистические предпосылки их эволюции в английском языке.

В древнеанглийском языке личные местоимения третьего лица характеризуются наличием: форм мужского (*he*), женского (*heo*) и среднего (*hit*) рода в единственном числе; общей формы для мужского, женского и среднего рода во множественном числе, представленной несколькими фонетическими вариантами: *hie*, *hy*, *hi*. В течение среднеанглийского периода возникают новые формы личных местоимений: третьего лица женского рода единственного числа и третьего лица множественного числа. Это происходит вследствие совпадения или возникновения близкого сходства звуковой формы этих слов в результате изменений в фонетической системе

языка в XI–XII веках. Совпадение названных форм приводит к появлению неясности в процессе общения, что вызывает необходимость создания таких форм личных местоимений, которые бы ликвидировали образовавшиеся случаи неясности. Местоимение третьего лица женского рода *heo* упрощается к XII веку до формы *he* и тем самым совпадает с личным местоимением третьего лица мужского рода. Чтобы избежать путаницы в процессе общения, форму женского рода *he* заменяют формой указательного местоимения женского рода *seo*, которая изменяется в *sche* или *she*. Новая форма женского рода окончательно утверждается в языке в середине XIII века. В новоанглийский период происходят сравнительно небольшие изменения в системе местоимений. Местоимение среднего рода *hit* в XVI веке утрачивает начальное *h*, превращаясь таким образом в *it*. Во второй половине XVI века появляется производная от *it* форма притяжательного местоимения среднего рода *its*, которая в XVII веке утверждается окончательно и вытесняет форму *his* для среднего рода, бывшую в употреблении до этого времени [1; 18].

Как уже указывалось выше, развитие местоименной системы английского языка связано не только с естественными изменениями в области функционирования системы личных местоимений, но и с изменениями, отражающими определенные социальные и

культурные явления, характерные для современного англоамериканского общества, среди которых особую роль играет идеология политкорректности и языкового антисексизма. Определение степени «гендерной корректности» значений и форм местоимений третьего лица, в которых, по мнению радикальных феминистов, в наиболее явном виде выражены «языковое неравенство» и «андроцентризм» английского языка – одна из самых дискутируемых и до сих пор не нашедших однозначного решения социолингвистических проблем в англоязычных странах. В диссертационном исследовании Н.Н. Николаевой [5] показано, что метагендерное функционирование местоимения *he*, считающегося «андроцентричным», «сексистским» и «некорректным», отвечает биосоциокультурной целесообразности и является следствием эволюционирования языка вместе с развитием общества, в котором мужскому субъекту отводится значительная роль по формированию, организации, защите и развитию общества, поэтому указание с его помощью на любое лицо, активно действующее в социальных сферах, естественно. Развитие и закрепление за местоимением *they* метагендерного значения целесообразно и объясняется социокультурными требованиями современного англоамериканского общества. Его использование позволяет избежать актуализации признаков референта и связанных с ним политических, идеологических, ролевых, гендерных и других оценок. Местоименное словосочетание *he or she* употребляется в настоящее время для указания на неопределенное лицо без детерминации признака пола при гиперкорректности; на включенность мужского и женского пола в концептуализацию референта при необходимости создать эгалитарный дискурс, а также на парный гендерный референт, т.е. на группу лиц, состоящих из мужчин и женщин.

Подытоживая вышесказанное, отметим следующее. Старая система грамматических родов, существовавшая в древнеанглийском языке, совершенно разрушена в современном языке, где грамматический род является функцией от реального рода. К словам мужского рода относятся существительные, обозначающие существа мужского пола: *father, boy, bull*. К словам женского рода относятся существительные, обозначающие существа женского пола: *mother, girl, mare*. Слова, обозначающие неживые предметы, например, *house, river, sky*, и отвлеченные понятия, например, *beauty, peace, courage*, относятся к среднему роду [3; 12-20].

Завершая диахронический обзор системы основных средств родоуказания в английском языке, обратимся к морфологическим маркерам родовой принадлежности. Грамматическая категория рода может выражаться путем словосложения. Различие лиц мужского и женского пола может выявляться путем прибавления особых слов к имени существительному. Такими словами для существительных, обозначающих лиц мужского пола, являются *boy, male, man*, местоимение *he*, для существительных, обозначающих лиц женского пола, – *girl, maid, female, woman*, местоимение *she*. Например: *man-servant / maid-servant; boyfriend / girlfriend*. Для обозначения пола животных употребляются сложные существительные. Часто они состоят из местоимения *he* или *she* и названия животного, например: *he-goat, she-goat* [3; 12-20].

Некоторые существительные женского рода образуются при помощи суффиксов *-ess, -ette, -ine*. После нормандского завоевания английским языком заимствуются существительные *countess, hostess, lioness, mistress*, а начиная с XIV века этот суффикс присоединяется к основам исконных существительных, образуя ряд: *danceress, dwelleress, teacheress, etc.* В XV веке популярность «женского» суффикса настолько возрастает, что его начинают присоединять к существительным, в составе которых уже имеется суффикс аналогичной семантики: *operatress, interlocutress*. В XVIII веке суффиксу *-ess*

предсказывается скорое отмирание, а в учебных пособиях XIX века содержатся прямые рекомендации избегать оформления существительных при помощи данного форманта. Однако вопреки предсказаниям и рекомендациям суффикс *-ess* оказывается весьма жизнеспособным, что можно проиллюстрировать примерами как стандартного, так и сленгового употребления таких существительных, как: *adulteress, cateress, governess, murderess, playeress, writeress, etc.* В истории развития литературного английского языка, очевидно, прослеживаются циклы появления, исчезновения и «воскрешения» гендерных маркеров. Примером могут служить английские существительные, номинирующие особ женского пола в дипломатических кругах: *ambassadress, ambassadrice, ambassadrix, ambassatrice, ambassatrix*. Судьба рассматриваемого родового маркера в современном английском языке определяется также и географическим ареалом. Если в американском английском наивысшим показателем частотности обладает *actress*, то в британском варианте нормативное употребление допускает *hostess, waitress, governess, stewardess*, а также *authoress, manageress, proprietress*, что представляется сигналом возрождения этого маркера в английском языке на современном этапе его развития. В американском сленге обнаруживаются аналогичные тенденции: *crimestress, actress, bankeress, spyess, etc.*, а необходимость уточнения родовой принадлежности в контексте художественных произведений или в устном общении расширяет гендерный диапазон за счет параллельного сосуществования форм *woman doctor, she-doctor, doctress, doctorine*. Несмотря на высокую продуктивность суффикса

-ine в сфере имен самой разнообразной семантики (*actorine, knitterine, mottorine, sailorine, soldierine*), данный маркер лишь эпизодически возникает в устной разговорной речи.

Восприимчивость американского варианта английского языка к суффиксам, при помощи которых создаются лексические единицы для номинации профессий, постепенно привлекающих женский персонал, объясняется целым рядом социальных и психологических факторов (более высокий образовательный статус женщин в современном обществе, расширение профессионального диапазона для представительниц женского пола, возросшие амбиции в сфере бизнеса, карьеры и т.п.). Примеры такого рода имеются среди имен существительных с суффиксом *-ette*: *astronette, cosmonette, aviarette, farmarette, pickette, sorpette*. Подобные образования зарегистрированы и среди номинаций в сфере шоу-бизнеса: *usherette, screenette, glamorette*. Спортивный и военный сленг также предлагают варианты наименований, маркированных суффиксом *-ette*, которые соотносятся с участием женщин в самых разнообразных видах спортивной и военной деятельности: *tankerette, champette, kaydette* [10].

В качестве заключения отметим следующее. В древнеанглийском и первой половине среднеанглийского периода, когда грамматическая категория рода еще окончательно не утрачена в языке, наиболее явно родовая дифференциация господствует в именных парадигмах. У имен существительных это выражается в преобладании маркированных и сильномаркированных в родовом отношении основ, у прилагательных родовое различие проявляется в наличии форм сильного и слабого склонения. Основными дифференцирующими, т.е. родоуказующими признаками именных парадигматических моделей, являются принимаемые падежные окончания, в результате элиминации которых грамматическая категория рода более не различается в языке. Главными маркерами родовой принадлежности становятся личные местоимения третьего лица, различающиеся по формам мужского, женского и среднего рода в единственном числе. Однако под влиянием

лингвистических и экстралингвистических факторов местоименная система английского языка также претерпевает значительные изменения. В частности, вектор, заданный движениями феминизма и политкорректности, приводит к переосмыслению функционирования «сексистских» местоимений, «выравнивание» которых направлено на борьбу с «языковым неравенством». Таким образом, в современном английском языке грамматический род является функцией от реального рода, а основными средствами родоуказания являются грамматические (местоимения) и морфологические (аффиксы).

Литература

1. Аракин В.Д. История английского языка: учеб. пособие. 2-е изд. 2003. М.: ФИЗМАТЛИТ, 272 с.
2. Гухман М.М. Историко-типологическая морфология германских языков. 1977. М.: Наука, 359 с.
3. Ильиш Б.А. Современный английский язык: теоретический курс. 2-е изд., испр. и доп. 1948. М.: Изд-во на иностр. яз., 348 с.
4. Киянова К.А. Особенности мужской и женской публичной речи на материале речей Г. Коля, Г. Шредера и А. Меркель [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2016. Том 3. № 2. С. 76–85. DOI:10.17759/langt.2016030208 (дата обращения: 11.07.2020).
5. Николаева Н.Н. Гендерный аспект местоименной референции: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 24 с.
6. Пауль Г. Принципы истории языка. 1960. М.: Издательство иностранной литературы, 501 с.
7. Расторгуева Т.А. Очерки по исторической грамматике английского языка. 1989. М.: Высш. шк., 160 с.
8. Смирницкий А.И. Хрестоматия по истории английского языка с VII по XVII в. с грамматическими таблицами и историческим и этимологическим словарем. 1953. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 288 с.
9. Смолянко Ю.В. Гендерная специфика выразительной репрезентации эмоции гнева в англоязычной художественной прозе XIX–XX вв. [Электронный ресурс] // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. № 4. С. 183–188. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-spetsifika-vyrazitelnoy-reprezentatsii-emotsii-gneva-v-angloyazychnoy-hudozhestvennoy-proze-xix-xx-vv-1> (дата обращения: 11.07.2020).
10. Харьковская А.А. Когнитивные аспекты эволюции гендерных маркеров в английском языке [Электронный ресурс] // Вестник Самарского государственного университета. 1999. № 1. С. 139–143. URL: <http://vestniksamgu.ssau.ru/gum/1999web1/yaz/199911203.html> (дата обращения: 11.07.2020).
11. Яровикова Ю.В. Лексема “anger” в герменевтическом освещении [Электронный ресурс] // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2014. № 2. С. 188–192. URL: http://www.islu.ru/files/2014/227_2014_0.pdf (дата обращения: 11.07.2020)
12. Finnegan E.G. New Webster’s Dictionary of the English Language. 1989. D.: Surjeet Publications, 1824 p.
13. Foreman J.B. Collins National Dictionary. 1969. L.: William Collins Sons & Co. Ltd., 542 p.
14. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English. 2000. O.: Oxford University Press, 1539 p.
15. Neufeldt V., Sparks A.N. Webster’s New World Dictionary. 1982. N.Y.: Simon & Schuster,

1692 p.

16. Procter P. Cambridge International Dictionary of English. 1995. C.: Cambridge University Press, 773 p.
17. The American Heritage Dictionary. 1985. B.: Houghton Mifflin Company, 671p.
18. The New Merriam–Webster Dictionary. 1989. M.: Merriam–Webster INC., Publishers Springfield, 989 p.
19. The Oxford Dictionary of English Etymology. 1985. O.: Oxford Univ. Press, 1024 p.
20. The Standard Dictionary of the English Language. 1963. N.Y.: Funk & Wagnalls Company, 2816 p

References

1. Arakin V.D. Istoriya anglijskogo yazyka: ucheb. posobie. 2-e izd. [History of the English language]. 2003. Moscow: FIZMATLIT, 272 p. (In Russ.).
2. Guhman M.M. Istoriko-tipologicheskaya morfologiya germanskih yazykov [Historical-typological morphology of the Germanic languages]. 1977. Moscow: Nauka, 359 p. (In Russ.).
3. Il'ish B.A. Sovremennyy anglijskij yazyk: teoreticheskij kurs. 2-e izd., ispr. i dop. [Modern English: a theoretical course]. 1948. Moscow: Publ. lit. na inostr. yaz., 348 p. (In Russ.).
4. Kiyanova K.A. Osobennosti muzhskoj i zhenskoj publichnoj rechi na materiale rechej G. Kolya, G. Shredera i A. Merkel' [Features of male and female public speeches: a study of Helmut Kohl, Gerhard Schroeder and Angela Merkel's public speeches]. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2016. Vol. 3, no. 2, pp. 76–85. Available at: <https://psyjournals.ru/langpsy/2016/n2/Kiyanova.shtml> (Accessed: 11.07.2020). (In Russ.).
5. Nikolaeva N.N. Gendernyj aspekt mestoimennoj referencii. Avtoref. dis. kand. filol. nauk. [Gender aspect of pronominal reference. Ph. D. (Philology) Thesis]. Moscow, 2008. 24 p. (In Russ.).
6. Paul' G. Principy istorii yazyka [Principles of the history of language]. 1960. Moscow: Publ. inostrannoj literatury, 501 p. (In Russ.).
7. Rastorgueva T.A. Ocherki po istoricheskoj grammatike anglijskogo yazyka [Historical grammar of the English language]. 1989. Moscow: Vyssh. shk., 160 p. (In Russ.).
8. Smirnickij A.I. Hrestomatiya po istorii anglijskogo yazyka s VII po XVII v. s grammaticheskimi tablicami i istoricheskim i etimologicheskim slovarom [Specimens of English from the 7th to the 17th century with a summary of Old and Middle English inflections and a historical and etymological glossary]. 1953. Moscow: Publ. lit. na inostr. yaz., 288 p. (In Russ.).
9. Smolyanko Yu.V. Gendernaya specifika vyrazitel'noj reprezentacii emocii gneva v angloyazychnoj hudozhestvennoj proze XIX–XX vv. [Gender differences in lexical representation of anger in the English fiction of the XIX–XXth centuries]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta = The Bulletin of Irkutsk State Linguistic University*, 2011, vol. 4, pp. 183–188. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-spetsifika-vyrazitel'noy-reprezentatsii-emotsii-gneva-v-angloyazychnoy-hudozhestvennoj-proze-xix-xx-vv-1> (Accessed: 11.07.2020) (In Russ.).
10. Har'kovskaya A.A. Kognitivnye aspekty evolyucii gendernyh markerov v anglijskom yazyke [Cognitive aspects of the development of gender markers in English]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta = The Bulletin of Samara State University*, 1999, no.1, pp. 139–143. Available at: <http://vestniksamgu.ssau.ru/gum/1999web1/yaz/199911203.html> (Accessed: 11.07.2020). (In Russ.).
11. Yarovikova Yu.V. Leksema “anger” v germenevticheskom osveshchenii [Lexeme “anger”

in a hermeneutical perspective]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta = The Bulletin of Irkutsk State Linguistic University*, 2014, vol. 2, pp. 188–192. Available at: http://www.islu.ru/files/2014/227_2014_0.pdf (Accessed: 11.07.2020) (In Russ.).

12. Finnegan E.G. *New Webster's Dictionary of the English Language*. 1989. Dehli: Surjeet Publications, 1824 p.

13. Foreman J.B. *Collins National Dictionary*. 1969. Linden: William Collins Sons & Co. Ltd., 542 p.

14. Hornby A.S. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. 2000. Oxford: Oxford University Press, 1539 p.

15. Neufeldt V., Sparks A.N. *Webster's New World Dictionary*. 1982. New York: Simon & Schuster, 1692 p.

16. Procter P. *Cambridge International Dictionary of English*. 1995. Cambridge: Cambridge University Press, 773 p.

17. *The American Heritage Dictionary*. 1985. Boston: Houghton Mifflin Company, 671p.

18. *The New Merriam–Webster Dictionary*. 1989. Massachusetts: Merriam–Webster INC., Publishers Springfield, 989 p.

19. *The Oxford Dictionary of English Etymology*. 1985. Oxford: Oxford Univ. Press, 1024 p.

20. *The Standard Dictionary of the English Language*. New York: Funk & Wagnalls Company, 2816 p.

Информация об авторах

Яровикова Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной и русской филологии, (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2097-8597>, e-mail: yarovikovayuv@mgppu.ru

Information about the authors

Yarovikova V. Yulia, PhD in Philology, Associate professor of the department of foreign and Russian philology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2097-8597>, e-mail: yarovikovayuv@mgppu.ru

Получена 01.09.2020

Принята в печать 15.09.2020

Received 01.09.2020

Accepted 15.09.2020

Письменные источники из древнеалбано-грузинских коммуникаций (Сагдухт - принцесса Рани и царица Картли)

Челидзе В.

Научно-исследовательский отдел Центра грузинского искусства в Израиле, Израиль,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9485-3279>, e-mail: vladimer1958@yahoo.com

Национально-культурным и религиозным исчезновением христианским странам Кавказа (Албании, Иберии, Армении) с V века грозила Персия. «Картлис Цховреба» (История Грузии) подробно повествует об этих острых и драматических исторических событиях. Исторические сочинения более позднего периода показывают одну особенность этого региона. Упоминания Рани (Аран) как Персии («Мириан... призвал из Персии своего родственника, потомка царей, по имени Пероз») и жителей этой страны как персов («В Ран, где бы ни сражались персы») не следует понимать в прямом смысле. В грузинских исторических произведениях под терминами «Персия» и «перс» кроме Персии и персов подразумевались также страны и народы Ближнего и Среднего Востока – арабы, тюрки и другие: «Вышел Султан Арфасаран, царь П е р с и и» (Леонтий Мровели, Жизнь царей); «П е р с и д с к и е с у л т а н ы, далекие и близкие» («Летопись времен Лаша Гиорги», жизнь царя Гиорги); «Внутри замка вошли грузины, и произошло сильное сражение, и п е р с ы Б а г д а д а потерпели поражение» (Хроника века). Такая ситуация обусловлена тем, что вся территория к востоку от Кавказа веками принадлежала и управлялась Персидской империей эпох Ахеменидов, Аршакидов и Сасанидов (много позднее появились на исторической арене Арабский Халифат и затем Турецкий Султанат). В грузинских исторических текстах, в частности в летописи «Жизнь царей» Леонтия Мровели, об этом дано логическое географическое описание – «Персы с востока от солнца». По грузинским историческим данным, к этим народам в том числе принадлежат и албанцы, жившие к востоку от грузин. Из исторических событий особенно выделяются обширный эпизод романтической любви в жизни албанской принцессы, дочери правителя Рани (Арана) Барзабода и тщательное историческое повествование о драматической государственной деятельности царицы Картли (Иберия), матери великого грузинского царя Вахтанга Горгасала – С а г д у х т.

Ключевые слова: Сагдухт, Вахтанг Горгасал, Рани (Аран), Картли (Иберия), Персия и персы.

Челидзе В.
Письменные источники из древнеалбано-грузинских коммуникаций (Сагдухт - принцесса Рани и царица Картли)
Язык и текст. 2020. Том 7. № 3. С. 89–99.

Chelidze V.
Written Sources from Ancient Albanian-Georgian Communications (Sagdukht - Princess Rani and Queen of Kartli)
Language and Text. 2020. Vol. 7, no. 3, pp. 89–99.

Для цитаты: *Челидзе В.* Письменные источники из древнеалбано-грузинских коммуникаций (Сагдухт - принцесса Рани и царица Картли) [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2020. Том 7. № 3. С. 89–99. DOI:10.17759/langt.2020070309

Written Sources from Ancient Albanian-Georgian Communications (Sagdukht - Princess Rani and Queen of Kartli)

Vladimir Chelidze

Research Department of the Center for Georgian Art in Israel, Israel,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9485-3279>, e-mail: vladimer1958@yahoo.com

National-cultural and religious disappearance of the Christian countries of the Caucasus (Albania, Iberia, Armenia) from the V century was threatened by Persia. "Kartlis Tskhovreba" (History of Georgia) tells in detail about these acute and dramatic historical events. Historical writings from a later period show one feature of this region. The references to Rani (Aran) as Persia ("Mirian... called from Persia his relative, a descendant of kings, named Peroz") and the inhabitants of this country as Persians ("in Ran, wherever the Persians fought") should not be taken literally. In Georgian historical works, the terms "Persia" and "Persian" in addition to Persia and Persians also meant countries and peoples of the Near and Middle East-Arabs, Turks, and others: "Sultan Arfasaran came out, king of P e R s I I" (Leonti Mroveli, Life of kings); "P e R s I d s K I e s u l t a n s, far and near" ("Chronicle of the times of Iash Giorgi", life of king Giorgi); "the Georgians entered the castle, and there was a strong battle, and p e R s s B a g d a d a were defeated" (Chronicle of the century). This situation is due to the fact that the entire territory to the East of the Caucasus for centuries belonged to and was ruled by the Persian Empire of the Achaemenid, Arshakid and Sasanian eras (much later the Arab Caliphate and then the Turkish Sultanate appeared on the historical scene). In Georgian historical texts, in particular in the chronicle "Life of the kings" by Leonti Mroveli, a logical geographical description is given about this – "Persians from the East of the sun". According to Georgian historical data, these peoples also include Albanians who lived to the East of the Georgians. One of the most notable historical events is an extensive episode of romantic love in the life of an Albanian Princess, the daughter of the ruler of Rani (Aran) Barzaboda and a thorough historical account of the dramatic state activities of the Queen of Kartli (Iberia), mother of the great Georgian king Vakhtang Gorgasal-S a g d u x t.

Keywords: Caguht, Vakhtang Gorgasali, Rani (Aran), Kartli (Iberia), Persia and the Persians.

Челидзе В.
Письменные источники из древнеалбанско-грузинских коммуникаций (Сагдукхт - принцесса Рани и царица Картли)
Язык и текст. 2020. Том 7. № 3. С. 89–99.

Chelidze V.
Written Sources from Ancient Albanian-Georgian Communications (Sagdukht - Princess Rani and Queen of Kartli)
Language and Text. 2020. Vol. 7, no. 3, pp. 89–99.

For citation: Chelidze V. Written Sources from Ancient Albanian-Georgian Communications (Sagdukht - Princess Rani and Queen of Kartli). *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2020. Vol. 7, no. 3, pp. 89–99. DOI:10.17759/langt.2020070309 (In Russ.).

Введение

История древнеалбанско-грузинских отношений и дипломатических контактов этих стран восходит к поздней античности. В «Картлис Цховреба» (История Грузии) историк XI века приводит довольно обширные героические истории об этих событиях в эпическом стиле (Цулая 1986, 15-56). Несмотря на некоторые литературные видоизменения, в результате подробных историко-источниковедческих и также филолого-текстологических исследований в них появляются ранние письменные источники (Челидзе 2016-II, 220-245). На основе детального анализа грузинских исторических сочинений выявлены «правильные исходные данные» (Чхартишвили 2018, 20) первоисточников.

Историко-литературный анализ

Матери первых грузинских царей Арсока (Азо[гk]) и Парнаваза (Фарсман Аваз), которые были сестрами и принцессами Рани (Арана), сыграли определенную роль в объединении Самцхе и Эгрис-Сванети для создания общегрузинского государства – Картли (Челидзе 2015-2016, 160-171; Челидзе 2016-I; 270-275), которая в иноязычных исторических источниках называется – Иберия (Челидзе 2017/2018, 266-275).

Несомненно, интересным является повествование о династическом браке дочери царя Мириана и эретского эристава Пероза (Цулая 1979, 93), что как успешное дипломатическое действие является одной из исторических заслуг первого христианского царя Грузии. Эрети тогда была частью Албании и не входила в Картлийское царство, созданное Парнавазом (Мухелишвили и др. 2010-I, 32-45). Но эретский эристав упоминался уже среди знати Вахтанга Горгасала (Мухелишвили и др. 2010-II, 36-41). Присоединение этой части страны было обусловлено упомянутым династическим контактом:

«Мириан... призвал из Персии своего родственника, потомка царей, по имени Пероз. ... Дал Мириан Перозу в жены свою дочь, а также земли от Хунани до Барды, по обеим сторонам Куры, назначив его эриставом» (Метревели 2008, 42).

В первой половине V века правящие круги христианской Албании были маздеанами (Туманов 1963, 186), как это точно также представлено в «Картлис Цховреба». Картли пытался избежать этой ситуации (Рапп 2003, 208). Со второй половины того же века в лучшую сторону изменится государственное и религиозное состояние албанского царства (Мамедова 2005, 244-356).

Династический брак родителей Вахтанга полностью отличается от других подобных договорных отношений, в основном обусловленных государственными интересами. А союз грузино-албанской царской пары был не только дипломатическим приемом, но основан на эмоциональной и впечатляющей романтической любви. Государственные стремления была лишь дипломатическая уловка, используемая только ради любви. Соответственно, Мирдату удалось сделать албанской принцессе предложение на свадьбу:

«В ту пору эриставом в Ране был Борзабод. ... Была у ... Борзабода дочь, благолепная и прекрасноликая, по имени Сагдукхт. Молва о красоте ее разожгла в сыне Арчила Мирдате страсть. Заявил он отцу: «Взываю к величию твоему, жени меня на дочери Борзабода Сагдукхт и установи меж нами мир, ибо хотя поспешением Христа мы и одолеваем их, но

невмочь нам овладеть крепостями и городами Рана. Ежели царь персов обретет время, то приступит он к отмщению нам и станет разорять наши церкви и все пределы страны нашей. Пусть отныне наступит конец вражде меж нами, и тогда царь персидский уважит наши требования. Тем самым мы надежно укрепим рубежи Картли и не вкрадутся в сердца картлийцев сомнения и хула на веру Христову от произвола персов». Все это высказал Мирдат из любви к деве. И Арчил исполнил желание его. Отправил посланника к Борзабоду с просьбой выдать дочь его в супруги своему сыну. Борзабод же возликовал в великой радости, ибо край его был разорен, а сам он стеснен: просил клятвенного обещания мира. И поклялись ему. И выдал он дочь свою с большим приданым. Привели ее во Мцхета и справили свадьбу, и в течение многих дней веселились и ликовали весьма. И поднес царь сыну своему Самшвилде со всем его эриставством и в нем поселились Мирдат и Сагдухт. А сия царица Сагдухт проявила желание познать веру Христову. И потому супруг ее собрал мужей, наученных в вере, и стали переводить ей благовествование господина нашего Иисуса Христа. И показали ей, что истинный бог – это Христос, принесший в жертву себя во спасение наше. Когда Сагдухт вразумилась и познала веру истинную, оставила огнеслужение и крестилась и обратилась. Она же воздвигла Самшвилдский Сион» (Метревели 2008, 76).

Этот эпизод «можно использовать как источник», а описанный династический брак «следует рассматривать как дипломатическое достижение этого периода» (Чхартишвили 2018, 208-209).

В исторической части «Обращения Картли» название «правитель Рани» представлено только один раз, но здесь он упоминается не как Эристав, а назван иранским термином – Питиахш, основное значение которого «второй правитель» (Хинц 1969, 149-153) после царя (Питиахш - правитель этого ранга встречается в странах Востока и Кавказа в первом тысячелетии нашей эры):

«И затем царствовал Мирдат, и архиепископом был Глонокор. И этот архиепископ питиахшем Барзабодом и эриставом был поставлен в Картли и Эрети» (Чхартишвили 1989, 23).

А Сагдухт упоминает как Сахакдухт армянский историк XIII века Вардан Аревелци.

Созданная с особой любовью грузино-албанская царская семья при взаимном согласии и обоюдной поддержке друг друга продолжала свою деятельность:

«А сей царь Арчил дни своей жизни завершил в вере в святую троицу, создал церкви и приумножил по всей Картли священников, диаконов и церковнослужителей, и помер. И вместо него царем воссел сын его Мирдат. И подобно отцу своему царствовал он в великой вере. Народила царица Сагдухт ему дочь и дали ей имя Хуарандзе. И снова царь Мирдат и царица Сагдухт молили господина о ниспослании им сына. И спустя четыре года Сагдухт родила сына и нарекла его персидским именем Варан-Хосро-Танг, а по-грузински именовался (он) Вахтанг. Рождение младенца Вахтанга преисполнило радости родителей его, и разослали благовестников ко всем эристам. И извлекли сокровища превеликие, золото и серебро, и поделили его между бедными и нищими, и вознесли благодарение богу в многодневных молитвах и ночных бдениях. Затем царь созвал в город всех знатных и многие дни справлял пиршество и веселие, и все молили господина о здравии младенца Вахтанга. Спаспет Саурмаг с великой мольбой выпросил Вахтанга на воспитание. И царь поручил спаспету Саурмагу воспитание Вахтанга и отдал ему своего сына. Ибо был обычай, по которому дети царские росли в домах вельмож. На шестой год после этого Сагдухт родила

еще дочь и нарекла ее именем Мирандухт. И выпросил ее на воспитание спасалар из Каспи, и царь отдал ее ему; тот увез ее в город Каспи, где она и выросла. На второй год после этого скончался царь Мирдат; и остался Вахтанг отроком семи лет» (Метревели 2008, 76-77).

После этого ситуация меняется и события намного быстрее развиваются (Гойладзе 1991, 23-31). Летописец передает исторические факты напряженной ситуации в стиле античной драмы, очень захватывающе описывая трагическое внутреннее настроение Сагдухта. Как албанская принцесса, она ответственна перед своим отцом – Питиахшом Рани, но она царица Картли и мать принца – будущего царя. Поэтому поступает совершенно иначе - действует с полной уверенностью и делает почти невероятный шаг, чтобы спасти страну своего сына и своих подданных от персидского завоевания:

«И вот царица Сагдухт, растревожила воображение свое мыслями об отце своем, вдруг возомнила следующее: «А что, ежели отец начнет мстить за зло, содеянное ему моим свекром и мужем, да к тому же станет мстить и мне за вероотступничество и погубит сына моего, разорит Картли и истребит веру Христову». Представя все это, она впала в великую печаль. Моля бога, она порешила предстать пред отцом и взывать к нему о пощаде. Созвала всех эриставов к спасету и со слезами поручила им своего сына. Затем отправилась к отцу в Бардав. Представ пред ним, она обнажила главу, пала на колени и, обнажив груди и коснувшись его стоп и орошая слезами ноги его, молила о пощаде. Молила не понуждать ее отречься от веры Христовой, ибо Он есть бог истинный. Молила оставить сына в вотчине его и признать его под покровительством персидского царя» (Метревели 2008, 77).

Отец, проявив дипломатическую сдержанность, внешне спокойно встретил совершенно неожиданную просьбу дочери и согласился на довольно непростое решение. Но он взамен, как высокопоставленный представитель царя Персии, сделал ответное предложение, от которого Сагдухт не могла отказаться - у нее не было другого выбора:

«Тогда Борзабод, уже готовый совершить зло грузинам, смилостивился над дочерью своей: не понудил ее оставить веру и уважил все просьбы. Однако о вере сказал так: «Мы силой не принудим грузин отречься от веры Христовой, но придем в ваш город огнеслужителей и пусть будут там и епископы веры нашей. Да вы не запрещайте избирать веру нашу тем из грузин, кто к этому проявит добрую волю». Тогда Сагдухт из великого страха пред отцом покорилась ему, заклиная божьей милостью, и вернулась в Картли. Борзабод тут же отправил в Мцхета огнеслужителей во главе с епископом Бинкараном, и осели они в Могвта» (Метревели 2008, 77).

Государственные действия царицы Картли были главной гарантией мира и спокойствия в Картли до правления Вахтанга («В пору, когда Вахтангу исполнилось пятнадцать лет»), тем более на фоне интенсивной религиозной экспансии внутри страны:

«Царица Сагдухт правила своим царством силой и пособничеством своего отца. И помер Борзабод, отец Сагдухт, а преемником его персидский царь сделал сына его Вараз-Бакура, брата царицы Сагдухт. ... А Бинкаран, епископ огнепоклонников, проповедовал среди грузин веру свою. Но никто из знатных ему не поддался; обратили в огнепоклонство лишь множество мелкого люда. И вкралось в мелкий люд Картли огнепоклонство. Царица Сагдухт была удручена этим, но от засилия персов не смела дерзать. Призвала она из Греции священника праведного по имени Микаэл и посадила его епископом в Верхней церкви, потому как преставился епископ Мобидан. И сей епископ Микаэл выступил против совратителя Бинкарана и научал вере истинной всякого картлийца. Он вернул к вере всех

знатных и большинство народа, но малая часть простого люда осталась в огнепоклонстве» (Метревели 2008, 77-78).

Эти события («Никто из знатных ему не поддался; обратили в огнепоклонство лишь множество мелкого люда») предшествуют тому, что в последующие годы Васкен Питяхш, один из знатных Картли, обратился в огнепоклонство. Поскольку такой случай летописцу неизвестен, его заявление прямо указывает на то, что описанные в историческом тексте события отражают реальную ситуацию этой эпохи.

Прежде всего, исторические события следует представлять в хронологическом порядке. «Картлис Цховреба» (История Грузии) указывает, что после правления Мириана, в соответствии с обращением страны в христианство, генеалогический порядок и хронологические факторы царей Картли были определены в соответствии с новым историческим контекстом:

«От царя Мириана до царя Вахтанга прошло восемь колен и десять царей, а лет – сто пятьдесят семь» (Метревели 2008, 83).

По данному указателю дат («Сто пятьдесят семь») определены хронологические данные.

В описании битвы царя Вахтанга в Абхазии назван византийский император:

«Начал завоевывать он крепости Абхазии, ибо царь греков – великий Леон в ту пору был занят в войне с персами» (Метревели 2008, 82).

В эпизоде его возвращения в Мцхету представлен персидский шах:

«Отправил ему послание, вначале которого было начертано следующее: «Вахтангу, Варан-Хосро-тангу – великому царю десяти царей, от Урмизда – царя всех царей» (Метревели 2008, 83).

Скорее всего, Леон Великий – Лев I (457-474) и Урмизд - Хормизд III (457-459), которые, как известно, правили с 457 года. Мириан, согласно соотношению 157 лет к указанной дате (457 - 157), правил с 300 года, что позволяет установить и другие хронологические данные - даты рождения и периоды правления царя Вахтанга (Челидзе 2018, 569-611), а также государственную деятельность других членов царской семьи, в частности, царицы Сагдукхт.

Согласно «Картлис Цховреба» (История Грузии), Вахтангу было двадцать два года, когда он последовал за Урмисдом (Хормизд III) в Греции (Византии), чтобы сражаться против Леона Великого (Леон I). После войны Урмисд (Хормизд III) вернулся в свое царство (Метревели 2008, 83-91). В результате династических противостояний в Персии в 459 году его брат Пероз становится царем.

Об этих царях краткие, но весьма ценные сведения представлены в одном из сирийских сочинений, а именно в хронографии Григория Бар Гебрауса (Bedrosyan 2009, 72):

«After MARCIANUS, LEO ... was chosen by the Council and reigned. That year FIRUZ reigned over the PERSIANS after WARHARAN, the son of YAZDAGARD. And he made war with the RHOMAYE and persecuted the Christians» («После МАРКИАНА ЛЕВ ... был избран Советом и правил. В тот год ФИРУЗ правил ПЕРСИДАМИ после ВАРХАРАНА, сына ЯЗДАГАРДА. И он воевал с ромаями и преследовал христиан»).

Лев (Флавий Валерий Лев) - восточно-римский император Леон I, правивший после императора Маркиана. Фируз - Пероз, сын Яздигарда (Яздагарда) и внук Бахрама V (Вархарана). Но известно, что в 457 году не Пероз, а его брат Хормизд III взойшел на престол, как и Леон.

Авторы грузинских письменных памятников знают царя Пероза, но его собственное имя

не упоминается. Пероз, как и другие цари Персии, представлен под прозвищем «Хуасро» в «Картлис Цховреба», характерным для этого сборника грузинских исторических сочинений. В упомянутом выше эпизоде (конкретно, перед началом войны с Византией) того же произведения о Вахтанге Горгасали («И писал он о нужде в помощи в войне против кесаря»), царь Персии в единственном случае назван собственным именем Урмизд (Хормизд) - «от Урмизда – царя всех царей».

Подобно грузинским историческим данным, сирийский источник подтверждает, что персидский царь вел войну с римлянами во время правления Леона I. Как известно, в грузинских и других исторических сочинениях «Ром» часто относился к Греции (Византии), а римляне - к грекам (византийцам).

Хронография Бар-Гebraуса указывает на то, что этот царь Персии преследовал христиан. Грузинский историк также акцентирует внимание на этом же событии, которое подробно и драматично представлено в «Житии Вахтанга Горгасали». Из-за этого преследования, которое царь Картли решительно осудил и запретил, между персами и царем Вахтангом произошло словесное противостояние.

Сирийские и грузинские независимые нарративы, что неизвестно из других источников, неразрывно связаны друг с другом. Это доказывает, что война между Леоном и Хормиздом в 459 году реальное историческое событие (Но текст сирийской хронографии содержит лаконичное повествование, а грузинские исторические данные достаточно обширны и конкретнее).

Если исходить из данных о войне с византийцами, дата рождения Вахтанга (459 - 22) 437 год, а год его коронации - 452 год, так как он всходит на престол в возрасте 15 лет. Таким образом, старшая сестра царя Картли Хуарандзе родилась в 433 году, а в 432 году была создана царская семья их родителей (Мирдата и Сагдухт) и состоялась грандиозная грузино-албанская свадьба.

Таким образом, в 444-452 годах царица Сагдухт управляла всей страной как регент принца. А после того, как ее сын взшел на престол, из-за кулис царского дома мать-царица оказывала большую государственную поддержку молодому царю. Некоторые факты о том периоде приводятся в исторических описаниях «жизни Вахтанга Горгасали», а отдельные реалии и факты подразумеваются в подтекстах повествования.

В 453 году Вахтанг отправился воевать на Северный Кавказ, в военный поход, в котором активное участие принимал его дядя, брат его матери - Вараз-Бакур:

«Постановили поход в Осетию и разошлись по своим домам для сборов. А царь Вахтанг отправил гонца к своему дяде Вараз-Бакуру – эриставу Рана – с тем, чтобы сообщить ему о походе в Осетию и просить помощи. Тот же радостно откликнулся» (Метревели 2008, 79).

Царь Картли доверил свое царство матери-царице вместе со старшей сестрой и передал им власть:

«Оставил управительницами в царстве своем мать Сагдухт и сестру Хварандзе и начертал им следующее завещание: «Ежели не вернусь живым, пусть на сестре моей Хварандзе женится Мириан из рода Рева, сын Мириана, бывшего зятем армянского царя Трдата, который приходится Вахтангу двоюродным братом по отцу. И пусть он станет царем». И начертав это, вручил матери своей, не поведав о том никому, а Мириана – двоюродного брата – оставил во Мцхета» (Метревели 2008, 80).

Объединенные албанско-грузинские и северокавказские воинские части добились успеха

и разгромили врага (Рейфилд 2017, 56-65).

Вахтанг вместе с грузинскими воинами отправился на крайний запад Кавказа и в течение трех лет отвоевал у греков северную территорию Грузии - Абхазию. В это время ему, несомненно, приходилось пользоваться внешней поддержкой своего дяди через закулисные контакты матери. И царь Персии Урмисд (Хормизд), наверное, знал об этих событиях. Об этом косвенно свидетельствует ситуация, описанная в следующем эпизоде:

«За три года (Вахтанг) забрал все крепости Абхазии вплоть до самого Цихе-Годжи. Наконец, вернулся он в царственный свой град Мцхета. Приветствовали его мать и сестры его и множество горожан. ... Тут царь Вахтанг возблагодарил бога многочисленными молитвами и ночными бдениями и одариванием нищих. И роздал дары народу своему, сделал знатными всадников многоопытных, отважно сражавшихся против осетин. Да отправил подношения из собственной добычи брату своей матери Вараз-Бакуру: рабов – тысячу, коней вьючных – тысячу, кобыл – тысячу. Затем отправил персидскому царю: рабов – десять тысяч, коней вьючных – десять тысяч, кобыл – десять тысяч. Все это поднес он царю Персии руками епископа Бинкарана и просил у персидского царя дочь его в жены себе; царь же персидский выдал ему в жены дочь свою по имени Балендухт. И в приданое поднес Сомхити и всех царей кавказианов, и отправил ему послание, в начале которого было начертано следующее: «Вахтангу, Варан-Хосро-тангу – великому царю десяти царей, от Урмизда – царя всех царей». И писал он о нужде в помощи в войне против кесаря» (Метревели 2008, 82-83).

Межгосударственными интересами обусловлен династический брак царя Вахтанга и персидской принцессы Балендухт, что является наглядным доказательством дипломатической дальновидности матери-царицы.

Следует отметить, что албанско-грузинские вооруженные силы снова воссоединились и воевали на этот раз против византийцев:

«И известил об этом Вахтанг все воинство свое и всех царей Кавказа. Собралось до двухсот тысяч воинов и расположились по обе стороны Куры. По велению персидского царя примкнул к нему дядя по матери – Вараз-Бакур, эристав Рана, с войском Адарбадагана, Рана и Мовакана» (Метревели 2008, 83).

В 459 году Вахтанг достиг дипломатического соглашения с византийским императором об обещании второго династического брака с его дочерью, в результате чего южная территория Картли и Абхазия снова воссоединилась с его царством.

Новый брак был обусловлен следующим обстоятельством:

«Царю Вахтангу супруга его родила близнецов – сына и дочь – и во время родов скончалась царица Балендухт – дочь царя персидского. ... В ту пору царь Вахтанг не улучил времени, чтобы взять в супруги дочь царя греческого, а также католикосов и епископов, ибо пребывал в ожидании вторжения персидского царя: укреплял крепости и города, снаряжал конников и готовился к войне против персов. Тогда же заточил он в темницу совратителя Бинкарана – епископа огнеслужителей – и сокрушил и изгнал всех огнепоклонников из пределов Картлийских» (Метревели 2008, 91).

В 461 году в Картли приехал воевать новый шах Хосро (Пероз). Во время битвы против персов Царь Вахтанг физически проявил выдающееся

боевые способности и поэтому прозвали его «Горгасали»:

«Вахтанг соорудил себе шлем из золота и изобразил спереди Волка, а на обратной стороне

– Льва. И устремлялся он туда, где сдавали силы грузин, и под его натиском падали воины персидские, словно онагры под натиском львов. Впредь персам стало невмочь противостоять ему, ибо запомнили того, у кого выведены (на шлеме) Волк и Лев и при виде Вахтанга восклицали: «Дур аз Горгасал», что значит «Остерегайтесь головы Волчьей». После этого и нарекли царя Вахтанга Горгасалом» (Метревели 2008,92).

Эта война закончилась перемирием (Гойладзе 2008, 24-25), за которым последовал династический брак Хосро (Пероза) и младшей сестры Вахтанга Горгасала. И персидский шах пригласил царя Картли в Персию:

«Мать и сестра Вахтанга Хуарандзе взмолились взять и их собой, чтобы помолиться в Иерусалиме. Забрал он их с собой и пошли царь Вахтанг и Хосро по Адарбадаганскому пути; а оттуда Вахтанг, его мать и сестра отправились в Иерусалим, а Хосро дожидался их в Антиохии. Вступили (в Иерусалим) и помолвились в святое воскресение и поклонились всем святым местам, сотворили молитву в святое Вознесение, принесли жертвы обильные и вернулись» (Метревели 2008, 95).

После паломничества в Иерусалим доблестная царица Сагдухт достойно покидает историческую арену.

Сохранилась одна надпись той эпохи, которая, вероятно, принадлежит этой царице:

«Святой Григорий Чудотворец, молящуюся тебе рабыню твою Сагдухт защити от всякого зла» (Бочоридзе, 1929, с. 173–178).

Заключение

Путь знаменитой и драматической жизни албанской принцессы и царицы Картли был полон сложных и напряженных исторических событий, но Сагдухт этот путь в основном прошла успешно и во многом оставалась победительницей. А ее знаменитый сын - Вахтанг Горгасал стал одним из выдающихся царей Грузии.

Литература

1. Бочоридзе Г. Исторические памятники. 1929. Т.: Моамбе Грузинского музея, том 5.
2. Гойладзе В.И. Вахтанг Горгасали и его историк. 1991. Т.: Мнатоби, С. 153
3. Гойладзе В.И. Вахтанг Горгасали. 2008. Т.: Мнатоби. 214 с.
4. Джуанишервани Д. Жизнь Вахтанга Горгасала / Пер. с древнегруз., предисл. и коммент. Г.В. Цулая. 1986. Т.: Мецниереба, 149 с.
5. Мамедова Ф. Кавказская Албания и албанцы. 2005. Б.: Центр Исследований Кавказской Албании, 798 с.
6. Метревели Р. Картлис Цховреба (История Грузии). 2008. Т.: Артануджи, 454 с.
7. Мровели Л. Жизнь картлийских царей: Извлеч. сведений об абхазах, народах Сев. Кавказа и Дагестана / Пер. с древнегруз., предисл. и коммент. Г.В. Цулая. 1979. М.: Наука, 103 с.
8. Мухелишвили Д.Л. Очерки истории Грузии: в 2 т. Т. 1. 2010. Т.: Мецниереба, 454 с.
9. Мухелишвили Д.Л. Очерки истории Грузии: в 2 т. Т. 2. 2010. Т.: Мецниереба, 579 с.
10. Рейфилд Д. Грузия - Перекресток империй. История длиной в три тысячи лет. 2017. М.: КоЛибри, 608 с.
11. Челидзе В. Династическое происхождение царей Картли (Иберия) // Грузинское источниковедение. 2017. № 37. С. 21-37
12. Челидзе В. Грузинская письменная культура - средство информационной

Челидзе В.
Письменные источники из древнеалбанско-грузинских
коммуникаций (Сагдукхт - принцесса Рани и царица
Картли)
Язык и текст. 2020. Том 7. № 3. С. 89–99.

Chelidze V.
Written Sources from Ancient Albanian-Georgian
Communications (Sagdukht - Princess Rani and Queen of
Kartli)
Language and Text. 2020. Vol. 7, no. 3, pp. 89–99.

коммуникации (традиции предалфавитного и алфавитного письма) // Кавказоведческие
разыскания. 2016. № 8. С. 57-93.

13. Челидзе В. Ранние этапы развития грузинской исторической прозы, часть первая // Грузинское источниковедение. 2015. № 35. С. 24-38.

14. Челидзе В. Ранние этапы развития грузинской исторической прозы, часть первая // Сджани. 2016. № 17. С. 8-24.

15. Челидзе В. Царский дом Картли (Иберия) раннехристианского периода (современные реалии и исторические контексты) // Богословско-научные труды. 2018. № 8. С. 13-30.

16. Чхартушвили М.С. Грузия в III-V вв. // История царского дома Хосрованов. 2018. Т.: Мецниереба, С. 154-314.

17. Чхартушвили М.С. Обращение Грузии / пер. с древнегруз. Е.С. Такаишвили. 1989. Т.: Мецниереба, 77 с.

18. Hinz W. Altiranische Funde und Forschungen. 1969. В.: de Gruyter, 275 p.

19. Rapp St. Studies in Medieval Georgian Historiography: Early Texts and Eurasian Contexts. Vol. 113. 2003. В.: Peeters Publishers, 522 p.

20. Toumanoff C. Studies in Christian Caucasian history. 1963. W., DC: Georgetown University Press, 599 p.

21. Wallis Budge E.A. The Chronography of Bar Hebraeus. 1932. L.: Oxford University Press, 660 p.

References

1. Bochoridze G. Istoricheskie pamyatniki. 1929. Tbilisi: Moambe Gruzinskogo muzeya, Vol. 5. (In Russ.).

2. Goiladze V.I. Vakhtang Gorgasali i ego istorik. 1991. Tbilisi: Mnatobi, pp. 153. (In Russ.).

3. Goiladze V.I. Vakhtang Gorgasali. 2008. Tbilisi: Mnatobi. 214 p. (In Russ.).

4. Dzhuansheriani D. Zhizn' Vakhtanga Gorgasala / Tr. drevnegruz., predisl. i komment. G.V. Tsulaya. 1986. Tbilisi: Metsniereba, 149 p. (In Russ.).

5. Mamedova F. Kavkazskaya Albaniya i albantsy. 2005. Baku: Tsentr Issledovaniy Kavkazskoi Albanii, 798 p. (In Russ.).

6. Metreveli R. Kartlis Tskhovreba (Istoriya Gruzii). 2008. Tbilisi: Artanudzhi, 454 p. (In Russ.).

7. Mroveli L. Zhizn' kartliiskikh tsarei: Izvlech. svedenii ob abkhazakh, narodakh Sev. Kavkaza i Dagestana / Tr. drevnegruz., predisl. i komment. G.V. Tsulaya. 1979. Moscow: Nauka, 103 p. (In Russ.).

8. Muskhelishvili D.L. Ocherki istorii Gruzii: v 2 t. T. 1. 2010. Tbilisi: Metsniereba, 454 p. (In Russ.).

9. Muskhelishvili D.L. Ocherki istorii Gruzii: v 2 t. T. 2. 2010. Tbilisi: Metsniereba, 579 p. (In Russ.).

10. Reifild D. Gruzuya - Perekrestok imperii. Istoriya dlinoi v tri tysyachi let. 2017. Moscow: KoLibri, 608 p. (In Russ.).

11. Chelidze V. Dinasticheskoe proiskhozhdenie tsarei Kartli (Iberiya). *Gruzinskoe istochnikovedenie*, 2017, no. 37, pp. 21-37. (In Russ.).

12. Chelidze V. Gruzinskaya pis'mennaya kul'tura - sredstvo informatsionnoi kommunikatsii (traditsii predalfavitnogo i alfavitnogo pis'ma). *Kavkazovedcheskie razyskaniya*, 2016, no. 8, pp. 57-93. (In Russ.).

Челидзе В.

Письменные источники из древнеалбанско-грузинских коммуникаций (Сагдукхт - принцесса Рани и царица Картли)

Язык и текст. 2020. Том 7. № 3. С. 89–99.

Chelidze V.

Written Sources from Ancient Albanian-Georgian Communications (Sagdukht - Princess Rani and Queen of Kartli)

Language and Text. 2020. Vol. 7, no. 3, pp. 89–99.

13. Chelidze V. Rannie etapy razvitiya gruzinskoj istoricheskoi prozy, chast' pervaya. *Gruzinskoe istochnikovedenie*, 2015, no. 35, pp. 24-38. (In Russ.).
14. Chelidze V. Rannie etapy razvitiya gruzinskoj istoricheskoi prozy, chast' pervaya. *Sdzhani*, 2016, no. 17, pp. 8-24. (In Russ.).
15. Chelidze V. Tsarskii dom Kartli (Iberiya) rannekhristsianskogo perioda (sovremennye realii i istoricheskie konteksty). *Bogoslovsko-nauchnye Trudy*, 2018, no. 8, pp. 13-30. (In Russ.).
16. Chkhartishvili M.S. Gruzija v III-V vv. *Istoriya tsarskogo doma Khosrovanov*, 2018, Tbilisi: Metsniereba, pp. 154-314. (In Russ.).
17. Chkhartishvili M.S. Obrashchenie Gruzii / per. s drevnegruz. E.S. Takaishvili. 1989. Tbilisi: Metsniereba, 77 p. (In Russ.).
18. Hinz W. *Altiranische Funde und Forschungen*. 1969. Berlin: de Gruyter, 275 p.
19. Rapp St. *Studies in Medieval Georgian Historiography: Early Texts and Eurasian Contexts*. Vol. 113. 2003. Virginia: Peeters Publishers, 522 p.
20. Toumanoff C. *Studies in Christian Caucasian history*. 1963. Washington, DC: Georgetown University Press, 599 p.
21. Wallis Budge E.A. *The Chronography of Bar Hebraeus*. 1932. London: Oxford University Press, 660 p.

Информация об авторах

Челидзе Владимир, доктор филологии, профессор, Руководитель научно-исследовательского отдела Центра грузинского искусства в Израиле, Израиль ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9485-3279>, e-mail: vladimer1958@yahoo.com

Information about the authors

Chelidze Vladimir, Doctor of Philology, Professor, Head of the Research Department of the Center for Georgian Art in Israel, Israel ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9485-3279>, e-mail: vladimer1958@yahoo.com

Получена 01.09.2020

Принята в печать 15.09.2020

Received 01.09.2020

Accepted 15.09.2020

Устаревшая лексика в рутульском языке

Махмудова С.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0220-6216>, e-mail: mahmudovasm@mgppu.ru

В естественных языках отмечается развитие по одинаковым законам, каким бы большим или малым по числу носителей ни был язык. Архаизация или переход лексики в пассивный пласт является общим для всех языков законом, зависящим от процесса развития самого общества и идущий параллельно с ним. В нашей работе демонстрируется процесс перехода активной лексики в пассивный пласт в миноритарном рутульском языке. Устаревшая лексика рутульского языка не служила предметом специального анализа в научной литературе, тогда как такие пласты лексики, как животноводческая лексика и заимствованная лексика, пословицы, поговорки, загадки, фразеология получили некоторое рассмотрение [Гусейнова, 1988; Кулиева, 2008; Махмудова, 2014; 2016; Сулейманова, 2018 и др.]. Между тем, пассивная лексика в языке составляет значительное количество, так как древний язык подвергался изменениям, обусловленными политическими, экономическими, социальными, культурными изменениями, происходившими в обществе, которое говорит на данном языке.

Ключевые слова: Устаревшая лексика, пассивная лексика, архаизмы, историзмы, рутульский язык.

Для цитаты: Махмудова С.М. Устаревшая лексика в рутульском языке [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2020. Том 7. № 3. С. 100–106. DOI:10.17759/langt.2020070310

Outdated Vocabulary in the Rutul Language

Svetlana M. Mahmudova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0220-6216>, e-mail: mahmudovasm@mgppu.ru

In natural languages, development is noted according to the same laws, no matter how large or small in the number of speakers the language may be. Archaization or the transition of vocabulary to a passive layer is a law common to all languages, depending on the process of development of society itself and going in parallel with it. Our work demonstrates the process of transition of active vocabulary into a passive layer in the minority Rutul language. The outdated vocabulary of the Rutul language has not been the subject of special analysis in the scientific literature, while

such layers of vocabulary as livestock vocabulary and borrowed vocabulary, Proverbs, sayings, riddles, phraseology have received some consideration [Huseynova, 1988; Kuliyeva, 2008; Makhmudova, 2014; 2016; Suleymanova, 2018, etc.]. Meanwhile, the passive vocabulary in the language is a significant amount, since the ancient language was subject to changes due to political, economic, social, and cultural changes that occurred in the society that speaks this language

Keywords: Outdated vocabulary, passive vocabulary, archaisms, historicisms, Rutul language.

For citation: Mahmudova S.M. Outdated Vocabulary in the Rutul Language. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2020. Vol. 7, no. 3, pp. 100–106. DOI:10.17759/langt.2020070310 (In Russ.).

Наблюдения за миноритарным рутульским языком, который насчитывает около 80 тысяч носителей по обеим сторонам Самура – по северной, входящей в состав России, и по южной, входящей в настоящее время в состав Республики Азербайджан, показывают, что каждый естественный язык, мажоритарный или миноритарный, демонстрирует одинаковую со всеми языками схему своего развития. В любом языке имеется пассивный и активный словарь, миноритарный язык так же подразделяется на диалекты и даже говоры. Если крупный по числу носителей русский язык подразделяется на два крупных наречия – северный и южный [Касаткин, 1999], то малый рутульский язык имеет четыре крупных диалекта – мухадский, ихрекско-мюхрекский, шиназский и хино-борчинский, которые внутри себя еще подразделяются на хорошо очерченные с лингвистической точки зрения говоры [Исмаилова; Таирова; 2010]. Это позволяет сделать вывод о том, что языки развиваются по общим законам, не зависящим от внешних факторов – численности носителей, экономического состояния ареала расположения, политической или социокультурной обстановки.

Устаревшая лексика рутульского языка не служила предметом специального анализа в научной литературе, тогда как такие пласты лексики, как животноводческая лексика и заимствованная лексика, пословицы, поговорки, загадки, фразеология получили некоторое рассмотрение [Гусейнова, 1988; Кулиева, 2008; Махмудова, 2014; 2016; Сулейманова, 2018 и др.].

Между тем, пассивная лексика в языке составляет значительное количество, так как древний язык подвергался изменениям, обусловленными политическими, экономическими, социальными, культурными изменениями, происходившими в обществе, которое говорит на данном языке.

Далее, согласно законам развития языка, лексика – это наиболее подверженный изменениям ярус языка, - в лексике впервые отображаются экономические и политические, культурные и социальные изменения, происходящие в жизни носителей.

Лексика таких прошедших длинный исторический путь языков, как рутульский, при отсутствии письменных памятников и документов об истории народа, является также источником исторических сведений, в связи с чем в данной работе будут содержаться некоторые исторические уточнения и разъяснения.

Лексические архаизмы и историзмы характеризуются тем, что устаревает все значение слова и слово как лексическая единица выходит из употребления. Причины же архаизации каждого отдельного слова или одной семантической группы различны.

Интерес представляют такие историзмы, как: *nalъchaa* “царь”, *max* “царский

престол”, *тадж* “корона”, где лексема *nalǵycaa* “царь” восходит к периоду Кавказской Албании, обозначая царя, верховного правителя. Данная лексема имеется во всех языках лезгинской подгруппы нахско-дагестанских языков и является исконной для них, так как данные языки и народы соответственно составляли костяк народов Кавказской Албании, просуществовавшей на территории современного Азербайджана и Дагестана до Дербента с 1 тысячелетия до нашей эры вплоть до 1836 года, когда Албанская Апостольская Автокефальная церковь была упразднена указом Александра I.

От христианского периода в истории рутулов сохранились слова *каIшии* “поп, христианский священник любого ранга”, *килисе* “церковь”, *гур* “гроб” и др.

Историзмы *тах* “престол”, *тадж* “корона”, *назир* “военачальник”, *вазир* “министр, советник”, *ханым* «госпожа; жена, дочь правителя», *биче* «дочь, сестра правителя», также являются историзмами в современном рутульском языке, однако являются заимствованными из персидского языка, так как царские дома Албании и Персии были связаны военно-политическим и родственным союзом.

Историзмами являются также лексемы *бег* “бек”, *кетхуди* “знать, аристократия”, *кваIший* «принцесса», *гыдыр* “посланник, посол”, *эмир* “руководитель, глава”. Историзмами следует считать слова *Аран* (исконное название Кавказской Албании) и *Гал* (низменные северные части Кавказской Албании). С периода Кавказской Албании сохранилось слово *ветегеде* “рыбные промыслы”, *гели* “корабль”, *чIалкIый* “рыбак”, *чIалкI* “рыба”, которые в современном рутульском языке являются историзмами, так же, как и *кьул* “раб”, *кьаривыш* “слуга”.

В пассивную лексику перешли с изменением условий жизни и развитием быта термины, обозначающие посуду, материал, профессию и мебель: *сакIан* “деревянный шкаф”, *чарпый* “деревянная емкость для сыпучих круп”, *шимшетий* «деревянная посуда для супа», *хыл* «деревянное корыто», *тапыт* «деревянная ларь», *гьамг* “хрусталь”, *дзыр* “медь; стекло”, *дзимих* “сера”, *чахмах* “огниво”, *руIх* “жернов, мельница”, *руIхуIхьан* “мельник”, *дынг* “колесо мельницы” *дынгы-хатал* “часть мельничного колеса”, *дыбычI* “веретено”, *тейкьул* «медная кружка», *царцар/царцарый* «глубокая глиняная посуда», *сатул* «глиняный или медный кувшин с толстыми боками», *хайра* «глиняная посуда», *маишафа* «глиняная посуда для молока», *кьеленгай* «посуда для соли глиняная», *кIолецI* «глиняная посуда для хранения масла», *гьарч* «глиняная посуда для масла, зерна, молочных продуктов», *миштер* «маленький ножик», *чантый* «специальная вытканная сумка», *алух* «седло», *уьзенг* «стремя», *мермер* «мрамор», *бышкьаб* «блюдец» и др., которые можно обозначить как архаизмы.

Архаизмами являются также названия одежды и тканей: *чухуй* “мужская длинная одежда”, *кьацIыген* “женская подвязка под подбородок”, *бирчек* “головной убор с длинной трубчатой частью для укрытия волос”, *дарый* “дорогое шелковое полотно”, *хьин* “холщовое полотно” *каз* “тонкий натуральный шелк, производимый шелкопрядом”, *шал* “шерстяное тонкое сукно местного производства” и др.

Архаизмами следует считать и военные термины *мулуIхалн* “кольчуга”, *ейьух* “лук”, *кьылындж* “меч”, *силагь* «оружие», *дар-агьадж* «виселица», *аттикуш* «борьба, бой, сражение» и др.

Если вышеприведенные слова перешли в пассивный запас лексики по причине изменений в экономическом и политическом устройстве народа, то нижеследующие слова становятся архаизмами в силу того, что процесс заимствования слов из другого языка (персидского, тюркского, арабского или русского) отмечается вытеснением исконного слова

заимствованием:

гагь “время” (вытеснено словом *вахт* арабского происхождения), *вак* “свинья” (вытеснено словом *дунгъуз* персидского происхождения), *пыте* “поросенок”, *джемиш* “буйвол”, *давыр* «ученая степень» *зар* “бриллиант”, *сан* “счет” (вытеснено словом *яцI*), *чIаIкI* “рыба” (вытеснено словом *балугъ* тюркского происхождения), *табашир* “мел”, *тюбет* “карандаш”, *танаафус* «перемена» и др.

К архаизмам в современном рутульском языке следуют отнести также некоторые названия животных - *тIавыс* “павлин”, *каркатан* “динозавр”, а также мифических существ - *аждагъ* “аждаха”, *даIв* “дев”, *хъвариц* “мифическое существо, которое может задушить долго спящего человека, особенно утром (им пугают детей, которые любят спать)”, *джылыгI* «большая толстая рыба без костей», *быракъ* «породистый конь; волшебный крылатый конь» и др.

В исследуемом языке сохранилось уходящее в пассивный запас слово *папушникI* “бумажник”, заимствованное из русского языка, по-видимому, в период Кавказской войны, однако в самом русском языке уже не встречающееся, но еще употребляемое рутулами старшего возраста.

К словам пассивного запаса относятся также слова *шалхв* “сияние, блеск, нимб”, *хумар* «игра в карты; казино», *дурум* “выдержка, выносливость, возможность”, *джуз* “древняя рукопись, книга”, *кире* «дань, взятка», отсюда, соответственно, и глагол *кире выс* «заплатить дань, дать взятку» *лыдж* «очередь: в каждом обществе был обычай решать очередность на общем собрании, где вписывались имена, потом вытаскивались бумажки, где написаны имена, человеком, который не видит написанного», *юн-тегьер* «умение содержать дом, сад, участок», *пер* «настроение, вдохновение», отсюда, соответственно, и глагол *пер вахас* «потерять настроение, настрой, вдохновение», *гьумарат* «шедевр, произведение искусства», *данджи-динар* «копейка, грош», *далил* «основание, довод, доказательство», *далук* «деревянный засов в воротах», *дегинте* «помеха, препятствие, трудность, проблема», *диливар* «оратор, ритор, выступающий, докладчик», *кьалт* «блеск, долгий луч», *кьалф* «неправда, фальшь, преднамеренный обман», *кьатараг* «древний ручной подъемник типа подъемного крана», *джаIнг* – соревнование ашугов, *кьисе* «проблема», *суй* «красота лица и фигуры, благородное выражение лица и благородство поступков; благородство крови (как правило, о мужчинах)», а также прилагательное, образованное из данного слова: *суй ад* «благородный, красивый, смелый, умный (о мужчинах)», *баIъ* «процент», *чуруддум!* «выражение, обозначающее, что говорящий берет свои слова обратно или сам публично признается, что совершил действие неправильно» и др.

В связи с изменениями в быте и образе жизни в пассивный запас уходят названия расписания еды, блюд, продуктов: *негьер* «перекус, легкий второй завтрак перед обедом», *гьудыхдад улесды* «второй ужин, который едят прямо перед сном», *фулуц* «сыр, жаренный на камне», *хьилиджан* «перга мёда», *кIеп* «», *хъач* «ростки пшеницы», *кье* «проросшая пшеница», *мае* «закваска», *арчаб* «блюдо из сыра», *кир* «самая малая единица измерения муки, в долях граммов», *кьын* «съедобная фигурка из сыра для детей; козел» и др.

Архаизмами можно считать названия болезней, частей тела, медицинские термины: *вабаад езер* «холера, чума», *джузан* «проказа», отсюда – и глагол *джузан йикис* «заболеть проказой», *дзугуный* «часть кости на кисти», унуггъуй «крестец», *бугьма* «дифтерия», *кьиздирма* «малярия, лихорадка», *бавыш (йыIхыс)* «введение в состояние забытья, но при этом оставаясь физически активным», хад «позвонок» и т.д., в современном рутульском языке замененные заимствованными русскими терминами.

В пассивном запасе оказались также архаизмы прилагательные: *кеврекды* «хрупкий», *субуйды* «свободный от повинности, труда», *гуьндурды* «превосходный высший», *суланды* «темно-красный цвет», *кыстахды* «капризный, избалованный, вспыльчивый», *гьезимды* «пугливый, нервный», *фергьалвын* «наглый, коварный, но сильный человек» (лексема восходит к слову "фараон"), *афлаатлин* «сильный всемогущий, образованный» (образовано от имени древнегреческого философа Платона) и т.д.

В связи с изменениями в социальной сфере архаизмами стали и некоторые названия специальностей и профессий: *эсгер* «солдат», *багьманчи* «садовник», *дамахьан* «лесник, дровосек», *кьыхьашихьан* «пастух для телят», *йиванашихьан* «пастух для лошадей» и т.д.

В связи со сменой религии в пассивный пласт лексики ушли также исконные имена божеств: *Йиниш* «бог», *Гуди* «бог Солнца», *Туш* «бог домашнего очага», *Пан* «бог скота», *Амыч* «бог домашнего скота» и др.

Семантические архаизмы характеризуются тем, что устаревает и уходит из употребления одно из значений слова. К ним в рутульском языке можно отнести такие лексемы, как:

Гал – рутульское название название Кавказской Албании (устар.), **гал** – зазубрина; **хал** – дом, **хал** – паутина (устар.), **хал** – крупный рисунок на ткани (устар.); **хат1** – почерк, **хат1 йыхы1с** – определить часть овец для удоя (устар.) и др.

Приведенный материал демонстрирует, что архаизации подверглись названия домашней утвари, в основном, деревянной и медной, весьма распространенной у рутулов, но вытесненной с изменением уклада жизни; названия болезней и частей тела, а также прилагательные, замененные русскими терминами; исконные имена божеств, вытесненные реалиями изменения религии; названия не востребованных в современных реалиях профессий; названия социальных явлений и блюд, не использующихся современными носителями языка.

Подобные изменения, наблюдающиеся на протяжении последнего столетия, показывают, что язык развивается вместе с народом – носителем.

Литература

1. Гусейнова Ф.И. Лексика рутульского языка. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Т., 1988, 186 с.
2. Исмаилова А.М., Таурова М.О. Особенности оформления объектных, определительных и обстоятельственных отношений в рутульском языке. 2010. М.: ДГПУ, 136 с.
3. Ибрагимова М.О. Способы выражения пространственных отношений в рутульском языке [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы языка и литературы. 2000, № 4. С. 45-46. URL: <https://elibrary.ru/download/64243295.pdf> (дата обращения 02.09.2020)
4. Касаткин Л.Л. Русские диалекты. Лингвистическая география // Русские. Монография института этнологии и антропологии РАН. 1999. М.: Наука, С. 90-95.
5. Кулиева Р.Б. Животноводческая лексика мухадского диалекта рутульского языка. Автореферат дисс ... кандидата филол. наук. М., 2008, 20 с.
6. Махмудова С.М. Фразеологический словарь рутульского языка. 2016. М.: Эпоха. 215 с.
7. Махмудова С.М. Жемчужины рутульской мысли. Пословицы, поговорки и загадки рутульского народа. 2014. М.: Эпоха. 151 с.
8. Махмудова С.М. Языковая репрезентация аксиологической доминанты концепта 'Этика' ('Абыр') в национальной картине мира рутулов [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2018. Том 5. № 2. С. 75–81. DOI:10.17759/langt.2018050213 (дата обращения 02.09.2020)

9. Махмудова С.М. Закон экономии подлежащего в нарративном дискурсе [Электронный ресурс] // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2012. № 3. С.18-20. URL: <http://www.vestnik.dgu.ru/Stat/18-20.pdf> (дата обращения 02.09.2020).
10. Сулейманова Т.А. Животноводческая лексика мухадского диалекта рутульского языка [Электронный ресурс] // Филология: Гуманитарные науки. 2018. № 7. С. 164-166. URL: <http://www.nauteh-journal.ru/files/56cb081f-2670-457e-b512-799d5ff46682> (дата обращения 02.09.2020).
11. Умарова П.У. Устаревшая лексика в аварском языке. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013, 21 с.

References

1. Guseinova F.I. Leksika rutul'skogo yazyka. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk. Tbilisi, 1988, 186 p. (In Russ.).
2. Ismailova A.M., Tairova M.O. Osobennosti oformleniya ob"ektnykh, opredelitel'nykh i obstoyatel'stvennykh otnoshenii v rutul'skom yazyke. 2010. Makhachkala: DGPU, 136 p. (In Russ.).
3. Ibragimova M.O. Sposoby vyrazheniya prostranstvennykh otnoshenii v rutul'skom yazyke [Ways to Express spatial relations in the Rutul language]. *Aktual'nye problemy yazyka i literatury = Current problems of language and literature*, 2000, no. 4, pp. 45-46. Available at: <https://elibrary.ru/download/64243295.pdf> (Accessed 02.09.2020) (In Russ.).
4. Kasatkin L.L. Russkie dialekty. Lingvisticheskaya geografiya. *Russkie. Monografiya instituta etnologii i antropologii RAN*, 1999. Moscow: Nauka, pp. 90-95. (In Russ.).
5. Kulieva R.B. Zhivotnovodcheskaya leksika khnovskogo dialekta rutul'skogo yazyka. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk. Moscow, 2008, 20 p. (In Russ.).
6. Makhmudova S.M. Frazeologicheskii slovar' rutul'skogo yazyka. 2016. Makhachkala: Epokha. 215 p. (In Russ.).
7. Makhmudova S.M. Zhemchuzhiny rutul'skoi mysli. Poslovitsy, pogovorki i zagadki rutul'skogo naroda. 2014. Makhachkala: Epokha. 151 p. (In Russ.).
8. Makhmudova S.M. Yazykovaya reprezentatsiya aksiologicheskoi dominanty kontsepta 'Etika' ('Abyr') v natsional'noi kartine mira rutulov [Language representation of the axiological dominant of the concept 'Ethics' ('Abyr') in the national picture of the world of Rutul] // *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2018. Vol. 5, no. 2, pp. 75–81. DOI:10.17759/langt.2018050213 (Accessed 02.09.2020) (In Russ.).
9. Makhmudova S.M. Zakon ekonomii podlezhashchego v narrativnom diskurse [The law of economy of the subject in narrative discourse]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki = Bulletin of the Dagestan State University. Series 2: Humanities*, 2012, no. 3, pp. 18-20. Available at: <http://www.vestnik.dgu.ru/Stat/18-20.pdf> (Accessed 02.09.2020). (In Russ.).
10. Suleimanova T.A. Zhivotnovodcheskaya leksika mukhad'skogo dialekta rutul'skogo yazyka [Ivstock Breeding Lexico Of Mukhad Dialects of Rutulic Language]. *Filologiya: Gumanitarnye nauki = Series: Humanities*, 2018, no. 7, pp. 164-166. Available at: <http://www.nauteh-journal.ru/files/56cb081f-2670-457e-b512-799d5ff46682> (Accessed 02.09.2020). (In Russ.).
11. Umarova P.U. Ustarevshaya leksika v avarskom yazyke. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk. Makhachkala, 2013, 21 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Махмудова Светлана Мусаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры

Махмудова С.М.
Устаревшая лексика в рутульском языке
Язык и текст. 2020. Том 7. № 3. С. 100–106.

Mahmudova S.M.
Outdated Vocabulary in the Rutul Language
Language and Text. 2020. Vol. 7, no. 3, pp. 100–106.

«Лингводидактика и межкультурная коммуникация» института «Иностранные языки, современные коммуникации и управление», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0220-6216>, e-mail: mahmudovasm@mgppu.ru

Information about the authors

Svetlana M. Makhmudova, doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and intercultural communication at the Institute of Foreign languages, modern communications and management», Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0220-6216>, e-mail: mahmudovasm@mgppu.ru

Получена 01.09.2020
Принята в печать 15.09.2020

Received 01.09.2020
Accepted 15.09.2020